ЕВРАЗИЙСКАЯ № 2 (39) 2019

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.
Издается один раз в два месяца.

Журнал является официальным печатным органом Русско-Азиатской Ассоциации Юристов (Russian Asian Legal Association)

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по группе научных специальностей 12.00.00 – юридические науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.10 – Международное право; Европейское право;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии Российских адвокатов, ректор Российской Академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Члены редакционного совета

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, заместитель председателя правления Агентства развития малого и среднего бизнеса Азербайджанской Республики, ведущий научный сотрудник Отдела Государственного законодательства и Конституционного права Института Права и прав человека Национальной Академии Наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации Юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.10);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.09, 12.00.10);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт, 12.00.03, 12.00.10);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.09);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.02, 12.00.11);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград, 12.00.01);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02, 12.00.11);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.08, 12.00.11);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана, 12.00.12);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк, 12.00.08, 12.00.10);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог, 12.00.09, 12.00.12);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, старший вице-президент Русско-Азиатской Ассоциации Юристов, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08, 12.00.11, 12.00.12);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, 12.00.08);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада, 12.00.10);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 12.00.11);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Люберцы, 12.00.01);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева, 12.00.10);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.10);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг, 12.00.02, 12.00.08).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Кауракова Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

Кулагин Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

Мельниченко Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

Мирный Даниил Сергеевич – руководитель направления юридического перевода;

Петров Дмитрий Вячеславович – руководитель направления новостей;

Полянская Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

Рагулина Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

Сычев Олег Михайлович – кандидат юридических наук, помощник главного редактора;

Тафинцев Максим Владимирович – руководитель направления GR;

Фархутдинов Динар Инсурович – руководитель направления IT.

Учредитель: АНО «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права»
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.,
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru
Сдано в печать: 30.04.2019. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.**: +7 (917) 40-61-340.

EURASIAN № 2 (39) 2019

ADVOCACY

Journal is published since 2012.
Published once in two months.

The journal is official publication of Russian Asian Legal Association

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals (the Russian Higher Attestation Commission List), where the main results of doctor of sciences dissertations and candidate of sciences dissertations in the 12.00.00 scientific specialty group (legal sciences and the corresponding branches of science) must be published:

12.00.01 – Theory and History of the Law and the State; History of Teachings on the Law and the State;
12.00.02 – Constitutional Law; Constitutional Trial; Municipal Law;
12.00.03 – Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law;
12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law;
12.00.09 – Criminal Trial;
12.00.10 – International Law; European Law;
12.00.11 – Judicial Activities; Public Prosecutor's Activities; Human Rights and Law-Enforcement Activities;
12.00.12 – Criminalistics; Judicial Expert's Activities; Police Investigative Activities.

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow, 12.00.11).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Vice-chairman of the Board of the Agency of Development of Small and Medium Business of the Azerbaijan Republic, leading researcher of the National Legislation and the International Law department of Institute on Human Rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.10);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the departament of International and European Law of law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.09, 12.00.10);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Economy and Law Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa, 12.00.08, 12.00.11);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy Chamber of Moscow Area (Russian Federation, Moscow, 12.00.02, 12.00.11);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the departament of Civil Law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent, 12.00.11);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of departament of Advocacy and Law-Enforcement Activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.10);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, professor of departament of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, St. Petersburg, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog, 12.00.09, 12.00.12);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Criminal Law department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08, 12.00.11, 12.00.12);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of S. Amanzholov East Kazakhstan State University, chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk, 12.00.08);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada, 12.00.10);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, professor, assistant of manager departament of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Russian University of Friendship of the People (Russian Federation, Moscow, 12.00.11);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of departament of the Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Lyubertsy, 12.00.01);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva, 12.00.10);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic Criminal Law and the head of departament of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck, 12.00.08, 12.00.10);

VAN Erp Sjef – LLM, professor of departament of Civil Law and European Private Law and head of the Private Law Department of Maastricht University, president of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Nedherlands, Maastricht, 12.00.03, 12.00.10);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of departament of International Private and Civil Law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.09);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of departament of State and Law disciplines of the Russian New University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.02, 12.00.11).

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade, 12.00.01);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong, 12.00.02, 12.00.08);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, Honourable worker of education of Kazakhstan, first vice-president of International Union (Commonwealth) of Advocates, President of International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana, 12.00.12).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of reviewing of scientific publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of preprinting preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, associate professor, Head of SMM;

MIRNIY Daniil Sergeevich – Head of the legal translation;

PETROV Dmitry Vyacheslavovich – Head of news department;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of literary editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;

SYCHEV Oleg Mikhaylovich – PhD, Assistant of the Editor-in-chief;

TAFINTSEV Maxim Vladimirovich – Head of GR;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов научных статей, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Русско-Азиатской Ассоциации Юристов, редакционного Совета и редакционной коллегии журнала.
© Евразийская адвокатура, 2019.

Содержание

ПЕРСОНА
Конкурентное право: наука, адвокатура, ассоциации юристов.
Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Директором Международного научно-образовательного Центра сравнительного правоведения Московского отделения Ассоциации юристов России, заместителем председателя исполнительного комитета МО АЮР Марией Александровной Егоровой 7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
Быкадорова Е.В.
Институт вещественных доказательств: логика исторического развития 12

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ
Рагулин А.В.
Терминологические нюансы в адвокатуре: о «жанре» и содержании Открытого обращения 32-х адвокатов на имя Председателя Следственного комитета Российской Федерации 19
Пастухов М.И.
Белорусская адвокатура нуждается в улучшении 26
Мельниченко Р.Г.
Пути финансовой оптимизации функционирования органов адвокатского самоуправления 32
Короткова П.Е.
Законодательное регулирование процедуры сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката в условиях информатизации российской адвокатуры: проблемы и перспективы 40
Аксёнов А.Н.
Преодолевая предубеждения, или укол из тени 44

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ
Авдеева Е.В., Тамаев Р.С.
Залог в механизме регулирования уголовно-процессуальных отношений 48
Багишев О.А.
Анализ региональных проблем приватизации служебных жилых помещений 53

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Калюжный А.Н., Карпушкин О.С.
Конституционное право на свободу личности и его реализация в законодательстве современной России 56

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Крайнова Н.А.
Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) 60
Натаров А.А., Дудоров Т.Д.
Ответственность за совершение медицинских правонарушений: основания и виды 65
Постанюк В.Д.
К проблеме декриминализации ответственности за преступления экономического характера 71
Гриб Д.В.
Социальная обусловленность норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий 74
Горобцова Ю.О.
Уголовно-правовая характеристика неосторожных преступлений, связанных с нарушением профессиональных обязанностей 79
Свиридов Р.В.
К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ 83
Трубин Е.М.
Сокрытие предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ 87

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ
Чашин А.Н.
Правовая доктрина: ипостаси и ризомность 92
Москаленко А.И.
Нотариальная деятельность в контексте реализации защиты права: общетеоретический подход 97
Канатов Т.К.
Особенности правового статуса субъектов авторского права и смежных прав в странах Евразийского экономического союза 103
Мочалова В.А.
Ответственность наследников по долгам наследодателя: проблемы и перспективы развития института 111

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ
Ходусов А.А.
О конституционной модели социального государства в рыночной экономике 115
Волкова Т.Б.
Миграционная политика и тенденции ее развития ...120

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 123

Contents

PERSONA
Competitive law: science, legal profession, associations of lawyers.
Interview with Doctor of Juridical Sciences, Professor of Department of the Competitive Law of Moscow State Legal University of O.E. Kutafin (MGYuA), Director of the International Scientific Education Center of Comparative Jurisprudence of the Moscow office of Association of Lawyers of Russia, Vice-chairman of Executive Committee of the Moscow office of Association of Lawyers of Russia Maria Aleksandrovna Egorova 7

HISTORICAL EXPERIENCE
Bykadorova E.V.
Concept of Physical Evidence: Logic of Historical Development 12

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING
Ragulin A.V.
Problems of Terminology in Advocacy: On the «Genre» and the Content of the Public Call of 32 Advocates Addressed to the Chairman of the Investigative Committee of The Russian Federation 19
Pastukhov M.I.
Belarusian Advocacy Needs an Improvement 26
Melnichenko R.G.
Ways of Financial Optimization of the Functioning of Advocates' Self-Management Bodies 32
Korotkova P.E.
Legislative Regulation of the Bar Exam Process in the Context of Computerisation of the Russian Advocacy: Problems and Possibilities 40
Aksenov A.N.
Overcoming prejudice, or a shot from the shadow 44

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE
Avdeeva E.V., Tamaev R.S.
Bail in the Mechanism of Regulating Criminal Procedure Relations 48
Bagischev O.A.
Analysis of Regional Problems of Privatization of Service Housing 53

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE
Kalyuzhnyi A.N., Karpushkin O.S.
Constitutional Right to Individual Liberty of and its Realization in the Legislation of Modern Russia 56

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE
Krainova N.A.
Correction of the condemned: goal or function of criminal punishment? (To the question of essence and terminology) 60
Natarov A.A., Dudorov T.D.
Responsibility for Medical Offences: Reasons and Types 65
Postanyuk V.D.
On the Problem of Decriminalization of Responsibility for Economic Crimes 71
Gryb D.V.
Social Conditionality of the Criminal Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus on the Theft Comitted Using Information Tehnologies ...74
Gorobtsova J.O.
Criminal Law Characteristic of Negligent Crimes Related to the Violation of Professional Duties 79
Sviridov R.V.
On the Issue of Subject of the Crime under Article 245 of the Criminal Code 83
Trubin E.M.
Concealment of an Object of the Crime under Part 1 of Art. 325 of the Criminal Code of the Russian Federation 87

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE
Chashin A.N.
Legal Doctrine: Hypostases and Rhizomeness 92
Moskalenko A.I.
Notary Activities in the Context of the Implementation of the Protection of Rights: A General Theoretical Approach 97
Kanatov T.K.
Features of Legal Status of Subjects of Copyright and Related Rights in the Eurasian Economic Union Countries 103
Mochalova V.A.
Responsibility of the Heirs to the Testator's Debts: Problems and Prospects for the Development of the Concept 111

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA
Khodusov A. A.
On the Constitutional Model of Welfare State in a Market Economy 115
Volkova T.B.
Migration Policy and Trends of Its Development 120

ABOUT THE AUTHORS INFORMATION 123

КОНКУРЕНТНОЕ ПРАВО: НАУКА, АДВОКАТУРА, АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ

Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Директором Международного научно-образовательного Центра сравнительного правоведения Московского отделения Ассоциации юристов России, заместителем председателя исполнительного комитета МО АЮР Марией Александровной Егоровой

COMPETITIVE LAW: SCIENCE, LEGAL PROFESSION, ASSOCIATIONS OF LAWYERS

Interview with Doctor of Juridical Sciences, Professor of Department of the Competitive Law of Moscow State Legal University of O.E. Kutafin (MGYuA), Director of the International Scientific Education Center of Comparative Jurisprudence of the Moscow office of Association of Lawyers of Russia, Vice-chairman of Executive Committee of the Moscow office of Association of Lawyers of Russia Maria Aleksandrovna Egorova

Визитная карточка:

Егорова Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), член Совета по науке и редакционного издательского совета МГЮА, сопрезидент Международного союза юристов и экономистов (Франция), директор Международного научно-образовательного Центра сравнительного правоведения Московского отделения Ассоциации юристов России, заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, почетный профессор университета Логос (Майями, США). Специалист по предпринимательскому праву и конкурентному праву.

В 2006 году с отличием окончила дневное отделение ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (гражданско-правовая специализация). Обучаясь в академии, являлась стипендиаткой Президента РФ.

В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию «Односторонний отказ от исполнения договора по законодательству Российской Федерации» по специальности 12.00.03. В 2013 году защитила докторскую диссертацию «Концепция реализации способов прекращения гражданско-правовых обязательств» по специальности 12.00.03.

Сфера научных интересов: антимонопольное регулирование в сфере предпринимательской деятельности, проблемы правового регулирования координации экономической деятельности и экономической концентрации, антимонопольный комплаенс, ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, государственное регулирование торговой деятельности, проблемы заключения, изменения и расторжения договоров, исполнение и прекращение договорных обязательств, коммерческие договорные обязательства, договорное и торговое право иностранных государств.

Автор более 300 научных, научно-практических и учебно-методических публикаций по гражданскому и предпринимательскому праву, в том числе более 180 научно-практических статей в ведущих юридических журналах, семи монографий, авторского учебника и учебника в соавторстве, пяти учебных пособий по проблемам договорного и коммерческого права. Соавтор девяти монографий по проблемам конкурентного и коммерческого права. Приняла участие в работе более 90 научно-практических, всероссийских, межрегиональных и международных конференций и форумов в России и за рубежом.

Главный редактор «Журнала предпринимательского и корпоративного права» с момента его основания и главный редактор журнала «Право и цифровая экономика» Университета им. О.Е. Кутафина, заместитель главного редактора журнала «Юрист», член редакционных советов журналов «Вестник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», «Конкурентное право», «Российское конкурентное право и экономика», «ДНК права» и «Северо-Кавказский юридический вестник» (научно-практический журнал ЮРИУ – филиала РАНХиГС), член редакционных коллегий журналов «Право и экономика», «Вестник Арбитражной практики», «Юридический мир», «Вестник Нижегородского государственного университета», «Новая правовая мысль».

Председатель комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России (с 2015 года).

Член Комитета ТПП РФ по безопасности предпринимательской деятельности. Член Научно-консультативного совета при Арбитражном суде г. Москвы. Член Научно-методического совета образовательных организаций и кафедр конкурентного права и антимонопольного регулирования ФАС России. Член Комиссии по правовому регулированию экономической деятельности Московского отделения Ассоциации юристов России. Член Комиссии по конкурентному праву и антимонопольному праву Ассоциации юристов России. Эксперт Комитета РСПП по корпоративным отношениям и Комитета по защите малого и среднего бизнеса Общественной палаты

РФ. Член Российской Академии юридических наук (РАЮН). Член Общероссийской общественной организации «Российское профессорское собрание».

Многие работы М.А. Егоровой опубликованы в сборниках научных трудов российских и зарубежных вузов. Ею также подготовлен комментарий к новому Федеральному закону от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (М.: Юстицинформ, 2012).

В качестве модератора и докладчика приняла участие в работе более чем 80 научных конференций, круглых столов и форумов в России и за рубежом, в том числе во Франции (Париж, Канны), Армении (Ереван), Словакии (Кошице), Казахстане (Алма-Аты). Принимает участие в работе научно-практических международных конференций в Москве (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская академия наук, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Институт государства и права РАН, Университет Прокуратуры и др.).

В рамках научного сотрудничества принимает участие в работе научно-практических всероссийских и международных конференций в российских регионах (Брянск, Воронеж, Киров, Коломна, Краснодар, Великий Новгород, Омск, Пенза, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Саратов, Смоленск, Тольятти, Уфа, Челябинск и др.).

– Здравствуйте, уважаемая Мария Александровна! Начнем с нашего традиционного вопроса. Прошу Вас рассказать, когда и по какой причине Вы пришли в юриспруденцию?

– Решение связать свою профессиональную деятельность с юриспруденцией сформировалось у меня еще в детстве. Думаю, что это связано с сильно выраженным у меня чувством справедливости. С раннего возраста я остро ощущала недостатки в регулировании различных аспектов социальной жизни. Взрослея, я совершенно точно поняла, что в состоянии повлиять на эти процессы. Ведь в демократическом гражданском обществе право является продуктом деятельности социума, а не наоборот. С этим был связан выбор профессии: я готовила себя к роли исследователя, ученого, который мог бы обосновать необходимость и выявить наиболее выверенные пути совершенствования правового регулирования самых различных групп общественных правоотношений.

– Какие направления научных исследований в рамках гражданского права и конкурентного права на сегодняшний день являются, по Вашему мнению, наиболее актуальными?

– Любые научные исследования в сфере юриспруденции интересны, когда они имеют практико-ориентированное направление. В последние годы развитие науки гражданского права стало очень динамичным. Необходимость постоянного совершенствования гражданского законодательства обусловлена большим количеством коллизий в судебно-арбитражной практике. Как следствие, российская юридическая наука вырабатывает свои предложения по изменению законодательства, что выражается в появлении актуальных научных статей в сфере корпоративного права, дополнении и изменении норм о гражданско-правовых договорах и обязательствах.

Например, с 1 июня 2018 года изменились положения ГК РФ о финансовых сделках. Теперь к предмету договора займа относятся любые деньги, включая безналичные денежные средства и ценные бумаги. Судебным инстанциям теперь также предоставлена возможность уменьшить проценты по договору займа, заключенному между физическими лицами либо юридическом лицом, не осуществляющим профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, и гражданином-заемщиком. В связи с глобальной цифровизацией и наступлением четвертой промышленной революции серьезные изменения в Гражданский кодекс РФ будут также введены уже этой осенью, с 1 октября 2019 года в ГК РФ будут введены понятия «цифровые права» и «смарт-контракты». И хотя в гражданское законодательство уже будет введена категория «цифровых прав», правовой режим криптовалюты все еще не определен. В то же время существует объективная необходимость урегулирования данного явления с позиций как публичного, так и частного права. Поэтому мне представляется, что актуальными также являются исследования проблем нормативного регулирования криптовалютной деятельности.

Активная работа по разработке моделей правового регулирования и формирования новых правоотношений в эпоху цифровой экономики и тотальной цифровизации неуклонно идет на протяжении долгого периода времени и в последний год начала приносить первые результаты.

Для конкурентного права, мне представляется, наиболее актуальными являются вопросы совершенствования законодательства об ответствен-

ности за нарушение законодательства о защите конкуренции, вопросы имплементации норм европейского антимонопольного законодательства в российскую правовую систему в целях выработки лучших правовых моделей регулирования отношений в сфере конкурентного права в России, а также совершенствования законодательства о цифровых картелях. Также мне представляется важным определение перспективных задач в рамках совершенствования антимонопольного законодательства в целом и Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», выработка правовых конструкций и внедрение в юрисдикционную систему правоприменения института антимонопольных процедур с целью повышения открытости правоприменения и сближения с лучшими антимонопольными практиками Европейского Союза.

– Существует ли, по Вашему мнению, потребность в создании и развитии отдельного направления адвокатской деятельности – «деятельность адвоката в сфере конкурентного права»? В чем, на Ваш взгляд, состоят основные особенности деятельности адвокатов в этой сфере?

– Практически сегодня это направление адвокатской работы уже существует. Мало того, большим спросом на рынке адвокатской деятельности пользуются адвокатские фирмы, которые специализируются сугубо на вопросах юридической помощи в сфере антимонопольного регулирования. Считаю, что указанное Вами направление адвокатской деятельности должно быть легализовано, а крупные адвокатские партнерства должны иметь в своем составе направление, занимающееся вопросами антимонопольной практики.

Есть несколько причин, по которым необходима подобная специализация адвокатов.

Во-первых, это специфика работы ФАС России, которая предполагает наличие большого числа ведомственных подзаконных актов, без учета которых невозможно оказание юридической помощи клиентам в этой сфере.

Во-вторых, это бурное развитие антимонопольного законодательства. Адвокат должен быть на острие всех проблем, связанных с совершенствованием антимонопольного регулирования, что невозможно без глубокого погружения специалиста в эту проблематику.

В-третьих, это развитие института антимонопольного комплаенса, который предполагает доскональное знание самых разнообразных аспектов антимонопольного регулирования, тем более, что, как правило, комплаенс применяется на самых проблемных участках рынка, особенно в условиях олигополии и даже естественных монополий. Все это требует от адвоката не только высокого уровня специальных профессиональных компетенций, но и наличия практических навыков работы, связанных с особенностями антимонопольного процесса.

– Вы активно сотрудничаете с Федеральной антимонопольной службой России, Общественной палатой, принимаете участие в работе ряда комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, входите в состав научно-консультативного совета при Арбитражном суде города Москвы, являетесь заместителем председателя исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, тесно сотрудничаете с Ассоциацией российских дипломатов. Расскажите, пожалуйста, подробнее об этих направлениях Вашей работы.

– Действительно, я активно сотрудничаю с названными вами организациями как член научно-методического совета образовательных организаций и кафедр конкурентного права и антимонопольного регулирования ФАС России. В рамках методического совета я, как и другие его члены, даю свои предложения по развитию и совершенствованию учебной дисциплины «Конкурентное право». Советом разрабатываются предложения по улучшению учебного процесса, введению новых и актуальных спецкурсов в сфере конкурентного права. Регулярно мы с коллегами организуем научные мероприятия в сфере конкурентного права совместно с Общественной палатой и Государственной Думой. Огромный пласт работы, конечно, связан с моей должностью – я являюсь заместителем председателя исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, последние пять лет курирую все научные и международные проекты МО АЮР.

С 2015 года я являюсь Председателем Комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России. Эффективность и значимость деятельности Комиссии определяется высокой квалификацией ее членов. В состав Комиссии входят ведущие специалисты России в области конкурентного права: это и ведущие ученые в сфере предпринимательского и конкурентного права, работающие не только в московских научных учреждениях и вузах, практические работники Федеральной антимонопольной служ-

бы России, представители бизнес-сообщества и адвокатской практики, корпоративные юристы. Проблемы правового регулирования в сфере конкурентного права являются одной из важнейших задач как для законодателей, так и правоприменителей, поэтому столь широкий спектр научных интересов членов Комиссии позволяет выработать эффективные предложения по совершенствованию российского антимонопольного законодательства. С 2017 года запущен успешный, как я уже сейчас могу отметить, проект по изданию ежегодного сборника научных трудов членов комиссии, который издается при поддержке издательства «Юстицинформ».

С 2017 года я активно сотрудничаю с Ассоциацией российских дипломатов. В 2018 году Университет им. О.Е. Кутафина подписал соглашение о сотрудничестве с Ассоциацией российских дипломатов. За два года совместно мы провели четыре круглых стола и две научных конференции. В частности, два мероприятия были проведены в рамках Московской юридического недели в ноябре–декабре 2018 года, одно успешно состоялось в рамках ежегодного юридического форума, организованного и проведенного Университетом им. О.Е. Кутафина в апреле 2019 года. Эксперты ассоциации были приглашены в Университет им. О.Е. Кутафина для публичных выступлений перед студентами в целях передачи опыта. В 2018 году Университет им. О.Е. Кутафина, Ассоциация российских дипломатов и Ассоциация юристов России подготовили совместно коллективную монографию «Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии» (Т. I и II / отв. ред. М.А. Егорова, И.В. Халевинский. М.: Юстицинформ, 2018), которая была издана на русском и английском языках и направлена в ведущие европейские вузы.

В монографии представлены статьи ведущих правоведов и экономистов России, Германии, Швейцарии, Франции и Китая. В ней рассмотрены актуальные вопросы развития современного гражданского, корпоративного, конкурентного и банковского права, современные проблемы развития экономических отношений и перспективы их дальнейшего совершенствования. Авторами монографии стали как представители профессорско-преподавательского состава Университета им. О.Е. Кутафина, так и преподаватели других ведущих вузов и научно-исследовательских институтов России (МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университета, ИГПРАН, ИЗиСП и др.).

– Как вам удается совмещать эту деятельность с активной научной работой, редакционно-издательской и преподавательской деятельностью?

– Это непросто, но очень интересно. Мне представляется, что работа в общественных организациях тесно взаимосвязана с работой в сфере редакционно-издательской деятельности и, конечно, педагогической работой.

С 2013 года я исполняю обязанности заместителя главного редактора журнала «Юрист». Мы публикуем интересные статьи, основу которых составляют научные разработки, в частности, членов Комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства МО АЮР, которые по результатам нашей совместной работы готовят публикации, впоследствии активно использующиеся в учебном процессе и вызывающие интерес у студенческого сообщества, в частности, Университета им. О.К. Кутафина. В «Журнале предпринимательского и корпоративного права» Издательского дома «Юстицинформ» я как главный редактор по согласованию с редакционным советом и редакционной коллегией с момента его основания совместно с коллегами готовлю интервью с известными учеными, политическими деятелями, практикующими юристами. С 2018 года введена постоянная рубрика «Трибуна молодого ученого», в рамках которой мы публикуем научные статьи молодых ученых, аспирантов, молодых исследователей со всей нашей страны, а в некоторых случаях – статьи студентов и магистрантов, выигравшие в конкурсе научных работ на студенческих конференциях. Так, в этом году мы публикуем две научные статьи магистрантов Университета им. О.К. Кутафина и МГУ им. М.В. Ломоносова, которые подготовили доклады к конференции «Традиции и новации в системе современного российского права», ежегодно проводимой Университетом им. О.К. Кутафина.

С 2014 года ежегодно я как представитель МО АЮР провожу совместные научные мероприятия с кафедрой предпринимательского права МГУ им. М.В. Ломоносова. Нами проводится круглый стол по актуальным проблемам развития малого и среднего предпринимательства (май–июнь), а также традиционный международный круглый стол по актуальным проблемам развития права и экономики (ноябрь–декабрь) в рамках Московской юридической недели. Модератором данных мероприятий я выступаю совместно с проректором МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Вайпаном. К мероприятиям мы издаем научную

монографию при поддержке издательства «Юстицинформ»

– Не так давно Вами и рядом Ваших коллег был создан Международный союз юристов и экономистов. Расскажите, пожалуйста, об основных целях и задачах данной организации и о мероприятиях, которые планируются к проведению в рамках деятельности Союза.

– Идея создания данной ассоциации у меня и моих коллег появилась достаточно давно, еще в 2015 году. Мы последовательно готовили этот проект. Ассоциация была учреждена во Франции в 2018 году. Вместе со мной сопрезидентом ассоциации является господин Ален Дюфло – эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и Партнеры» (г. Лион, Франция), преподаватель Университета Леон III имени Жана Мулена (Франция), почетный консул Гватемалы.

Основными целями ассоциации являются:

1. Содействие международному сотрудничеству в области права и экономики.

2. Анализ и развитие законодательства в области международной торговли, договорного права, цифровой экономики и конкуренции.

3. Содействие диалогу и сотрудничеству между юристами, экономистами и учеными из Европейского Союза, Российской Федерации и Азии.

4. Организация семинаров, симпозиумов и учебных курсов в вышеуказанных областях.

5. Урегулирование споров альтернативными методами.

6. Издание публикаций, сообщений, докладов, рекомендаций и информационных бюллетеней в вышеупомянутых областях.

7. Подготовка предложений по изменению законодательства о международной торговле, договорном праве, цифровой экономике, конкуренции и государственных инвестициях.

8. Предоставление альтернативных способов урегулирования споров посредством посредничества и арбитража.

Нашими основными проектами в ассоциации стали: проведение научных мероприятий, экспертно-консультационная деятельность, поддержка иностранных граждан за рубежом, функционирование Центра международного арбитража и проведение Международного ежегодного юридического форума в Каннах (Франция).

За год существования ассоциации мы подписали соглашения о сотрудничестве с Университетом им. О.К. Кутафина, Ассоциацией российских дипломатов, Русско-Азиатской Ассоциацией Юристов.

– В завершение интервью что Вы пожелаете нашему журналу и его читателям?

– Что пожелать журналу? Процветания, хороших одаренных авторов и заинтересованных читателей, чтобы число оных постоянно преумножалось. Одним словом, успехов в работе и творчестве!

Беседовал доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
А.В. Рагулин

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Быкадорова Е.В.

ИНСТИТУТ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ЛОГИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Цель: На основании исторических фактов выявить вектор исторического развития института вещественных доказательств.

Методология: В работе над темой исследования использовались историко-правовой метод, метод анализа документов и правовых текстов.

Результаты: На примере истории законодательного оформления использования вещественных доказательств в России показано, что институт вещественных доказательств развивался стадиально, постепенно усовершенствовались формы и принципы работы с вещественными доказательствами. Автор обозначает логику исторического развития института вещественных доказательств как эволюционное развитие: от субъективных и примитивных способов доказывания к более объективным и надежным.

Новизна/оригинальность/ценность: История правового института вещественных доказательств представлена как единый процесс со своими закономерностями развития. Автор вводит в обиход науки уголовного процесса важный источник – «Проект Уголовного Уложения», составленный при Елизавете Петровне (1754 г.), с его позднейшими редакциями. Представлена периодизация развития института вещественных доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс России, институт доказательств, доказывание, вещественные доказательства, улики, «поличное», памятники права.

Bykadorova E.V.

CONCEPT OF PHYSICAL EVIDENCE: LOGIC OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Purpose: On the basis of historical facts to identify the vector of historical development of the concept of physical evidence.

Methodology: Historical and legalistic methods, as well as method of analysis of documents and legal texts, were used in the work on the research topic.

Results: On the example of the history of legislative development of the use of physical evidence in Russia, it is shown that the concept of physical evidence has developed in stages, the forms and principles of work with physical evidence have been gradually improving. The author denotes the logic of historical development of the concept of material evidence as an evolutionary development: from subjective and primitive methods of proving to more objective and reliable.

Novelty/originality/value: The history of the legal concept of physical evidence is presented as a single process with its own laws of development. The author introduces the important source of the science of criminal process – «Criminal Legislation Draft», compiled in the reign of Elizabeth of Russia (1754), with later amendments. The periodization of the development of the concept of physical evidence is presented.

Keywords: criminal process of Russia, concept of evidence, proving, physical evidence, forensics, crime scene, the monuments of law.

Вещественные доказательства занимают особое место: несмотря на их равнозначность и равноценность с другими видами доказательств из перечня, приведенного в УПК РФ, многие исследователи-теоретики, а также субъекты доказывания указывают на первостепенное значение для доказывания именно вещественных доказательств – материальных объектов, имеющих связь с событием преступления. И на первом месте среди преимуществ данного вида доказательств оказывается их надежность и достоверность, они не могут солгать, их «свидетельские показания» не могут исказиться из-за «забывчивости» или других факторов.

Другое дело, что решающее значение для обеспечения достоверности выводов на основании вещественных доказательств играет интерпретация, истолкование той доказательственной информации, которую содержит в себе материальный объект, на котором следы преступления отразились. Даже самые, казалось бы, неопровержимые и очевидные вещественные доказательства требуют тщательной проверки и оценки. Выводы на основании вещественных доказательств делает человек, оценка доказательства – это всегда интерпретация, которая неизбежно субъективна. Поэтому, указывая на высокий статус вещественных доказательств в доказывании, мы в то же время нисколько их не идеализируем. Идея о том, что наличие вещественных доказательств (даже нескольких) в деле, а также их указание на виновного (но только в первом приближении) вовсе не гарантирует обоснованных и достоверных выводов, развита в популярном американском сериале «Однажды ночью». Тема вещественных доказательств и их использования в расследовании преступлений становится в последнее время весьма популярной в массовой культуре, особенно в кинематографе.

Несмотря на представленные вещественные доказательства, показания свидетелей, детально составленные схемы сцены преступления (вообще весь комплекс доказательной базы), вопрос о виновности главного героя в совершении убийства так и не получил однозначного и достоверного ответа.

Если рассматривать институт вещественных доказательств в ретроспективе, то очевидно прослеживаются определенные тенденции в его становлении и развитии. Поэтому мы и говорим о логике исторического развития института вещественных доказательств. Выводы принято озвучивать после рассмотрения какого-то фактического материала, однако мы позволим себе нарушить этот порядок и сперва укажем на эти тенденции, а затем обратимся к собственно историческому материалу.

Развитие важнейшего правового института доказывания можно охарактеризовать как эволюционное (в самом общем смысле – восхождение от простых форм к более сложным). Ненадежные, субъективные, подчас антигуманные способы выяснения истины сменялись способами более надежными, объективными и гуманными. Эти изменения происходили постепенно: требовалось время, чтобы в общественном сознании утверждалось понимание необходимости гуманизации доказательного процесса, повышения уровня его объективности. Вместе с развитием института доказывания развивался, как его составная часть, и институт вещественных доказательств.

Это развитие выражалось в уяснении сущности вещественных доказательств, в разработке способов их собирания и сохранения. Формировалась терминология, появлялись принципы работы с вещественными доказательствами (правовые институты проверки и оценки доказательств, в частности). В наше время это эволюционное историческое развитие института вещественных доказательств продолжается, особенно в области криминалистики: благодаря современным научно-техническим достижениям работа с вещественными доказательствами выходит на новый уровень. Итак, история института вещественных доказательств характеризуется поступательным и целенаправленным развитием, постепенным усложнением и, одновременно, гуманизацией.

Если обратиться к истокам, к самому началу становления института доказывания, то мы обнаруживаем примечательную закономерность. Для выяснения истины (установления виновного, обстоятельств преступления, потерпевших, степени причиненного вреда и т. д.) считалось оправданным обращаться к свидетельским показаниям, именно они воспринимались как основополагающие. Да, институт свидетелей старше института вещественных доказательств, его развитие зафиксировано даже в священных текстах мировых религий. В Римском праве, а также в византийских правовых источниках свидетельские показания имеют высокий статус. В практике расследования преступлений в Древней Руси первое место среди других доказательств (не считая субъективных способов доказывания, о которых мы скажем ниже) также занимали свидетельские показания (видоков и послухов – т. е. что-либо видевших или слышавших о преступном деянии; понятия «видоки» и «послухи» тождественны современным «свидетель» и «очевидец») [подробнее см.: 10].

Для ознакомления с развитием теории доказательств в европейских государствах (которое также можно охарактеризовать как эволюционное развитие) полезно обратиться к монографии М.А. Чельцова-Бебутова [13], не утратившей научной значимости, несмотря на идеологическую ангажированность, характерную для почти всех текстов советского времени. Мы же рассмотрим более подробно историческое развитие института вещественных доказательств в России.

Озвученная нами идея о постепенном (эволюционном) развитии института доказательств удостоверяется обращением к первичным способам доказывания в средневековой Руси, которые, как мы сегодня сказали бы, антигуманны и субъективны. В то же время появление даже таких примитивных (или религиозно окрашенных) «доказательств» говорит о формировании определенного вектора, «логики» в развитии института доказательств. Среди древних видов доказательств, послуживших вот такой эволюционной ступенькой, известны следующие:

– ордалии (подозреваемый подвергался различным испытаниям, если он их претерпевал, то это говорило в пользу его невиновности);

– судебный поединок (или «поле», победивший в поединке «доказывал» победой свою правоту);

– присяга (она называлась также «рота» – слав. клятва; «ротиться» – клясться), клятва расценивалась как доказательство;

– жребий (виноват или оправдан оказывается тот, на кого выпадет жребий).

Все вышеприведенные «доказательства» можно охарактеризовать как волюнтаристские (воля случая решает вопрос о виновности / невиновности, наиболее это очевидно в случае с жребием), субъективные способы доказывания [8]. Должно

было пройти время, чтобы под доказательствами стали пониматься такие свидетельства (сведения, как определяет доказательство современный УПК РФ), которые, во-первых, относятся к событию преступления, во-вторых, получены допустимыми способами, в-третьих, достоверны, в-четвертых, достаточны в своей совокупности для выяснения истины по уголовному делу. Ни одно из вышеперечисленных «доказательств» не обладает относимостью, хотя для человека тех времен эта связь, возможно усматривалась – через религиозные представления, т. е. на виновность или невиновность указывают высшие невидимые силы через вышеприведенные способы.

Когда вещественные доказательства начинают фигурировать как способ доказывания в истории развития уголовного процесса? На этот вопрос не так легко ответить. Дело в том, что термин «вещественное доказательство» появился достаточно поздно (в XIX в.), в то время как сам феномен вещественных доказательств, сам способ доказывания через обращение к физическим объектам, отразившим следы преступления, существовал задолго до терминологической разработки соответствующего понятия.

Некоторые исследователи указывают, что впервые в Древней Руси о вещественных доказательствах речь шла в договорах 911 и 945 гг. Текст договоров неоднозначен, все здесь зависит от его интерпретации [см.: 3, с. 287–288].

Для того чтобы проследить историю становления и развития института вещественных доказательств в российском уголовном процессе, мы обратимся к источникам.

Об использовании вещественных доказательств свидетельствует правовой документ русского Средневековья – «Русская правда». В ту эпоху вещественные доказательства именовались «поличное», и надо отметить, что понятие «поличное» просуществовало достаточно долго – вплоть до XVIII века.

В одной древнерусской грамоте представлена также и первая попытка как-то определить поличное: «...А поличное то, что вынут из клети, из-за замка; а найдут что в дворе или в пустой хоромине, а не за замком, ино, то не поличное» [6, с. 12–13]. А в Псковской Судной грамоте, кроме того, что вещественным доказательствам усваивается высокое доказательственное значение, описывается порядок обнаружения и изъятия поличного (зарождение института приставов).

Судебник Ивана III (1497 г.) свидетельствует об использовании в доказывании поличного, в частности, приводится мера наказания человеку, пойманному с поличным (имеется в виду украденное имущество) и имеющему репутацию вора (по свидетельским показаниям), – смертная казнь [3, с. 290]. Поличное фигурирует также в итоговом документе Стоглавого собора (1551 г.) – сборнике под названием «Стоглав» и имеет такой же смысл – найденное имущество; поличное – вид доказательства в делах о кражах [6, с. 13].

В 1716 г. император Петр I утвердил Воинский Артикул, который регламентировал в том числе судебное разбирательство по уголовным делам. Расследование дел «о тятьбах» (воровстве) основывалось на работе с вещественными доказательствами (они обозначались как «поличное»), в делах об убийствах также рассматривались вещественные доказательства – орудия убийства, которые могли быть обнаружены возле трупа [2, с. 23]. Использование вещественных доказательств в доказывании постепенно вводилось в русло определенных правил и принципов. Так, найденное «поличное» требовалось проверить: принадлежит ли оно на законных основаниях владельцу или украдено. Подозреваемый мог предоставить «свод» – указать источник происхождения имущества, например предыдущего владельца. Это указание должно было происходить очно; возможно, из практики свода возникло такое следственное действие, как очная ставка [8, с. 105].

Эпохальное значение имел первый после судебника Ивана IV систематизированный свод законов – Соборное уложение 1649 года, составленное специальной комиссией, собранной царем Алексеем Михайловичем. В этом документе также представлена регламентация расследования уголовных преступлений, отличающаяся, впрочем, крайним волюнтаризмом, когда упор делается не на исследование доказательств, но на «выбивание» признания путем применения пыток. Структура Уложения не отличается разработанностью; нормы, регламентирующие уголовный процесс, так или иначе фигурируют в составе различных статей, наиболее сконцентрированы в главах XXI («О разбойных и татиных делех») и XXII («За какие вины казнити»). Так или иначе, в документе продолжается формирование принципов доказывания. По-прежнему большое значение имели такие доказательства, как свидетельские показания; в судебном процессе использовались в качестве доказательств документы (письменные доказательства). Уложение свидетельствует, что такие «доказательства», как поле (судебный поединок), жребий, крестное целование, рассматривались как способы доказывания, что говорит о медленном развитии института доказательств

в нашем отечестве. Вещественные доказательства («поличное») также использовались, в основном при расследовании дел о кражах [9, с. 118–129], само поличное понималось узконаправленно – как украденное имущество. Отметим, что в тексте Уложения используется также понятие улика (в главе X, ст. 165), правда, насколько можно судить, исходя из контекста, улика – это не обязательно вещественное доказательство, а, скорее, вообще все, что уличает, обличает. Приведем статьи 164 и 165: «Статья 164. А которые люди в обыскех учнут говорити, что они про то дело, про которое будет обыск, ничего не ведают, а иные люди их в том уличат, что они про то дело ведают, и сыщется про то допряма, и на тех людех за ложныя их речи по тому же правити на государя пеня, и наказание им чинити против того же, как о том писано выше 133 сего. Статья 165. А будет которые обыскные люди про которое дело в обыску скажут, что они не ведают, а улики на них в том никакие не будет, и им того в вину не ставить» [9, с. 50]. Еще одно подтверждение тому, что «улики» понимались не как материальный объект, а как сведения, – в главе XXI, ст. 29: «А будет про них в обыску скажут, что они люди добрые, и улики никакие на них не ведают, и тех по пыточным речем и по обыском давать на чистые поруки тем же людем, которые их одобрят в том, что им никаким воровством не промышлять» [9, с. 120].

Интереснейший источник по истории уголовного процесса в России – проект Уголовного Уложения, составленный при Елизавете Петровне (1754 г.), и его позднейшие редакции – остается практически незамеченным исследователями исторического пути института вещественных доказательств, несмотря на то, что изданный текст находится в открытом доступе в сети Интернет (ресурс Викитека).

Императрицей Елизаветой Петровной была созвана комиссия для создания нового свода законодательства, нового Уложения. Вторая часть Уложения, «О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены», является, по сути, уголовным кодексом. В этом документе можно зафиксировать изменение обозначения вещественных доказательств, теперь наравне с понятием «поличное» употребляется термин «прилики» или «приличное».

Возможно, слово «прилики» – однокоренное с «уличать», «обличать», отсюда улики – вещественные доказательства, обличающие в виновности.

Введение обыска явилось драйвером для более масштабного использования вещественных доказательств в доказывании по уголовным делам. «И для того когда в вышеписанных делах на кого доношение подано будет, и против того доношения, по генеральному следствию, кто подозрительным скажется, тогда надлежит, к явному его злодейства обличению, в доме его, в городех чрез судящего, а в уездах чрез коммиссаров, сотских и десятских с понятыми, обыскивать, не явиться ль чего по объявленному на него злодейству приличное, како выше сего 4 главы во втором пункте показано, а паче при описи пожитков все его письма, запечатав, також и то одно приличное взять к суду, а в суде учинить тем письмам опись» (VI глава) [7, с. 20]. Работа с вещественными доказательствами «эволюционирует»: производство обыска, на котором собираются вещественные доказательства («приличное»), происходит в присутствии понятых. Необходимость привлечения понятых была, однако, прописана еще в Соборном Уложении 1649 г., в статье 87 главы XXI, где о понятых говорится, что в качестве понятых следует избирать «сторонних людей, добрых, кому мочно верити» [9, с. 127].

В главе восьмой («По каким подозрениям пытать») мы находим перечень «прилик» – вещественных доказательств. Отметим, что составление перечней вещественных доказательств способствовало также эволюционному развитию института вещественных доказательств. К «особливым приликам» относятся (пункт 6) [7, с. 34–35]:

1. Кровавые знаки (следы крови) на платье или на шпаге, ноже или другом каком оружии;

2. Человек (приводится интересный пример: если недалеко от найденного трупа младенца найдется женщина, «которая брюхата была и по осмотру пред несколькими днями родила, а где оный ею рожденный младенец девался, о том показать не может», – в данном случае эта женщина будет рассматриваться как вещественное доказательство);

3. Яд или «какие вредительные зелья»;

4. Фальшивые деньги или устройства для их изготовления («чеканы»);

5. Зажигательные составы (при расследовании поджогов);

6. Награбленное имущество (пожитки);

7. Воровские ключи (видимо, инструменты для взлома);

8. Одежда (изодранное платье).

Несмотря на очевидное изменение восприятия вещественных доказательств, понимание их важности и доказательственной силы, они в данном документе еще не выделяются в отдельный вид доказательств. В главе VI «О разных родах до-

казательства» выделяются следующие виды доказательств [7, с. 17–18]:

1. Собственное признание.
2. Письменное доказательство.
3. Доказательство через свидетелей.
4. Доказательство через обыск.
5. Пристрастный расспрос и пытка.
6. Очистительная присяга.

Доказательство через обыск – конечно, не что иное как доказательство через собирание и использование вещественных доказательств («прилик»). Однако конкретизации этого положения нет, видимо, в связи с недостаточным осознанием прилик как самостоятельного вида доказательств.

Понятие «вещественные доказательства» мы находим впервые в Уставе Полевого уголовного судопроизводства (1795) в § 31, а также в Указе от 9 февраля 1828 года [5, с. 127]. В Проекте уголовного уложения Российской Империи 1813 года (документе, оказавшем значительное влияние на развитие уголовного законодательства в России), несмотря на то, что понятие «вещественное доказательство» не употребляется, можно отметить понимание важности и принципиального значения материальных объектов, связанных с преступлением. Так, отмечается необходимость рассматривать при расследовании преступлений о подделывании денег (а также облигаций или свидетельств) средства, которыми пользовались фальшивомонетчики (или их помощники – «вспомогатели подделки»): «штемпели, чеканы, гербы, бумагу»; после суда они подлежали уничтожению [1, с. 107–108]. Как вещественные доказательства рассматривались де-факто также «ключи, крючья и другие для отпирания замков и задвижек приготовленные орудия или тому подобные средства» [1, с. 169]. Обнаружение такого рода вещественных доказательств влияет на обвинительный приговор: «Если в воровстве с подделанными ключами или другими орудиями обличен участником слесарь (первоначальное значение слова «слесарь» – замочный мастер, от нем. Schloß – «замок, затвор».) или иной подобным искусством занимающийся, то наказание за оное увеличивается» [1, с. 169].

Однако укореняется терминология только в 1864 году, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (словосочетание «вещественное доказательство» употребляется в документе 16 раз). Устав следует рассматривать как важную веху в историческом развитии института вещественных доказательств, в нем мы обнаруживаем детальное и приближенное уже к современным нормам уголовного процесса описание работы с вещественными доказательствами. Данный документ возник благодаря масштабной реформе императора Александра II.

Собирание вещественных доказательств на месте преступления должно быть организовано незамедлительно: «Судебный следователь должен принимать своевременно меры, необходимые для собрания доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться. К выемке и отобранию вещественных доказательств преступления или проступка, а также вещей, добытых чрез преступное деяние, судебный следователь приступает при самом открытии сих вещей» [11, с. 146]. Для собирания вещественных доказательств используются обыск и выемка, причем, согласно ст. 368, «Ни присутственные места, ни должностные или частные лица не могут отказываться от выдачи нужных к производству следствия письменных или вещественных доказательств» [11, с. 157]. Отдельный параграф посвящен собиранию и сохранению вещественных доказательств. В нем в статье 371 приводится первое определение вещественных доказательств. «Вещественные доказательства, как-то: поличное, орудие, коим совершено преступление, подложные документы, фальшивые монеты, окровавленные или поврежденные предметы, и вообще все, найденное при осмотре места, при обыске или выемке и могущее служить к обнаружению преступления и к улике преступника, должно быть подробно описано в протоколе с указанием и обстоятельств, сопровождавших отыскание и взятие вещественных доказательств» [11, с. 157]. Работа с вещественными доказательствами, их приобщение к делу (т. е. обеспечение допустимости), хранение – эти вопросы находят отражение в тексте Устава. «Вещественные доказательства должны быть, по возможности, перенумерованы, уложены, запечатаны и приобщены к делу» [11, с. 157].

Статья 373 предлагает меры для сохранения целостности и неповрежденности вещественных доказательств: «Если вещественные доказательства не могут быть отделены от места, где найдены, например, кровь на стенах здания, деревьях и тому подобное, но их необходимо сохранить для осмотра чрез сведущих людей, то следователь обязан принять надлежащие меры к ограждению следов преступления от всякого изменения или же истребления и, буде возможно, опечатать место или предмет, на котором остались следы преступления, и поручить опечатанное надзору полиции или благонадежных соседних жителей,

или же приставить стражу» [11, с. 157]. В статье 374 фиксируется развитие исследования вещественных доказательств экспертами, а также приводится практика, которую мы бы сегодня обозначили как «получение образцов для сравнительного исследования»: «Предметы, подлежащие химическому или микроскопическому исследованию, берутся только в необходимом для исследования количестве и укладываются врачом или фармацевтом так, чтобы не могли утратиться в дороге, воспринять посторонней примеси или образовать химических с посудой соединений» [11, с. 158]. Развивается также и такой важный вопрос уголовного производства, как определение дальнейшей судьбы вещественных доказательств. В статье 375 читаем: «Предметы, похищенные или отнятые, по отыскании и оценке их возвращаются под росписку тем, у кого были похищены или отняты, если в приложении этих предметов к делу не представляется особенной надобности» [11, с. 157].

В советское время институт вещественных доказательств продолжает усовершенствоваться. Однако изменения, уточнения формулировок и проработка деталей работы с вещественными доказательствами опять же происходят постепенно. Положение о военных следователях 1919 г. почти дословно воспроизводит положения о вещественных доказательствах Устава 1864 г., не в силах избавиться от дореволюционного «багажа» [12, с. 86].

Взвешенное определение вещественных доказательств, использованное и в современном УПК РФ, приводится в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. (статья 70): «Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных» [4, с. 194].

В УПК РСФСР 1960 г. (введен в действие в 1961 г.) продолжается разработка проблем хранения вещественных доказательств, определения их дальнейшей судьбы, основные положения, однако, не претерпевают существенных изменений.

Сегодня продолжается реформирование УПК РФ, продолжается и историческое развитие института вещественных доказательств – как в законодательстве, так и в трудах исследователей-процессуалистов.

В завершение нашего краткого исследования представим периодизацию исторического развития института вещественных доказательств в уголовном процессе России.

1. Период Русского средневековья (Древней Руси). Законодательство определялось действием Русской правды, Судебника Ивана III. Самого понятия «вещественное доказательство» еще не существует, оно подразумевается под «поличным».

2. Начиная с Петровских реформ до Устава 1864 г. Происходит развитие института вещественных доказательств. Они все более воспринимаются как самостоятельное средство доказывания.

3. Период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Качественное изменение восприятия вещественных доказательств. Более детальная разработка вопросов, относящихся к собиранию, хранению, использованию в доказывании вещественных доказательств.

4. Советский период. Разработка положений о вещественных доказательствах в УПК РСФСР 1922 г. и 1960 г. Полноценное укоренение в правосознании и правоприменительной практике института вещественных доказательств.

5. Современная уголовно-процессуальная практика (постсоветский период). Развитие как законодательства, так и методов практической работы с вещественными доказательствами в криминалистике.

Пристатейный библиографический список

1. Безверхов А.Г., Коростелёв В.С. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года. Самара: Самарский университет, 2013.
2. Быкадорова Е.В. История развития института вещественных доказательств в уголовном процессе России // Юридический факт. 2018. № 33. С. 21–25.
3. Ванявин Д.В. История развития института вещественных доказательств в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2 (11). С. 287–293.
4. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сб. документов. М., 1955.
5. Линовский В.А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст, 2001.
6. Лунин С.В. Система доказательств по Стоглаву // Вопросы экономики и права. 2013. № 2. С. 12–14.
7. Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882.
8. Прокофьева С.М. Становление и развитие института доказательств в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 102–107.

9. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987.

10. Староверова Е.В. Новый взгляд на «видоков» и «послухов» Русской правды // Российское государствоведение. 2018. № 2. С. 21–27.

11. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991. С. 120–249.

12. Худякова Ю.В. Эволюция понятия «вещественные доказательства» в уголовном судопроизводстве России до введения УПК РСФСР 1960 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 84–87.

13. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

References (transliterated)

1. Bezverxov A.G., Korostelyov V.S. Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossijskoj Imperii 1813 goda. Samara: Samarskij universitet, 2013.

2. By`kadorova E.V. Istoriya razvitiya instituta veshhestvenny`x dokazatel`stv v ugolovnom processe Rossii // Yuridicheskij fakt. 2018. № 33. S. 21–25.

3. Vanyavin D.V. Istoriya razvitiya instituta veshhestvenny`x dokazatel`stv v ugolovnom processe Rossii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2009. № 2 (11). S. 287–293.

4. Istoriya zakonodatel`stva SSSR i RSFSR po ugolovnomu processu i organizacii suda i prokuratury`: sb. dokumentov. M., 1955.

5. Linovskij V.A. Opy`t istoricheskix razy`skanij o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii. M.: LeksE`st, 2001.

6. Lunin S.V. Sistema dokazatel`stv po Stoglavu // Voprosy` e`konomiki i prava. 2013. № 2. S. 12–14.

7. Proekty` ugolovnogo ulozheniya 1754–1766 godov. Novoulozhennoj knigi chast` vtoraya: o rozy`skny`x delax i kakie za razny`e zlodejstva i prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy` polozheny`. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1882.

8. Prokof`eva S.M. Stanovlenie i razvitie instituta dokazatel`stv v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 2 (58). S. 102–107.

9. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii. L.: Nauka, 1987.

10. Staroverova E.V. Novy`j vzglyad na «vidokov» i «posluxov» Russkoj pravdy` // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2018. № 2. S. 21–27.

11. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. // Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 8. Sudebnaya reforma. M.: Yuridicheskaya literatura, 1991. S. 120–249.

12. Xudyakova Yu.V. E`volyuciya ponyatiya «veshhestven-ny`e dokazatel`stva» v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii do vvedeniya UPK RSFSR 1960 goda // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 2. S. 84–87.

13. Chel`czov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual`nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel`cheskix, feodal`ny`x i burzhuazny`x gosudarstvax. SPb., 1995.

Проведем оценку имущества для любых целей:

✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *
*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Рагулин А.В.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ В АДВОКАТУРЕ: О «ЖАНРЕ» И СОДЕРЖАНИИ ОТКРЫТОГО ОБРАЩЕНИЯ 32-х АДВОКАТОВ НА ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Определить правовую квалификацию Открытого обращения 32-х адвокатов на имя Председателя Следственного комитета Российской Федерации.

Методология: В работе над темой исследования использовались формально-юридический метод, лингвистический метод, метод анализа документов и правовых текстов.

Результаты: Сделан вывод о том, что открытое обращение 32-х адвокатов об Обеспечении объективного и своевременного расследования следственными органами системы Следственного комитета России всех данных о финансовых и иных злоупотреблениях представителей органов управления Адвокатской палаты Республики Башкортостан не обладает всеми сущностными признаками «доноса», а поэтому не может быть квалифицировано как донос. По своему правовому статусу данное Обращение необходимо относить к заявлениям группы граждан, содержащим сообщение о недостатках в работе государственных органов и их должностных лиц и критику деятельности указанных органов и должностных лиц.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной и практической ценностью, поскольку в ней рассмотрена актуальная, ранее не изученная проблема, обусловленная событиями, произошедшими в новейшей истории российской адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, профессиональная этика адвоката.

Ragulin A.V.

PROBLEMS OF TERMINOLOGY IN ADVOCACY: ON THE «GENRE» AND THE CONTENT OF THE PUBLIC CALL OF 32 ADVOCATES ADDRESSED TO THE CHAIRMAN OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: To determine the legal qualification of the public call of 32 advocates addressed to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Methodology: Formal and linguistic methods, as well as method of analysis of documents and legal texts were used in the work on the research topic.

Results: It is concluded that the public call of 32 advocates aimed to ensure an objective and timely investigation by the Investigative Committee of Russia of all data on financial and other abuses of representatives of the management bodies of the Bar Association of the Republic of Bashkortostan does not have all the essential features of «denunciation», and therefore can not be qualified as a denunciation. According to its legal status, this call should be considered a statement of a group of citizens in the form of report on the shortcomings in the work of state bodies and their officials and criticism of the activities of these bodies and officials.

Novelty/originality/value: The paper has scientific and practical value, as it deals with the topic, previously unanalyzed problem caused by the events that occurred in the recent history of the Russian advocacy.

Keywords: advocacy, advocate activities, professional ethics of an advocate.

2 марта 2019 года группа адвокатов из 32 человек подписала «Открытое обращение» (далее – Обращение) на имя Председателя Следственного комитета Российской Федерации, из текста [39] которого следует, что его подписанты призывают «обеспечить объективное и своевременное расследование следственными органами системы Следственного комитета России всех данных о финансовых и иных злоупотреблениях представителей органов управления Адвокатской палаты Республики Башкортостан».

В комментарии адвоката Г.М. Резника, размещенном к посту адвоката К.Е. Ривкина в социальной сети «Facebook», указывается следующее: «подписантам», а также другим коллегам, ...следует задуматься над жанром текста Обращения, направленного в Следственный Комитет. Я определяю этот жанр как ДОНОС».

Мнение коллег по этому поводу разделилось: с Г.М. Резником согласился адвокат Р.П. Коблев, выразили несогласие адвокат А.В. Аванесян, указавший на то, что, по его мнению, донос обязательно должен характеризоваться признаком тайности. Адвокаты К.Е. Ривкин, И.Ю. Павлов, К.А. Москаленко, М.И. Хаймович, юрист С.А. Васякин выразили солидарность с этим подходом [37]. Активное обсуждение продолжается в открытых и закрытых группах социальной сети «Facebook», на личной странице самого Г.М. Резника [34].

Ввиду наличия терминологической неопределенности, а также очевидной значимости рас-

смотрения соответствующего вопроса для разрешения ряда противоречий, накопившихся к настоящему времени в отечественной адвокатуре и вышедших на очередной виток своего развития непосредственно до, во время и после проведения IX Всероссийского съезда адвокатов [34], представляется необходимым, обратившись к ряду толковых словарей русского языка, обнародованным фактическим данным, а также письменным материалам, установить, что же понимается под термином «донос» и является ли доносом рассматриваемое Обращение.

В соответствии с содержащимися в ряде толковых словарей русского языка данными, термин «донос» трактуется как «тайное обвинительное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-нибудь деятельности, поступках» [7], «тайное сообщение представителю власти, начальнику, содержащее обвинение кого-л. в чем-л.» [13].

Из словаря синонимов русского языка следует, что синонимами к термину «донос» являются «извет, оговор, поклеп, ябеда», а данные термины, в свою очередь, понимаются как «ложное обвинение, клевета» [1].

Таким образом, для того чтобы быть отнесенным к доносу, рассматриваемое Обращение должно обладать всеми обязательными сущностными признаками «доноса», которыми являются: сообщаемость сведений представителю власти, тайность сообщения, содержание в сообщении обвинения. При этом в отличие от этих признаков, которые следует считать обязательными, ложность сообщаемых сведений, очевидно, следует относить к факультативным признакам «доноса», поскольку этот признак напрямую из толкования данного термина не вытекает, а выявляется лишь при сопоставлении имеющихся синонимов и, следовательно, для определения жанра Обращения не является обязательным для анализа, однако применительно к содержанию Обращения имеет важное значение.

Это объясняется тем, что наличие в сообщении признака ложности распространяемых в нем сведений может играть значимую роль применительно к этической оценке действий лиц, сообщающих соответствующие сведения в Обращении.

Сообщаемость сведений представителю власти (обязательный признак).

Анализируемое Обращение, несомненно, обладает данным признаком, поскольку оно, исходя из его содержания, адресуется представителю государственного органа – Председателю Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкину.

Очевидно, что данное обстоятельство дополнительных пояснений и обоснований не требует.

Тайность сообщения (обязательный признак).

Из названия обращения следует, что оно является Открытым.

Об открытости обращения свидетельствует как то, что оно в короткие сроки, с момента подписания, было доведено до сведения как адресата, так и СМИ [2–4, 6], а так же то, что факт его составления и направления никогда и никем не скрывался, его содержание и обстоятельства, связанные с его подписанием, открыто обсуждаются, начиная с момента, когда это произошло, и по настоящее время [35], относительно данного обращения принята Резолюция Комиссии по этике и стандартам, а также Резолюция Всероссийского съезда адвокатов (тексты на 23.04.2019 официально не опубликованы).

Таким образом, очевидно, что тезис об отсутствии признака тайности в анализируемом Обращении является неоспоримым.

Содержание обвинения в сообщении (обязательный признак).

Как следует из содержания п. 22 ст. 5 УПК РФ, термин «обвинение», применяемый в уголовном судопроизводстве, означает «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Очевидно, применимой к рассматриваемому вопросу является именно первая часть данного термина.

Анализ текста обращения показывает, что исходящих от подписантов Обращения утверждений о совершении определенным лицом деяния, запрещенного законом, в том числе и Уголовным кодексом Российской Федерации, в его тексте не содержится.

В тексте Обращения отмечается: «Из имеющихся в распоряжении материалов доследственной проверки видно, что управленцами Адвокатской палаты РБ, бюджет которой формируется за счет обязательных взносов адвокатов республики, исполняются подозрительные сделки, заключенные при наличии конфликта интересов», а также приводится описание этих материалов, в том числе и краткое содержание позиции заявителей, при этом не содержится никаких обвинений, выдвинутых от имени адвокатов – подписантов Обращения в отношении конкретных лиц.

Исходя из текста Обращения, в нем ставится вопрос не о привлечении какого-либо конкретного лица к уголовной ответственности, а говорится лишь об «**обеспечении объективного и**

своевременного расследования всех данных о финансовых и иных злоупотреблениях представителей органов управления Адвокатской палаты Республики Башкортостан», при этом специально подчеркивается, что, «исходя из принципа презумпции невиновности, адвокаты, подписавшие Обращение, не имеют в настоящее время никакого права заявлять о виновности управленцев Адвокатской палаты РБ в преступлениях».

При таких обстоятельствах не имеется возможности констатировать факт наличия признака каких-либо обвинений, выдвинутых в анализируемом Обращении.

Ложность сообщаемых сведений (факультативный признак).

Термин «ложность», как известно, означает «намеренное искажение истины, неправда, обман» [7].

Как уже отмечалось, из текста обращения следует: «Из имеющихся в нашем распоряжении материалов доследственной проверки видно, что управленцами Адвокатской палаты РБ, бюджет которой формируется за счет обязательных взносов адвокатов республики, исполняются подозрительные сделки, заключенные при наличии конфликта интересов».

Изучение содержания этих материалов, представленных адвокатами – членами Адвокатской палаты Республики Башкортостан перед подписанием Открытого обращения, состоящих из копий материалов доследственной проверки, многие из которых в настоящее время размещены в сети Интернет [36], показывает следующее.

В производстве Кировского районного СО по г. Уфа СУ СК РФ по РБ на момент подписания обращения находился материал проверки № 276пр-18 о неправомерных действиях руководства и сотрудников аппарата Адвокатской палаты Республики Башкортостан.

Из представленных составных частей данного материала следует, что в ноябре 2017 года адвокат – член АП РБ С.Г. Хайруллин обратился с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении президента и членов Совета АП РБ в связи с хищением денежных средств в особо крупном размере. В декабре 2017 года с аналогичным заявлением обратился В.А. Буркин. В августе 2018 года с заявлением обратилась председатель ревизионной комиссии АП РБ – адвокат Р.Н. Агишева. В октябре 2018 года с заявлениями о возбуждении уголовного дела обратились адвокат А.Н. Казаков и адвокат Д.А. Казаков, а в марте 2019 года – адвокаты А.А. Бабин и А.В. Войцех. Все эти заявления примерно одного содержания, а речь в них ведется о хищениях в особо крупном размере денежных средств, принадлежащих адвокатам – членам Адвокатской палаты Республики Башкортостан, путем обмана и (или) присвоения, иных злоупотреблениях.

Также при подписании Обращения была представлена копия Договора, из которой следует, что 24 декабря 2014 года между М.В. Бикташевой, 1939 г.р., пенсионеркой из Белорецкого района, являющейся, согласно утверждению заявителей, тещей Б.Г. Юмадилова и бабушкой его сына – члена совета АП РБ Д.Б. Юмадилова, и Адвокатской палатой РБ (без указания в вводной части договора, кто именно и на каком основании заключает договор от имени и арендатора) заключен договор аренды помещения по адресу: г. Уфа, ул. К. Маркса, 3Б, общей площадью 286 кв. м.

В п. 1.4 Договора указывается, что срок его действия составляет 15 лет, согласно условиям пп. 2.2.4, 2.2.11, 6.2 Арендатор обязан производить за свой счет ремонт помещения, а после прекращения действия договора Арендатор обязуется передать Арендодателю помещение со всеми неотделимыми улучшениями, стоимость которых Арендатору не возмещается.

Согласно п. 3.1–3.5 Договора размер стоимости арендной платы составляет 1100 рублей за 1 квадратный метр, что соответствует сумме 314 710 рублей в месяц за все помещение, без учета налогов, в данную сумму не включаются услуги обслуживающих организаций и оплата коммунальных услуг, предусматривается индексация арендной платы не более 10 % в год, и даже свыше 13 % в год в случае увеличения ставки рефинансирования свыше 13 %, в случае если произойдет существенная девальвация рубля или инфляция составит более 13 %.

Подписантами договора выступили: от АП РБ – вице-президент Р.А. Фарукшин, от М.В. Бикташевой – А.Р. Узянбаева.

Относительно оформления и условий данного договора заявителями сообщается, что с ч. 3 статьи 27 ФЗ «О некоммерческих организациях» заключение договора создало конфликт интересов, поскольку Президент АП РБ Б.Г. Юмадилов был обязан сообщить членам Совета АП РБ о возникшем конфликте интересов, цену договора, которая являлась кабальной, а также то, что помещение требует дорогостоящего ремонта, так как непригодно для использования, чего, по утверждению заявителей, сделано не было.

Согласно официальным заявлениям АП РБ одобрение заключенного договора аренды было

проведено на Конференции АП РБ, состоявшейся 11 мая 2018 года (спустя три с половиной года после подписания и начала фактического исполнения договора), причем никаких свидетельств обсуждения данного решения на конференции не имеется [38], в повестке дня конференции данный вопрос, по утверждению заявителей, не ставился, никаких решений конференции АП РБ по этому вопросу не имеется [36].

Согласно копии справки бухгалтера АП РБ А.А. Султановой в период с 26 декабря 2014 г. по март 2015 г. на капитальный ремонт соответствующего помещения из средств АП РБ были израсходованы денежные средства в размере 3 790 176 рублей 61 копейка.

Согласно заявлению Л.Н. Агишевой, представленному в СУ СК РФ по РБ 10 сентября 2018 г., она является председателем Ревизионной комиссии АП РБ, комиссия состоит только из адвокатов, тогда как для компетентного анализа требуется привлечение специалистов в области бухгалтерского учета и аудита, от Ревизионной комиссии АП РБ в период нахождения на должности Президента АП РБ Б.Г. Юмадилова укрывались первичные документы бухгалтерского учета, сведения о том, что при сдаче в аренду помещения имелся конфликт интересов, и подробности сделки от ревизионной комиссии были скрыты, проекты отчетов и заключений ревизионной комиссии представлялись руководством адвокатской палаты уже с готовыми выводами.

Согласно объяснению М.В. Бикташевой ею была выдана доверенность А.Р. Узянбаевой для подбора арендаторов с правом заключения договора аренды. Потенциальных арендаторов было много, но основным условием аренды была долгосрочность, в этой связи ею принято решение о сдаче помещения адвокатской палате.

16 июня 2016 года ею приобретено еще одно помещение площадью 175 кв. м по тому же адресу, причем это помещение уже ранее было сдано в аренду адвокатской палате.

Согласно сообщению из Межрайонной ИФНС России № 37 по Республике Башкортостан в соответствии со ст. 85 НК РФ налоговые органы ведут учет сведений об объектах недвижимости, принадлежащих М.В. Бикташевой и находящихся по адресу: г. Уфа, ул. К. Маркса, 3Б, в том числе и именно тех помещений, которые она сдает в аренду АП РБ.

Из материалов проверки также усматривается, что следователями трижды выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись по жалобам заявителей на том основании, что в постановлениях никакой оценки доводам заявителей о наличии в действиях лиц, выполняющих управленческие функции в Адвокатской палате РБ, не давалось.

В момент подписания Обращения проверка продолжалась, как продолжается она и в настоящее время.

При этом каких-либо оснований не доверять коллегам-заявителям, представителям Адвокатской палаты Республики Башкортостан, у адвокатов, подписавших Обращение, не имелось.

Наряду с этим в Обращении также была выражена обеспокоенность проблемами «выявления в Республике Башкортостан многочисленных фактов присвоения статуса адвоката лицам, не имевшим права быть допущенными к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, а также возбуждения уголовного дела в отношении члена Квалификационной комиссии Адвокатской палаты РБ в связи с незаконным получением им денежного вознаграждения за содействие в сдаче квалификационного экзамена» [9–12, 14–33].

Известно, что в настоящее время в Кировском районном суде г. Уфы в отношении вице-президента АП РБ Р.О. Фарукшина, осуществившего подписание договора между АП РБ и М.В. Бикташевой, рассматривается уголовное дело (№ 1-16/2019 (1-430/2018)) по обвинению его в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ (Использование заведомо подложного документа) и п. «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ (Незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), совершенное в крупном размере).

Очевидно, что лица, являющиеся адвокатами, обладающие длительным опытом и стажем адвокатской деятельности, в том числе имеющие ученые степени и звания, являющиеся авторами значительного числа научных и учебно-методических работ в сфере права, активно посещающие корпоративные и научно-практические мероприятия, пристально следящие за ситуацией, происходящей в адвокатуре, получающие из различных источников и СМИ взаимосогласующиеся сведения о ситуации в Адвокатской палате Республики Башкортостан, после ознакомления с кратко описанным выше содержанием ряда документов,

материалов доследственной проверки, установили, что подобное положение вещей, если оно действительно имеет место быть в Адвокатской палате Республики Башкортостан, является, мягко говоря, недопустимым и требует детальной проверки и принятия по ее результатам законного и обоснованного решения.

Однако данная проверка, очевидно, чрезмерно затянулась, поэтому в Обращении указывалось: «Проверка заявлений адвокатов Республики Башкортостан длится с декабря 2017 года. Столь длительный срок проверки обусловлен многократным вынесением следственным органом постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и их последующей отменой. При этом, как видно из постановлений следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и жалоб заявителей, их доводы о наличии события преступления остаются без какой-либо оценки и мотивированного опровержения.

Применение такой процессуальной уловки дает основания полагать, что доводы заявителей о наличии события преступления являются справедливыми и обоснованными, а отказ в возбуждении уголовного дела обусловливается причинами не правового, а иного характера».

Анализ приведенных выше обстоятельств в своей совокупности позволяет утверждать, что подписанное Обращение не содержит в себе ложных сведений и было основано на конкретных материалах доследственной проверки и обстоятельствах, постоянно находящихся в фокусе ряда СМИ Республики Башкортостан.

Таким образом, соотнесение признаков термина «донос» с содержанием текста Обращения показывает, что за исключением первого признака – обращения к представителям власти – оно не содержит в себе иных признаков «доноса», таких как «тайность сообщения» и «содержание обвинения в сообщении», а также такого факультативного признака, как «ложность сообщаемых сведений».

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 2 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам.

Исходя из установленной законом классификации обращений, содержания п. 1 и п. 3 ст. 4 данного Федерального закона, сообщение о недостатках в работе государственных органов и должностных лиц либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц относится к такому типу обращений, как заявления.

На основании вышеизложенного следует прийти к следующим выводам:

1. Открытое обращение 32-х адвокатов об Обеспечении объективного и своевременного расследования следственными органами системы Следственного комитета России всех данных о финансовых и иных злоупотреблениях представителей органов управления Адвокатской палаты Республики Башкортостан не обладает всеми сущностными признаками «доноса», а поэтому не может быть квалифицировано как донос.

2. По своему правовому статусу данное Обращение необходимо относить к заявлениям группы граждан, содержащим сообщение о недостатках в работе государственных органов и их должностных лиц и критику деятельности указанных органов и должностных лиц.

Пристатейный библиографический список

1. http://gramota.ru/slovari/info/abr/.
2. http://ufa-news.net/other/2019/03/07/195791.html.
3. http://journalufa.com/page,1,2,25284-rossiyskie-advokaty-prosyat-skr-rassledovat-zloupotrebleniya-v-advokatskoy-palate-rb.html.
4. https://www.idelreal.org/a/29806888.html.
5. http://ufa.bezformata.com/listnews/zloupotrebleniya-v-advokatskoj/73337743/.
6. https://123ru.net/smi/journalufa-com/190800399/.
7. https://avidreaders.ru/download/tolkovyy-slovar-russkogo-yazyka-1.html?f=pdf
8. https://onlinedic.net/efremova/page/word21320.php.
9. http://gramota.ru/slovari/info/abr/.
10. https://legal.report/yuristy-s-pomocshyu-fsb-provodyat-zachistki-v-advokature/.
11. https://legal.report/zampreda-kvalifkomissii-ap-sudyat-za-torgovlyu-advokatskim-statusom/.
12. https://legal.report/zampred-kvalifkomissii-ap-prodaval-advokatskij-status-za-250-000-rub/.
13. https://legal.report/zampred-kvalifkomissii-ap-zarabotal-yuridicheskij-stazh-kriminalnym-putem/.
14. https://onlinedic.net/efremova/page/word21320.php.
15. https://pravo.ru/news/201732/?desc_search=.
16. https://proufu.ru/news/novosti/54719-glavnogo_advokata_bashkirii_obvinili_v_zloupotrebleniyakh_i_semeystvennosti/?sphrase_id=81706288.
17. https://proufu.ru/news/novosti/58439-figuranty_gromkikh_ugolovnykh_del_zayavili_chto_ikh_prosili_ogovorit_yurista_vitaliya_burkina/?sphrase_id=81706724.
18. https://proufu.ru/news/novosti/61405-v_advokatskoy_palate_bashkirii_ozhidaetsya_ocherednoy_skandal/?sphrase_id=81706724.

19. https://proufu.ru/news/novosti/68491-semeystvennost_i_zloupotrebleniya_konflikt_vokrug_glavnogo_advokata_bashkirii_nabiraet_oboroty/?sphrase_id=81706288.
20. https://proufu.ru/news/novosti/72279-sud_skryvaet_ot_proufu_isk_prezidenta_advokatskoy_palaty_bashkirii/?sphrase_id=81706288.
21. https://proufu.ru/news/novosti/72483-bashkirskiy_romeo_idet_pod_sud_yumadilov_ostaetsya_na_svobode/?sphrase_id=81706288.
22. https://proufu.ru/news/novosti/73466-yuristy_i_obshchestvenniki_bashkirii_vystupayut_protiv_ap_rb/?sphrase_id=80548914.
23. https://proufu.ru/news/society/41431-advokatov_bashkirii_obyazali_soglasovyvat_svoi_vystupleniya_v_smi_/?sphrase_id=81706375.
24. https://proufu.ru/news/society/54301-v_dele_advokata_burkina_poyavilis_novye_skandalnye_podrobnosti/?sphrase_id=81706288.
25. https://proufu.ru/news/society/54943-glavnyy_advokat_bashkirii_ostalsya_bez_dissertatsii/?sphrase_id=81706375.
26. https://proufu.ru/news/society/68071-v_ufe_po_podozreniyu_v_podkupe_zaderzhan_eshche_odin_zamestitel_respublikanskoy_kollegii_advokatov_/?sphrase_id=81706724.
27. https://proufu.ru/news/society/69839-advokaty_obratilis_k_ministru_yustitsii_rossii_s_prosboy_proverit_minyust_bashkirii_/?sphrase_id=81706329.
28. https://proufu.ru/news/society/70700-advokaty_bashkirii_prosyat_presech_davlenie_yumadilova_na_sud/?sphrase_id=81706288.
29. https://proufu.ru/news/society/71400-chto_obedinyaet_gulshat_khamitovu_i_bulata_yumadilova/?sphrase_id=81706329.
30. https://proufu.ru/news/society/75631-lipovye_advokatskie_statusy_v_bashkirii_ugroza_dlya_sudebnoy_sistemy/?sphrase_id=81706288.
31. https://proufu.ru/news/society/75792-vypuskniki_yurfaka_vyshli_na_pikety_protiv_korruptsii_v_advokatskoy_palate_rb/?sphrase_id=81706724.
32. https://proufu.ru/news/society/78639-zolotaya_teshcha_glavnogo_advokata_bashkirii/?sphrase_id=81706762.
33. https://proufu.ru/news/society/79207-ufimskiy_advokat_vitaliy_burkin_obratilsya_v_espch_posle_lisheniya_svoego_statusa/?sphrase_id=81706724.
34. https://ufagate.wordpress.com/2019/02/23/в-уфе-поймали-посредника-желавшего-ку/.
35. https://www.facebook.com/genrireznik/posts/1266321160201409.
36. https://www.facebook.com/groups/472972236246826/?fref=nf%20.
37. https://www.facebook.com/mbenyash/posts/2247987132195535?hc_location=ufi.
38. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2214390148600386&id=100000882683494.
39. https://www.youtube.com/watch?v=zWqmZamDKeY&feature=&fbclid=IwAR37K36M82PKPDSkcnJj9SKnPCozIw2f4s94BhfxHD1jHUYHnae_Q4Uqc7M.
40. Васякин С.А., Шавин В.А. Меморандум (обращение) по вопросу защиты прав адвокатов в связи с обращением в следственные органы [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/photo.php?fbid=448695309206329&set=pcb.2325277534422297&type=3&theater&ifg=1/.

References (transliterated)

1. http://gramota.ru/slovari/info/abr/.
2. http://ufa-news.net/other/2019/03/07/195791.html.
3. http://journalufa.com/page,1,2,25284-rossiyskie-advokaty-prosyat-skr-rassledovat-zloupotrebleniya-v-advokatskoy-palate-rb.html.
4. https://www.idelreal.org/a/29806888.html.
5. http://ufa.bezformata.com/listnews/zloupotrebleniya-v-advokatskoj/73337743/.
6. https://123ru.net/smi/journalufa-com/190800399/.
7. https://avidreaders.ru/download/tolkovyy-slovar-russkogo-yazyka-1.html?f=pdf
8. https://onlinedic.net/efremova/page/word21320.php.
9. http://gramota.ru/slovari/info/abr/.
10. https://legal.report/yuristy-s-pomocshyu-fsb-provodyat-zachistki-v-advokature/.
11. https://legal.report/zampreda-kvalifkomissii-apsudyat-za-torgovlyu-advokatskim-statusom/.
12. https://legal.report/zampred-kvalifkomissii-ap-prodaval-advokatskij-status-za-250-000-rub/.
13. https://legal.report/zampred-kvalifkomissii-ap-zarabotal-yuridicheskij-stazh-kriminalnym-putem/.
14. https://onlinedic.net/efremova/page/word21320.php.
15. https://pravo.ru/news/201732/?desc_search=.
16. https://proufu.ru/news/novosti/54719-glavnogo_advokata_bashkirii_obvinili_v_zloupotrebleniyakh_i_semeystvennosti/?sphrase_id=81706288.
17. https://proufu.ru/news/novosti/58439-figuranty_gromkikh_ugolovnykh_del_zayavili_chto_ikh_prosili_ogovorit_yurista_vitaliya_burkina/?sphrase_id=81706724.
18. https://proufu.ru/news/novosti/61405-v_advokatskoy_palate_bashkirii_ozhidaetsya_ocherednoy_skandal/?sphrase_id=81706724.
19. https://proufu.ru/news/novosti/68491-semeystvennost_i_zloupotrebleniya_konflikt_vokrug_glavnogo_advokata_bashkirii_nabiraet_oboroty/?sphrase_id=81706288.
20. https://proufu.ru/news/novosti/72279-sud_skryvaet_ot_proufu_isk_prezidenta_advokatskoy_palaty_bashkirii/?sphrase_id=81706288.
21. https://proufu.ru/news/novosti/72483-bashkirskiy_romeo_idet_pod_sud_yumadilov_ostaetsya_na_svobode/?sphrase_id=81706288.
22. https://proufu.ru/news/novosti/73466-yuristy_i_obshchestvenniki_bashkirii_vystupayut_protiv_ap_rb/?sphrase_id=80548914.
23. https://proufu.ru/news/society/41431-advokatov_bashkirii_obyazali_soglasovyvat_svoi_vystupleniya_v_smi_/?sphrase_id=81706375.
24. https://proufu.ru/news/society/54301-v_dele_advokata_burkina_poyavilis_novye_skandalnye_podrobnosti/?sphrase_id=81706288.
25. https://proufu.ru/news/society/54943-glavnyy_advokat_bashkirii_ostalsya_bez_dissertatsii/?sphrase_id=81706375.
26. https://proufu.ru/news/society/68071-v_ufe_po_podozreniyu_v_podkupe_zaderzhan_eshche_odin_zamestitel_respublikanskoy_kollegii_advokatov_/?sphrase_id=81706724.

27. https://proufu.ru/news/society/69839-advokaty_obratilis_k_ministru_yustitsii_rossii_s_prosboy_proverit_minyust_bashkirii_/?sphrase_id=81706329.
28. https://proufu.ru/news/society/70700-advokaty_bashkirii_prosyat_presech_davlenie_yumadilova_na_sud/?sphrase_id=81706288.
29. https://proufu.ru/news/society/71400-chto_obedinyaet_gulshat_khamitovu_i_bulata_yumadilova/?sphrase_id=81706329.
30. https://proufu.ru/news/society/75631-lipovye_advokatskie_statusy_v_bashkirii_ugroza_dlya_sudebnoy_sistemy/?sphrase_id=81706288.
31. https://proufu.ru/news/society/75792-vypuskniki_yurfaka_vyshli_na_pikety_protiv_korruptsii_v_advokatskoy_palate_rb/?sphrase_id=81706724.
32. https://proufu.ru/news/society/78639-zolotaya_teshcha_glavnogo_advokata_bashkirii/?sphrase_id=81706762.
33. https://proufu.ru/news/society/79207-ufimskiy_advokat_vitaliy_burkin_obratilsya_v_espch_posle_lisheniya_svoego_statusa/?sphrase_id=81706724.
34. https://ufagate.wordpress.com/2019/02/23/v-ufe-pojmali-posrednika-zhelavshego-ku/.
35. https://www.facebook.com/genrireznik/posts/1266321160201409.
36. https://www.facebook.com/groups/472972236246826/?fref=nf%20.
37. https://www.facebook.com/mbenyash/posts/2247987132195535?hc_location=ufi.
38. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2214390148600386&id=100000882683494.
39. https://www.youtube.com/watch?v=zWqmZamD-KeY&feature=&fbclid=IwAR37K36M82PKPDSkcnJj9SKnPCozIw2f4s94BhfxHD1jHUYHnae_Q4Uqc7M.
40. Vasyakin S.A., Shavin V.A. Memorandum (obrashhenie) po voprosu zashhity` prav advokatov v svyazi s obrashheniem v sledstvenny`e organy` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.facebook.com/photo.php?fbid=448695309206329&set=pcb.2325277534422297&type=3&theater&ifg=1/.

RALA
RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION
РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ
亚洲俄罗斯律师协会
Phone: 7 495 211-4188
E-mail: info@rala.legal

Пастухов М.И.

БЕЛОРУССКАЯ АДВОКАТУРА НУЖДАЕТСЯ В УЛУЧШЕНИИ

Цель: Проанализировать эффективность правового регулирования института адвокатуры в Республике Беларусь.

Методология: Использовались формально-юридический и историко-правовой методы.

Результаты: Проведен комплексный анализ законодательства и практики белорусской адвокатуры, вносятся предложения по совершенствованию законодательства с учетом европейского и российского опыта.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье выражен авторский подход к организации и деятельности адвокатуры в Беларуси, высказано мнение о недостаточности возможностей для эффективной защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, права адвоката, гарантии адвокатской деятельности, муниципальная адвокатура.

Pastukhov M.I.

BELARUSIAN ADVOCACY NEEDS AN IMPROVEMENT

Purpose: To analyze the effectiveness of the legal regulation of the institution of advocacy in the Republic of Belarus.

Methodology: Legalistic and historical methods were used.

Results: A comprehensive analysis of the law and practice of the Belarusian advocacy was carried out, proposals were made to improve the legislation, taking into account European and Russian experience.

Novelty/originality/value: The paper expresses the author's approach to the organization and activities of advocacy in Belarus, notably his opinion that there is a lack of opportunities for effective protection of the rights of citizens in criminal proceedings.

Keywords: lawyer, advocacy, rights of advocate, guarantees of advocacy, municipal advocacy.

В соответствии со ст. 62 Конституции каждый имеет право на юридическую помощь Республики Беларусь для осуществления и защиты своих прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей.

В настоящее время юридическая помощь гражданам и юридическим лицам оказывается преимущественно со стороны адвокатов. Ранее этим правом пользовались также юристы, действующие на основе Указа Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности». Позднее Министерство юстиции Республики Беларусь предложило юристам-лицензиатам «переквалифицироваться» в адвокатов, сдав соответствующий квалификационный экзамен. Большинство из них (свыше 300 чел.) так и поступило, пополнив ряды адвокатов.

По данным Министерства юстиции Республики Беларусь, на 1 января 2019 г. в стране осуществляли деятельность 2115 адвокатов. Они объединяются в 161 юридическую консультацию и 77 адвокатских бюро. 328 адвокатов работают индивидуально вне рамок организационно-правовых форм. При этом все адвокаты состоят в территориальных коллегиях адвокатов и отчисляют на их содержание фиксированные взносы (либо в процентном отношении от заработанного гонорара, либо в твердой денежной сумме, одинаковой для всех адвокатов коллегии).

Правовые основы адвокатуры в Беларуси

Основным актом, которым регулируется деятельность адвокатуры, является Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» от 30 декабря 2011 г., который вступил в силу с 6 апреля 2012 г.

Согласно ст. 1 Закона адвокатская деятельность – это юридическая помощь, оказываемая адвокатами в порядке, предусмотренном Законом, физическим лицам, юридическим лицам, а также государству в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

В соответствии со ст. 4 Закона адвокатская деятельность основывается на следующих принципах: 1) обеспечение гарантированного Конституцией права на юридическую помощь; 2) законность; 3) доступность юридической помощи; 4) независимость адвокатов; 5) адвокатская тайна; 6) использование всех не запрещенных законодательством средств и способов защиты прав, свобод и законных интересов клиента; 7) обеспечение качества юридической помощи; 8) соблюдение правил профессиональной этики адвокатуры.

В юридической литературе отмечается, что с принятием этого Закона «...появилась возможность создания новых организационных форм адвокатской деятельности, существенно расширен перечень видов юридической помощи, которые вправе оказывать адвокаты» [1, с. 142].

Следует признать, что Закон существенно повысил требования к претендентам на адвокатскую профессию, в частности, потребовал прохождения стажировки в качестве помощника адвоката или стажера, а также сдачи комплексного квалификационного экзамена. В Законе отмечается, что квалификационный экзамен проводится по конституционному, уголовному, гражданскому, жилищному, семейному, трудовому и административному праву, уголовному, гражданскому, хозяйственному и административному процессу, Правилам профессиональной этики адвоката, т. е. сразу по десяти базовым юридическим дисциплинам. Причем экзамен проводится как в письменной, так и в устной форме.

11 июля 2017 г. в Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» были внесены изменения и дополнения, вступившие в силу с 23 октября 2017 г. В соответствии с указанными поправками к кандидатам в адвокаты было установлено дополнительное требование – наличие стажа по специальности не менее трех лет.

Кроме того, статья 7 Закона была дополнена нормой о возможности адвокатов иностранных государств оказывать юридическую помощь на территории Республики Беларусь. Такое право они могут получить при условии «...включения их в Реестр адвокатов, адвокатских бюро, юридических консультаций и специальных разрешений на право осуществления адвокатской деятельности в порядке, определяемом Министерством юстиции Республики Беларусь».

Одной из поправок в Закон стала норма о праве адвоката привлекать в связи с оказанием юридической помощи переводчиков, патентных поверенных и других специалистов. В то же время увеличилось число обязанностей адвокатов, в том числе: соблюдать уставы коллегии адвокатов и адвокатского бюро, проходить аттестацию, сохранять адвокатскую тайну и др.

Поправки в Закон расширили полномочия Республиканской коллегии адвокатов (теперь она называется Белорусская республиканская коллегия адвокатов – БРКА). Новая статья 50-1 Закона предусмотрела создание Фонда развития адвокатуры. Средства этого Фонда будут расходоваться БРКА «...по согласованию с Министерством юстиции Республики Беларусь с учетом предложений территориальных коллегий адвокатов».

Для уяснения возможностей адвокатуры в защите прав граждан акцентируем внимание на правах адвоката (ст. 17 Закона). В качестве примера возьмем одну из самых важных сфер юридической помощи – уголовное судопроизводство, где гражданин нередко оказывается под стражей. Чем может ему помочь адвокат-защитник?

Исходя из содержания статьи 17 Закона, в указанной сфере адвокат может использовать следующие права: 1) самостоятельно собирать и представлять сведения, касающиеся обстоятельств дела; 2) запрашивать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, у государственных органов и иных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии; 3) запрашивать с согласия клиента мнения специалистов для решения вопросов, возникших в связи с оказанием юридической помощи и требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства и других сферах деятельности; 4) беспрепятственно и конфиденциально общаться наедине со своим клиентом; 5) заявлять ходатайства, подавать в установленном порядке жалобы на действия суда, государственных органов и иных организаций, должностных лиц, ущемляющие права, свободы и интересы клиента, а также права адвоката при осуществлении им профессиональных обязанностей; 6) применять в своей профессиональной деятельности технические средства (компьютеры, видео- и звукозаписывающую аппаратуру, фото- и киноаппаратуру, множительную и иную технику) с учетом требований, установленных процессуальным законодательством; 7) осуществлять иные права, предусмотренные Законом и иными актами законодательства.

Достаточно ли предоставленных прав адвоката для защиты граждан, находящихся в период предварительного следствия и судебного разбирательства под стражей? Практика свидетельствует о том, что таких прав оказывается недостаточно. Помощь адвоката, оказывается неэффективной.

На мой взгляд, это происходит по следующим причинам.

Во-первых, в уголовном процессе сохраняется доминирование роли следователя и прокурора, которые откровенно игнорируют ходатайства и другие формы легального влияния адвоката на ход расследования.

Во-вторых, как отмечают сами адвокаты, запросы о представлении сведений нередко остают-

ся без удовлетворения или исполняются длительное время.

В-третьих, принципиальная и смелая позиция адвоката в ряде случаев приводит к принятию мер воздействия в отношении адвокатов, в том числе к лишению лицензии.

В-четвертых, в судебном заседании адвокат-защитник также находится в приниженном положении. Суд, как и орган следствия, предпочитает отклонять ходатайства адвоката. Он, как правило, не разделяет сомнения адвоката относительно отдельных доказательств и всего обвинения в целом.

В-пятых, серьезным препятствием реализации права граждан на защиту является то, что по действующему законодательству адвокат, по сути, не может оказывать юридическую помощь на безвозмездной основе, за исключением предусмотренных в законе случаев (ст. 6 Закона). Адвокат может лишь понизить сумму оплаты на свои услуги, но не отказаться вовсе от оплаты.

Получается, что юридическая помощь со стороны адвокатов в уголовном процессе, по общему правилу, является платной, что существенно ограничивает право граждан на защиту. При этом другие юристы не допускаются к защите по уголовным делам. Ситуацию не изменяет право близких родственников ходатайствовать перед следствием и судом о допуске их в качестве защитников (ч. 3 ст. 44 УПК). Такие ходатайства обычно отклоняются, если в деле участвует адвокат.

В этой связи нынешний институт адвокатуры следует усовершенствовать в целях более эффективной защиты прав и свобод граждан. При этом следует принять во внимание международные стандарты в указанной сфере и опыт зарубежных стран.

В результате адвокатам крайне редко удается убедить суд в обоснованности своей позиции. В частности, количество оправданий по расследованным делам в Беларуси не превышает 0,2 % от числа осужденных лиц.

Опыт организации адвокатуры в России

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года адвокатура является частью гражданского общества и не входит в систему государственных органов власти.

Адвокатское сообщество в Российской Федерации представляет собой независимую и самоуправляемую организацию. Органами адвокатского самоуправления являются советы адвокатских палат субъектов РФ. На федеральном уровне действует Федеральная палата адвокатов РФ, которая координирует общие аспекты работы всех региональных палат и представляет интересы сообщества на общероссийском уровне.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона адвокатом может быть лицо, которое имеет высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные законом. Претенденты могут сдать квалифицированный экзамен в одной из региональных адвокатских палат. О присвоении претенденту статуса адвоката квалификационная комиссия в семидневный срок со дня принятия решения уведомляет территориальный орган юстиции, который в месячный срок со дня получения уведомления вносит сведения об адвокате в региональный реестр и выдает адвокату соответствующее удостоверение.

На 1 января 2018 г. численность адвокатов в России составляла 79839 человек (из них порядка пяти тысяч имели приостановленный статус). По этому показателю Россия находится на одном из самых низких мест в Европе (50 адвокатов на 100 тыс. человек).

Согласно ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. адвокату предоставляются следующие права: 1) собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, а также иных организаций; 2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; 3) собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; 4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи; 5) беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, без ограничения числа свиданий и их продолжительности; 6) фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну и др.

В Законе уделяется особое внимание гарантиям независимости адвокатов. В частности, адвокат

не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, кроме случаев, если вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Согласно вышеназванному Закону в качестве форм адвокатских образований могут выступать адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация (ст. 20).

Как показывает практика, наиболее распространенными формами являются адвокатский кабинет и коллегия адвокатов. При этом коллегия адвокатов действует на основании устава, утверждаемого ее учредителями, и заключаемого ими договора. Адвокатское бюро создается двумя и более адвокатами, которые заключают между собой партнерский договор. Юридическая консультация учреждается адвокатской палатой по представлению органа власти субъекта РФ при условии, если «на территории одного судебного района общее число адвокатов во всех адвокатских образованиях, расположенных на территории данного судебного района, составляет менее двух на одного федерального судью» (ст. 24).

Российский адвокат вправе выступать в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском, административном судопроизводстве, в качестве защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, а также представлять интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления, в отношениях с физическими лицами на основании договора поручения (ст. 25).

В случаях, указанных в ст. 26 Закона, юридическая помощь оказывается адвокатами бесплатно. В частности, речь идет о малообеспеченных гражданах, которые выступают в качестве истцов по делам о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с трудовой деятельностью; о ветеранах Великой Отечественной войны – по вопросам, не связанным с предпринимательской деятельностью; о гражданах Российской Федерации – при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий; гражданах Российской Федерации, пострадавших от политических репрессий, – по вопросам, связанным с реабилитацией. Кроме того, юридическая помощь оказывается во всех случаях бесплатно несовершеннолетним, содержащимся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В целях повышения эффективности своей деятельности адвокат может иметь помощников, а также стажеров, проходящих адвокатскую практику сроком от одного до двух лет (ст. 27, 28).

Все адвокаты субъекта РФ обязаны быть членами адвокатской палаты данного субъекта. В свою очередь, адвокатские палаты субъектов РФ объединяются в Федеральную палату Российской Федерации.

Известный белорусский юрист профессор И.И. Мартинович, проведя сравнительный анализ правового статуса адвоката в России и Беларуси, указывает на ряд отличий в требованиях, предъявляемых к адвокатской профессии. Так, по российскому закону адвокатом может быть не только гражданин РФ, но и иностранный гражданин, а по белорусскому закону – только гражданин Республики Беларусь. Если в России решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия адвокатской палаты субъекта РФ с выдачей удостоверения адвоката на неопределенный срок, то в Беларуси выдается лицензия на право занятия адвокатской деятельностью на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности сроком на пять лет [2, с. 236–237].

И.И. Мартинович позитивно оценивает положения ст. 19 Федерального закона РФ о введении страхования риска ответственности адвоката за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения. Такая норма имеется в законодательстве многих европейских стран, в том числе Германии, Франции. По ее мнению, этот институт гарантирует оказание качественной юридической помощи, и его следовало бы предусмотреть в белорусском законодательстве.

Предложения по совершенствованию института адвокатуры в Беларуси

С учетом вышеизложенного институт адвокатуры в Республике Беларусь как основное средство оказания юридической помощи гражданам и юридическим лицам следует усовершенствовать, принимая во внимание международные стандарты и опыт зарубежных стран.

В первую очередь мы должны позитивно оценить положения такого общепризнанного документа, как «Основные положения о роли адвокатов», принятого Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в сентябре 1990 г.

В Документе говорится о гарантиях, которые органы власти обязаны предоставить адвокатам для их нормальной работы, в числе которых: возможность исполнять свои профессиональные обязанности «…без запугивания, препятствий, бес-

покойства и неуместного вмешательства»; возможность свободно разъезжать и консультировать клиентов в своей стране и за рубежом.

В этом документе содержится также рекомендация судам «...не отказывать в признании права адвоката представлять интересы своего клиента, если этот адвокат не был дисквалифицирован в соответствии с национальным правом и практикой его применения».

Важное значение в плане развития законодательства об адвокатуре имеют Рекомендации Комитета Министров Совета Европы «О свободе осуществления профессии адвоката». Среди положений, сформулированных в этих Рекомендациях, следует обратить внимание на то, что правительства должны принять необходимые меры для того, «чтобы уважалась, защищалась и поощрялась свобода осуществления профессии адвоката без дискриминации и неправомерного вмешательства со стороны органов власти…». Кроме того, адвокаты должны иметь право на создание и вступление в местные, национальные и международные союзы и ассоциации, которые ставят своей целью повышение профессиональных стандартов и защиту независимости адвокатов.

Из вышеназванных международных документов следует, что необходимо обеспечить реальную независимость белорусских адвокатов. В этой связи целесообразно пересмотреть содержание ст. 38 Закона «Адвокатура и Министерство юстиции Республики Беларусь», исключив из нее ряд полномочий Министерства юстиции в сфере адвокатской деятельности, а именно: принятие нормативных правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры, в пределах полномочий, предусмотренных настоящим Законом; внесение в коллегию адвокатов представлений о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности, о проведении общего собрания (конференции) членов территориальной коллегии адвокатов, а также внесение в Квалификационную комиссию представлений о проведении внеочередной аттестации адвоката для определения возможности выполнения им своих профессиональных обязанностей в случае выявления фактов, свидетельствующих о его недостаточной квалификации; отстранение адвоката от осуществления профессиональных обязанностей на срок ведения дисциплинарного производства в случае его возбуждения Министром юстиции Республики Беларусь; внесение в органы управления коллегий адвокатов предложений по кандидатурам для избрания на должности председателей коллегий адвокатов; согласование кандидатур на должности председателей коллегий адвокатов и заведующих юридическими консультациями.

По мнению автора, по примеру России после успешной сдачи квалификационного экзамена адвокаты должны получать удостоверение адвоката. Выдача лицензии на ограниченный срок ставит адвоката в зависимость от органа, который выдает такую лицензию или ее продляет. Применение лицензирования недопустимо и по той причине, что адвокат не является предпринимателем.

В российском юридическом сообществе продолжается дискуссия о правомерности введения адвокатской монополии в сфере оказания юридических услуг [3]. В Беларуси этот вопрос решен в пользу «монополии», поскольку представительство по всем делам, кроме узкого круга вопросов в сфере гражданско-правовых и экономических отношений, осуществляется адвокатами.

На мой взгляд, монополизм в указанной сфере деятельности противоречит международным стандартам, а также конституционному праву граждан Республики Беларусь на юридическую помощь адвокатов и «...других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного самоуправления...» (ст. 62 Конституции). Очевидно, что в этой деятельности вправе участвовать иные юристы, например имеющие практический опыт или ученые звания. Кроме того, следует поставить под сомнение обязательность членства всех адвокатов в Белорусской республиканской коллегии адвокатов. Это исключает возможность создания иных адвокатских объединений, которые могли бы составить конкуренцию БРКА и снизить расценки за оказание юридических услуг.

В настоящее время Закон допускает случаи безвозмездного оказания юридической помощи за счет средств коллегий адвокатов, республиканского и (или) местного бюджетов (ст. 28). Однако таких случаев, на мой взгляд, недостаточно для эффективного выполнения задач адвокатуры.

В связи с этим предлагаю часть первую статьи 6 Закона («Право на юридическую помощь, оказываемую адвокатами») изложить в следующей редакции: «Юридическая помощь оказывается адвокатами на возмездной и безвозмездной основе. В случаях и порядке, предусмотренных настоящим Законом и иными законодательными актами, юридическая помощь оказывается за счет средств коллегий адвокатов, республиканского и (или) местного бюджетов, а также бесплатно по договоренности адвоката с клиентом».

Соответственно в Закон следует включить новую статью 28-1 «Оказание адвокатами юридиче-

ской помощи бесплатно». Ее содержание может быть следующим: «Юридическая помощь может оказываться бесплатно на основании договора, заключаемого адвокатом либо адвокатским бюро и клиентом или иным лицом, действующим в интересах клиента, с соблюдением требований, предусмотренных в статье 27 настоящего Закона. Оказание адвокатом бесплатной юридической помощи не освобождает его от выполнения обязанностей, предусмотренных в статье 18 настоящего Закона, в том числе отчисления средств в форме взносов на содержание территориальной коллегии адвокатов».

По примеру российского законодательства целесообразно в качестве гарантии адвокатской деятельности и повышения ее эффективности включить в Закон норму о страховании риска ответственности адвокатов за нарушение условий соглашения об оказании юридической помощи или о создании адвокатами страховых фондов. Она может иметь следующую редакцию: «С целью повышения ответственности адвокатов за выполнение условий соглашения с доверителем об оказании юридической помощи могут создаваться страховые фонды. Порядок формирования страховых фондов адвокатов и открытия счетов в банках определяются Советом Министров Республики Беларусь».

В дополнительном правовом регулировании нуждается вопрос об исполнимости запросов адвокатов. Как выше отмечалось, на практике такие запросы нередко остаются без ответов или выполняются длительное время. Поэтому следует закрепить право адвокатов на безотлагательный прием должностными лицами, ответственными за подготовку справок, характеристик и иных документов, необходимых в связи с оказанием юридической помощи, а также установить предельные сроки подготовки ответов по поступившим запросам.

Полагаю целесообразным создать на местах муниципальные адвокатуры за счет дотаций из местных бюджетов и спонсорской помощи. В таких адвокатурах могли бы работать адвокаты-стажеры, а также адвокаты-пенсионеры. Основной задачей таких адвокатур могли бы быть консультации по широкому спектру правовых вопросов, а также подготовка различных жалоб, обращений в государственные органы, в том числе в суды.

Пристатейный библиографический список

1. Боголейко А.М. Существование независимой адвокатуры – необходимый признак социального правового государства // Конституционные основы развития правового социального государства в Республике Беларусь / под ред. Г.А. Василевича, П.Г. Никитенко. Минск: Вышэйшая школа, 2018. С. 142–156.
2. Мартинович И.И. Новации реформы адвокатуры в Беларуси и России в постсоветский период (сравнительно-правовой аспект) // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск: БГУ, 2004. С. 236–239.
3. Громов И.А., Добрынин П.М., Косарев И.А., Рагулин А.В. К вопросу об оценке обоснованности доводов против введения «адвокатской монополии» в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4.

References (transliterated)

1. Bogolejko A.M. Sushhestvovanie nezavisimoj advokatury` – neobxodimy`j priznak social`nogo pravovogo gosudarstva // Konstitucionny`e osnovy` razvitiya pravovogo social`nogo gosudarstva v Respublike Belarus` / pod red. G.A. Vasilevicha, P.G. Nikitenko. Minsk: Vy`she`jshaya shkola, 2018. S. 142–156.
2. Martinovich I.I. Novacii reformy` advokatury` v Belarusi i Rossii v postsovetskij period (sravnitel`no-pravovoj aspekt) // Pravo i demokratiya: sb. nauch. tr. Minsk: BGU, 2004. S. 236–239.
3. Gromov I.A., Dobry`nin P.M., Kosarev I.A., Ragulin A.V. K voprosu ob ocenke obosnovannosti dovodov protiv vvedeniya «advokatskoj monopolii» v Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2017. № 4.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА
Jus est ars boni et aequi
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА
www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Мельниченко Р.Г.

ПУТИ ФИНАНСОВОЙ ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ АДВОКАТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Цель: Предложить принципы и приемы уменьшения финансовой нагрузки адвокатов на содержание органов адвокатского самоуправления.

Методология: Использовались статистический, герменевтический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: Выявлены три принципа и девять приемов уменьшения финансовой нагрузки адвокатов на содержание органов адвокатского самоуправления.

Новизна/оригинальность/ценность: Отсутствие не только подобных научных публикаций по теме статьи, но и самой постановки вопроса о финансовой оптимизации работы органов адвокатского самоуправления свидетельствует о ее новизне. Научно-прикладной характер проведенного исследования – об оригинальности. Предлагаемые научные обобщения и предложения – о ценности.

Ключевые слова: адвокатура, органы адвокатского самоуправления, финансовая оптимизация, транспарентность, смета.

Melnichenko R.G.

WAYS OF FINANCIAL OPTIMIZATION OF THE FUNCTIONING OF ADVOCATES' SELF-MANAGEMENT BODIES

Purpose: This study aims to establish principles and methods of reducing the financial burden of the maintenance of advocates' self-management bodies.

Methodology: Statistical, hermeneutic and comparative methods were used.

Results: The author proposes three principles and nine methods of reducing the financial burden of maintenance of advocates' self-management bodies.

Novelty/originality/value: The novelty of the paper lies not only in the absence of similar scientific publications on the topic, but also in the very statement of need for financial optimization of the work of advocates' self-management bodies. Scientific and applied nature of the study point to its originality, while the scientific generalizations and proposals points to its scientific value.

Keywords: advocacy, legal authorities, financial optimization, transparency, estimates.

Одно из слабых мест современной адвокатуры, которое проявилось буквально в последние годы, – это высокая стоимость содержания органов адвокатского самоуправления. Высокие расходы адвокатских палат в конечном счете включаются в стоимость адвокатских услуг и делают адвокатов неконкурентоспособными. Кроме того, порой расточительное использование органами адвокатского самоуправления поступающих к ним финансовых средств, с одной стороны, растлевает управляющую элиту, а с другой – увеличивает полосу отчуждения между адвокатами и адвокатскими управленцами.

Выражаем благодарность адвокатам Сахалинской области, которые подали нам идею о проведении научного исследования и написании настоящей статьи. Также благодарим всех, кто поделился с нами финансовыми документами своих адвокатских палат, без которых мы не смогли бы оценить реальное положение дел в финансовой сфере органов адвокатского самоуправления.

Основываясь на данных о расходах адвокатских палат с 2003 по 2018 год, представим те места, в которых возможно обнаружить пути оптимизации расходов на функционирование управления адвокатурой. Финансовую оптимизацию управления органами адвокатского самоуправления необходимо исследовать в двух направлениях: общие принципы оптимизации и оптимизация отдельных видов управленческой деятельности.

Общие принципы финансовой оптимизации органов адвокатского самоуправления

Мы выделяем следующие принципы финансовой оптимизации управления адвокатурой: финансовая транспарентность, соотносимость доходной и расходной частей бюджета адвокатских палат, закрытый список расходов.

Транспарентность финансовой деятельности органов адвокатского самоуправления – это требование, согласно которому финансовые документы, содержащие сведения о финансовой деятельности адвокатских палат (годовая смета, численность и состав работников, сведения о размере оплаты их труда и т. п.), должны находиться в открытом доступе.

Вопросы транспарентности стали актуальными в научном дискурсе, в основном научно-экономическом, когда оказалось, что на экономическую ситуацию в государствах существенное влияние имеет такой показатель, как транспарентность: «Реалии современного мира доказывают, что наиболее успешным является экономическое разви-

тие тех стран, которые на всех уровнях экономики (микро-, мезо-, макро-) ориентированы на интеллектуальные ресурсы. Наиболее эффективное использование этих ресурсов возможно лишь в условиях прозрачности принятия управленческих решений. С экономической точки зрения информационная прозрачность должна способствовать снижению непредсказуемости при принятии управленческих решений, укреплению доверия на всех уровнях экономической системы. Информационная прозрачность способствует становлению и развитию инновационной экономики, являясь связующим звеном между различными экономическими субъектами, выступая некоторым пределом доверия между ними» [4].

То, что верно для больших социальных образований (государств), вполне может быть верным и для малых, в частности, для таких сообществ, как органы адвокатского самоуправления. К сожалению, эмпирическое исследование информационного поля показало, что уровень транспарентности органов адвокатского самоуправления сейчас крайне низок. Большинство руководителей адвокатских палат считают, что сведения о финансовой деятельности адвокатских палат относятся к составляющим адвокатскую тайну, и ограничивают их распространение (в качестве противоположного примера можно упомянуть финансовую транспарентность АП Удмуртии) [2].

Требование к финансовой транспарентности общественных организаций, в число которых входят и адвокатские палаты, зафиксировано в действующем законодательстве. Так, согласно п. 3.2 ст. 32 ФЗ «О некоммерческих организациях» некоммерческие организации обязаны ежегодно размещать в информационно-телекоммуникационной сети Интернет отчет о своей деятельности в объеме сведений, представляемых в Министерство юстиции. Однако это требование большинством из руководства адвокатских палат не выполняется с ссылкой на то, что органы адвокатского самоуправления, будучи особыми юридическими образованиями, не обязаны руководствоваться общими нормами, а лишь нормами, закрепленными в Законе РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

В ответ на игнорирование адвокатскими палатами требования Закона о транспарентности в ходе парламентских слушаний по теме «Совершенствование Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые состоялись 21 февраля 2019 г., заместитель Министра юстиции РФ Денис Новак сказал: «Для повышения доверия к органам адвокатского самоуправления предусмотреть в Законе обязанность адвокатских палат размещать на своем официальном сайте в сети Интернет информацию о своей деятельности, которая должна включать в себя все решения, принятые адвокатской палатой, годовую финансовую бухгалтерскую отчетность адвокатской палаты и сведения о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность лиц, входящих в органы адвокатской палаты» [5]. То есть государство решило закрепить требование о финансовой транспарентности в специальном законе, чтобы не дать уклониться от его соблюдения руководителям органов адвокатского самоуправления.

Соотносимость доходной и расходной частей бюджета адвокатских палат как принцип финансовой оптимизации означает, что доходы, полученные на определенные цели, должны быть именно на них и направлены. В противном случае это будет являться нецелевым расходованием средств адвокатской палаты.

Согласно Смете расходов и доходов Адвокатской палаты Калининградской области за 2018 год доходы палаты за год по такой статье, как «Взносы за обучение и введение в профессию», составили 1,8 млн рублей [1]. Однако в расходной части статьи расходов по этому пункту не предусмотрено. Получается, что финансы в палату поступили, но расходовались они на что-то иное, а не на то, на что они были собраны – «обучение и введение в профессию».

Принцип закрытого списка расходов органов адвокатского самоуправления заключается в том, что раз установленные статьи расходов адвокатских палат не должны изменяться. Кроме того, уже существующие статьи должны быть пересмотрены с позиции их целесообразности. Одновременно необходимо выявить скрытые расходы адвокатских палат, которые скрываются в обоснованных статьях бюджета.

В бюджете адвокатских палат часто встречаются следы скрытых выплат президенту адвокатской палаты, например в виде премий, расходов на проезд в отпуск, служебного автомобиля, услуг личного водителя и т. п. И здесь необходимо разделить расходы, которые действительно несет президент в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей, и неоправданные расходы, связанные с комфортом президента как высшего чиновника в региональной адвокатуре региона.

В процессе разделения законных и незаконных расходов президента можно применить следующую формулу: «Что клиент оплачивает адвокату,

то и адвокат оплачивает президенту». Например, адвокат хочет поехать в отпуск в Италию, будет ли он просить у своего даже давнего корпоративного клиента денег на оплату его проезда? Если нет, то, например, содержащиеся в смете Сахалинской Адвокатской палаты такие расходы на 2019 год, как «проезд в отпуск – 50000 рублей» [7], не должны быть утверждены. То же относится и к отпускным, выплачиваемым президенту той же адвокатской палатой.

Не покупает клиент адвокату также и автомобиль, не возмещает расходы на оплату личного водителя, не оплачивает поездки на различные конференции и т. п. А вот о возмещении расходов на бензин речь уже может идти. И подобную формулу следует применять каждый раз, оценивая, положено ли президенту палаты возмещение подобных расходов.

Оптимизация отдельных видов управленческой деятельности

Можно выделить следующие виды управленческой деятельности адвокатских палат, которые требуют финансовой оптимизации:

– содержание помещения адвокатской палаты;

– вознаграждение (зарплата) президента палаты;

– заработная плата бухгалтера;

– заработная плата обслуживающего персонала;

– премирование;

– содержание сайта;

– командировочные расходы;

– повышение квалификации;

– корпоративные мероприятия.

Рассмотрим все эти расходы с позиции их возможной оптимизации.

Содержание помещения адвокатской палаты. За время своего существования с 2002 года все адвокатские палаты разделились на две группы: палаты, владеющие помещениями, в которых они находятся на праве собственности, и те, которые помещениями не владеют, а пользуются ими на правах арендаторов. Какой же вариант с позиции оптимизации является наилучшим?

Для адвоката покупка помещения для палаты является делом убыточным, ведь для него, за чьи, собственно, взносы приобретается помещение, эти расходы являются безвозвратными, так как после прекращения статуса эти средства адвокату не возвращаются. Поэтому персонально для адвоката выгоднее аренда помещения, в котором будет размещаться адвокатская палата. Аренда помещений представляется выгодной по сравнению с приобретением еще по ряду причин:

– возможность изменять площадь занимаемых помещений в связи с увеличением или уменьшением потребности в них. Например, переход работы бухгалтерии на аутсорсинг (приходящий бухгалтер) сделает ненужным бухгалтерское рабочее место, а значит, от этого помещения, если оно арендовано, можно отказаться, что нельзя сделать, если помещение находится у палаты в собственности;

– возможность снимать помещения для разовых мероприятий. Так уже происходит, например, при организации конференций адвокатов (до 300 человек), для проведения которых адвокатская палата арендует помещение минимум раз в год. По такой же схеме можно арендовать помещения, например, для заседания совета адвокатской палаты или проведения экзамена на получение статуса адвоката;

– тренды развития виртуальных офисов могут привести к тому, что «материальные офисы» станут для палаты ненужными, тогда помещения, приобретенные палатой в собственность, повиснут на ее балансе финансовым бременем.

В свою очередь, аренда адвокатскими палатами помещений в современных условиях имеет одно очень неприятное свойство. Дело в том, что аренда помещения в современных условиях грозит вероятными злоупотреблениями в этом вопросе. Сегодня в российской адвокатуре возникла практика аренды помещений адвокатских палат у лиц, аффилированных с руководством палаты. В подобных случаях возникает угроза завышенных расходов на аренду помещений по причине возникновения конфликта интересов. В этом случае целесообразно на конкурсной основе нанять профессионала по аренде недвижимости (риэлторскую фирму) и воспользоваться его услугами.

Также целесообразно организовать независимый аудит по вопросу стоимости арендованного у аффилированного лица помещения, а в случае сопротивления этому руководства палаты обратиться в правоохранительные органы с заявлением о проведении проверки по факту возможного мошенничества.

От критериев выбора помещения для адвокатской палаты во многом зависит стоимость как ее аренды, так и содержания (если помещение находится у палаты в собственности). И здесь ключевой является дислокация этого помещения.

Сегодня сложилось представление о том, что адвокатская палата должна располагаться в центре столицы того субъекта федерации, где она находится. Этот фактор являлся бы ключевым, если бы палата оказывала юридические услуги, но ведь

орган адвокатского самоуправления является некоммерческой организацией, и привлекать к себе клиентов палате нет необходимости.

Кто приходит в палаты? Кто является потенциальным пользователем ее помещений? Претенденты на получение статуса адвоката, президент палаты, члены совета и квалификационной комиссии, жалобщики на адвокатов. Но эти люди придут в палату в любом случае, где бы она ни находилась. Возможный довод в пользу нахождения палаты в «дорогом центре» – статус, престиж. Но статус палаты должен определяться не шикарным офисом, помпезными мероприятиями и дорогой машиной ее президента. Авторитет палаты определяется ее пользой для адвокатского сообщества, что никак не связано с местом нахождения офиса.

Согласно обзору рынка аренды офисов Москвы год аренды самого дешевого офиса класса А площадью 200 кв. м в центре столицы обходится примерно в 6 млн рублей (обзор на 30 июня 2017 г.). Офис с такими же параметрами на территории от Третьего транспортного кольца до МКАД обойдется уже в 2,8 млн рублей в год. Это почти вдвое дешевле, чем в центре [9].

Именно поэтому нахождение палат в центре является неоправданной роскошью. Например, адвокатская палата г. Москвы и Федеральная палата адвокатов арендует одно из самых дорогих в России помещений в центре Москвы (Сивцев Вражек, д. 43), что является экономически неоправданным расточительством.

В целях оптимизации расходов палатам целесообразно переехать в более экономные районы, а для статусных мероприятий арендовать помещения согласно их представительному уровню.

Оптимизация расходов на содержание помещений адвокатской палаты может осуществляться при помощи сдачи в аренду ее помещений. Это могут быть или помещения, временно не используемые адвокатской палатой, например зал заседания совета палаты, или все помещения палаты в нерабочее время.

Некоторые помещения палаты не используются большую часть времени. К ним могут относиться, например, зал заседаний совета палаты, помещение для сдачи квалификационных экзаменов и т. п. Эти помещения вполне могут быть сданы рядовым адвокатам, например, для проведения юридических консультаций со своими доверителями. Для этого создается график занятости каждого помещения палаты, который вывешивается в свободном доступе в сети Интернет, где адвокаты могут или в онлайн-режиме, или в режиме ручной записи у ответственного лица забронировать за собой помещение палаты на определенное время.

Очевидно, что по окончании рабочего дня (17.00), а также в выходные дни помещения палаты пустуют. Время простоя помещений составляет примерно 58 часов в неделю (шесть часов в будний день с 17 до 23 часов и два выходных дня по 14 часов). Эти простаивающие помещения, включая кабинет президента палаты, бухгалтерию, секретариат и т. п., можно сдавать в аренду под адвокатский офис тем адвокатам, которые встречаются со своими доверителями по вечерам.

Будет ли у адвокатов спрос на эти помещения? Помещения адвокатской палаты, с позиции аренды, весьма привлекательны для ведения адвокатской деятельности. Они являются помещениями офисного типа, а само наименование «Адвокатская палата» придает солидности адвокату, ведущему в ней прием.

Аренда помещений адвокатской палаты будет полезной и самим работникам палаты. Они приучатся держать свое рабочее место в порядке, хранить документы в надежном месте и т. п. Что касается уборки помещений, то она с успехом может осуществляться в утренние часы до открытия палаты.

Естественно, что сама процедура выбора адвокатов-арендаторов должна проходить публично, согласно таблице занятости помещений, желательно в формате электронных торгов.

Развитие средств связи и электронных технологий, в частности legal-billing, позволяет адвокатам в ближайшем будущем вообще отказаться от «материального» офиса своих адвокатских палат, перейдя в синтетический материально-виртуальный формат организации работы палаты. Для перехода к виртуальному офису необходимо несколько последовательных шагов.

Онлайнизация контактов палаты с внешним миром. Все обращения в палату должны подаваться дистанционно или на сайт палаты, или на ее страницу в социальной сети, или на ее электронную почту. В качестве портала письменной или печатной корреспонденции может служить абонентский ящик в почтовом отделении связи.

Переход части заседаний совета палаты в онлайн-режим. Заседания могут проходить в Скайп-формате, а очные встречи членов совета могут проводиться лишь по требованию члена совета в арендуемом для этого заседания помещении. Имеется опыт не только проведения заседаний советов в онлайн-режиме, но и закрепления подобной формы нормативно. Так, согласно ст. 3.11 Регламента Совета Сахалинской адвокатской

палаты, «Участие члена Совета может быть обеспечено путем видеоконференцсвязи с использованием различных компьютерных программ. На заседании Совета допускается участие посредством видеоконференцсвязи не более одного члена Совета» [6].

Виртуализация работы квалификационной комиссии. Введение института электронного суда присяжных для адвокатов, а также переход на полностью электронный формат приема экзамена на получение статуса адвоката сделает исключением необходимость очных встреч членов квалификационной комиссии.

Работники на удаленном доступе. Работа секретаря палаты, бухгалтера может проходить в режиме удаленного доступа либо в формате фрилансерства или аутсорсинга. В этой связи палате необходимо будет озаботиться установкой на электронных ресурсах палаты бота, который сможет отвечать на большинство вопросов, поступающих на адрес палаты в электронном виде, разгружая тем самым работников палаты.

Президент на своем месте. Президент палаты может находиться в офисе того адвокатского образования, в котором он работает, с компенсацией адвокатской фирме времени, в течение которого использовал помещение конторы по делам палаты. Вознаграждение работы президентов адвокатских палат производится сегодня «на глазок», и этот «глазок», как правило, – глаз самого президента палаты. Ситуация с оплатой услуг главного адвокатского чиновника является «темной» в связи с отсутствием прозрачности в вопросе о том, сколько усилий тратит президент для выполнения своих обязанностей перед адвокатами и, соответственно, на какое вознаграждение он может претендовать. Возможно, поэтому размер вознаграждения президентов палат является тайной за семью печатями и поддается исследованию с огромными усилиями.

Все обязанности президента адвокатской палаты необходимо разделить на два вида: законные и дополнительные. Законные обязанности – те, которые возложены на президента законом. Рассмотрим то количество времени, которое президент может тратить на выполнение своих законных обязанностей за один месяц: председательство в совете адвокатской палаты – два часа; председательство в квалификационной комиссии – два часа; председательство на конференции адвокатов – 10 минут (из расчета – одно собрание в год); представительство с внешней средой – четыре часа; организация дисциплинарного производства – четыре часа.

Итак, на выполнение тех полномочий, которые возложены на президента Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», президенту требуется 12 часов 10 минут.

Следующим шагом может стать выяснение, каков размер повременной оплаты труда президента палаты. Например, вознаграждение Президента адвокатской палаты Сахалина за 2018 год составляло 113 400 рублей в месяц [7]. Из представленного расчета выходит, что его тариф составляет 155 рублей за минуту работы, то есть 9300 рублей за час.

Представляется вполне разумным перейти к повременной системе оплаты труда президента. Для этого необходимо четко расписать круг его должностных обязанностей, установить время, необходимое для их выполнения и, исходя из этого, установить должностной оклад.

Один из путей оптимизации расходов на содержание президента адвокатской палаты – диверсификация его полномочий, то есть их распределение между другими членами корпорации, например членами совета адвокатской палаты. Де факто в большинстве палат так и происходит, один член совета занимается дисциплинарными делами, другой – вопросами повышения квалификации адвокатов и т. п.

При этом законные (предусмотренные законом) обязанности президента адвокатской палаты могут быть диверсифицированы частично, а дополнительные, которые подчас взваливают на себя президенты, в обязательном порядке должны быть переданы другим членам корпорации.

Могут ли добровольные помощники возлагать на себя обязанности президента на безвозмездной основе, и не превратится ли это не в оптимизацию, а в раздувание штатов и расходов? Дело в том, что, безвозмездно выполняя свои публичные обязанности, добровольные помощники повышают свой внутрикорпоративный статус, испытывают чувство гордости за причастность к делам корпорации, находятся в информационном центре, что также может пригодиться в их деятельности. Все эти помощники должны избираться на конкурсной основе и на определенный срок. В случае если на определенный «фронт работ» не найдется помощника, следует задуматься о том, нужна ли эта деятельность для адвокатской палаты вообще, если на должность ее исполнителя нет желающих. Осталось этот вопрос регламентировать и официально «разгрузить» президента, тем самым лишив его возможности требовать высоких ставок оплаты своих управленческих услуг. Пре-

зидент при этом будет разгружен и сможет больше времени уделять адвокатской деятельности. Последнее может иметь далеко идущие полезные последствия, например вовлеченность президента в работу «на земле» и его более спокойное отношение к расставанию с этой должностью.

Оптимизация расходов на заработную плату бухгалтера адвокатской палаты. Так повелось, что в каждой адвокатской палате России есть комнатка, в которой восседает бухгалтер палаты. С этой персоной все уже давно свыклись, но если к ней присмотреться, то по ее поводу возникает ряд вопросов.

Известно, что адвокатская палата не является производственным комплексом с большими оборотами и сложной отчетностью. Поэтому весьма сомнительно, что палаты, особенно с небольшим количеством адвокатов, нуждаются в должности бухгалтера. В случаях с адвокатскими палатами вполне возможно положение, в котором бухгалтер будет приходящий или вообще будет производить бухгалтерские услуги в формате аутсорсинга. В этом случае экономятся существенные финансовые средства и, как было уже изложено выше, место в офисе адвокатской палаты.

Однако даже если бухгалтер нанят на постоянную работу или на аутсорсинг, необходимо проверять размер заработной платы, который президент устанавливает своему бухгалтеру. Например, согласно смете Сахалинской Адвокатской палаты расходы на бухгалтера составляют 65 100 рублей в месяц плюс отпускные 67 000 рублей [7]. Простой просмотр вакансий бухгалтеров в городе Южно-Сахалинск дает нам иные, гораздо более скромные предложения для представителей этой профессии. Например, ООО ЧОП «Арсенал» готов платить своему бухгалтеру от 30000 до 35000 рублей в месяц, то есть в два раза меньше, чем платит Сахалинская адвокатская палата.

В некоторых адвокатских палатах не ограничиваются даже одним штатным бухгалтером. Например, согласно штатному расписанию Адвокатской палаты Волгоградской области предусмотрено две бухгалтерской должности – главного бухгалтера и старшего бухгалтера.

Особое положение бухгалтера в нашей бизнес-культуре требует вывести его из-под контроля президента палаты, поскольку, как свидетельствует практика, большинство финансовых махинаций происходит в связке «директор–бухгалтер». То есть вопрос о подборе бухгалтера должен быть отнесен к компетенции, например, председателя ревизионной комиссии адвокатской палаты, но ни в коем случае не президента палаты.

Финансовая оптимизация заработной платы обслуживающего персонала адвокатской палаты. Неумолимые закономерности развития бюрократических систем предопределяют тенденцию постепенного расширения последними своих штатов. Например, согласно штатному расписанию Адвокатской палаты Волгоградской области, помимо должности главного бухгалтера и старшего бухгалтера, предусмотрены следующие технические должности: руководитель аппарата АПВО; юрист-консультант АПВО; юрист – секретарь Совета; заведующая хозяйством; секретарь по ст. 51 УПК РФ и 50 ГПК РФ и адвокатским кабинетам; юрист-секретарь квалификационной комиссии; редактор газеты «Волгоградский адвокат» [8].

Формально обслуживающий персонал нанимают для борьбы с валом бумаг, в результате чего через короткое время этот вал увеличивается в разы – круг замыкается. Чтобы прервать тенденцию к неимоверному раздуванию штатов, каждая штатная должность адвокатской палаты, как и президент палаты, должна иметь четкий перечень своих должностных обязанностей. Без этого перечня невозможно определить, в дело ли идут адвокатские взносы при оплате услуг этого персонала.

В этой связи необходимо подключить адвокатов-экспертов, находящихся вне рамок возможного административного давления со стороны чиновников палаты, которые могут дать заключения об обоснованности наличия каждой должностной единицы в структуре палаты.

Финансовая оптимизация содержания сайта адвокатской палаты. Содержание сайта для адвокатской палаты – существенная статья ее расходов. Федеральная палата адвокатов, стимулируя развитие корпоративных адвокатских сайтов, даже проводит конкурс на лучший из них. Сегодня настало время задуматься, а окупают ли сайты те затраты, которые тратятся на их содержание? Для этого необходимо определиться с функционалом сайта адвокатской палаты. Выделено три функции: статусная, информационная и потребительская.

Анализ сайтов адвокатских палат позволил на первое по значимости место поставить статусную функцию, т. е. «солидно выглядеть». Часть сайтов адвокатских палат подобно их офисам выглядят шикарно и дорого, по последней моде веб-дизайна. Представляется, что вкладывать адвокатские деньги в статус своих органов управления, в пафос – расточительство. На противоположной стороне – «заброшенные сайты» с дизайном начала нулевых.

Информационно-новостная функция – это размещение на корпоративных веб-страницах актуальной информации, полезной для рядовых адвокатов. Однако простой просмотр статистики сайтов адвокатских палат свидетельствует о жалком количестве их посетителей. Не может подобный сайт выступать в качестве новостного агрегатора. Часть сайтов адвокатских палат вообще в этом смысле выглядит «руинами», на которых информация не обновляется месяцами, а если и обновляется, то перепечатками статей с официальных ресурсов Федеральной палаты адвокатов.

Информационно-потребительская функция заключается в размещении информации для «клиентов» адвокатских палат – кандидатов на получение статуса адвокатов. Это весьма важная функция, но ее выполнение не требует больших расходов. Информация для кандидатов, будучи раз размещенной, долгие годы остается актуальной и не требует обновления. К слову, на большинстве сайтов палат содержится лишь формальная информация для кандидата, нет ни скрытых цензов, ни стоимости получения статуса адвоката. Эту информацию кандидаты узнают, лишь лично явившись в палату.

Сегодня мы наблюдаем необходимость в оптимизации расходов на содержание адвокатских сайтов. Эта оптимизация видится в замораживании расходов на их обновление. Но самым важным в оптимизации видится уход информационной функции сайта адвокатской палаты в социальные сети. Социальные сети являются идеальной площадкой для выполнения информационной задачи и, как следствие, солидаризирующей площадкой для адвокатов региона.

Каждая адвокатская палата должна создать в социальных сетях два вида аккаунтов – открытый и закрытый. В открытом аккаунте должны быть размещены актуальная публичная информация о приеме документов для поступления в адвокатуру, объявления о заседании совета и квалификационной комиссии и т. п. Для решения корпоративных проблем будет служить закрытый аккаунт, к которому может иметь доступ ограниченный круг лиц, например лишь адвокаты реестра.

В социальных сетях уже давно выявились активно представленные в них адвокаты фактически из каждого региона. Их можно поставить администраторами и модераторами информационно-коммуникационных площадок адвокатских палат в социальных сетях. Нужно ли отмечать, что расходов на поддержание данных информационных ресурсов не будет.

Финансовая оптимизация функционирования института повышения квалификации. Создание режима повышения квалификации адвокатов, согласно действующему законодательству, – это одна из функций органов адвокатского самоуправления. Исторически так было не всегда. Например, во времена присяжной адвокатуры корпорация считала, что уровень квалификации – дело самого адвоката. Однако современный этап развития адвокатуры (2003 год) ознаменовался попыткой централизованной организации повышения квалификации. С проблемами на этом пути можно ознакомиться в статье «Реализация требований об обязательном повышении квалификации адвокатов» [3]. В контексте данного исследования мы будем говорить о финансовых расходах на этот процесс.

Так, ряд палат ввели специальные целевые взносы для адвокатов для повышения их квалификации. Практика ряда палат, например адвокатской палаты Волгоградской области, показывает, что эти финансы расходуются хаотично, без кого-либо плана и рефлексии о результатах. И здесь выявляется две проблемы, корень которых един. Первая – отсутствие качественных услуг по повышению квалификации. Отсутствуют и действенные методики и тренеры по повышению квалификации адвокатов. Вторая – слабая заинтересованность самих адвокатов в повышении квалификации.

Для финансовой оптимизации института повышения квалификации адвокатов предлагаем систему долевого участия рядовых адвокатов в повышении квалификации. Долевое участие – это распределение расходов по повышению квалификации между адвокатской палатой и самими адвокатами. Проект должен проходить по следующей процедуре.

1. Предложение образовательного продукта. Тренер или образовательная организация предлагает адвокатской палате какой-либо курс, который она считает полезным для адвокатов. Совет адвокатской палаты рассматривает это предложение и принимает или отклоняет его. Само предложение и результаты его рассмотрения публикуются.

2. Определяется стоимость данного курса. До сведения адвокатов доводится информация, что есть предложение провести данный курс, причем половину стоимости оплачивает палата, а половину – сами адвокаты. Например, курс рассчитан на 20 человек, и его стоимость 40000 рублей. Если наберется 20 адвокатов, которые внесут в палату по 1000 рублей, то палата вносит свою часть –

20000 рублей и назначает дату проведения обучающего мероприятия.

Выводы

Целью настоящего исследования не была необходимость описать все возможные пути финансовой оптимизации содержания адвокатских палат. Основная задача заключалась в том, чтобы озвучить проблемные подходы к финансовой оптимизации, которые могут быть применены в ходе управления конкретной палатой.

В ходе исследования выяснилось, что важнее оказались не конкретные финансовые рецепты, а выявление принципов финансовой оптимизации: финансовая транспарентность, соотносимость доходной и расходной частей бюджета адвокатских палат и принцип закрытого списка расходов.

Пристатейный библиографический список

1. Бюджет Адвокатской палаты Калининградской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.palatakd.ru/content/news/1990/?fbclid=IwAR1oqv03b4sd8HPzGtBrfHDxPQXdc3OY2md8hTplerCSk8nwB1tgJH7KBDI/.
2. Бюджет Адвокатской палаты Удмуртской республики [Электронный ресурс]. URL: https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1072%3Aakt-proverki-finansovo-khozyajstvennoj-deyatelnosti-no-advokatskaya-palata-udmurtskoj-respubliki-i-ee-organov-za-period-s-1-yanvarya-2017-goda-po-1-yanvarya-2018-goda&catid=93&Itemid=18&fbclid=IwAR2nl_bBF3HyTRi8xLGD2Ydz_J3TtcWtsFRKMfUmFRP-1Ltvtx_L2AeuNK8/.
3. Мельниченко Р.Г. Реализация требований об обязательном повышении квалификации адвокатов // Право и образование. 2009. № 3. С. 47–57.
4. Орлова Л.Н. Информационная прозрачность как парадигма устойчивого развития экономических систем // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 4–2 (24).
5. Парламентские слушания на тему «Совершенствование Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/AhGgHH_ZKrs.
6. Регламент Совета Сахалинской адвокатской палаты. Утвержден Решением Совета Сахалинской адвокатской палаты 23.08.2016.
7. Смета расходов и доходов Сахалинской адвокатской палаты на период с 01.10.2018 по 01.10.2019.
8. Штатное расписание Адвокатской палаты Волгоградской области [Электронный ресурс]. URL: палаты http://www.apvo-volgograd.ru/shtat.php.
9. https://www.arendator.ru/articles/155292-gde_rabotat_plyusy_i_minusy_ofisov_v_centre_i_na_okrainah_moskvy/.

References (transliterated)

1. Byudzhet Advokatskoj palaty` Kaliningradskoj oblasti [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.palatakd.ru/content/news/1990/?fbclid=IwAR1oqv03b4sd8HPzGtBrfHDxPQXdc3OY2md8hTplerCSk8nwB1tgJH7KBDI/.
2. Byudzhet Advokatskoj palaty` Udmurtskoj respubliki [E`lektronny`j resurs]. URL: https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1072%3Aakt-proverki-finansovo-khozyajstvennoj-deyatelnosti-no-advokatskaya-palata-udmurtskoj-respubliki-i-ee-organov-za-period-s-1-yanvarya-2017-goda-po-1-yanvarya-2018-goda&catid=93&Itemid=18&fbclid=IwAR2nl_bBF3HyTRi8xLGD2Ydz_J3TtcWtsFRKMfUmFRP-1Ltvtx_L2AeuNK8/.
3. Mel`nichenko R.G. Realizaciya trebovanij ob obyazatel`nom povy`shenii kvalifikacii advokatov // Pravo i obrazovanie. 2009. № 3. S. 47–57.
4. Orlova L.N. Informacionnaya prozrachnost` kak paradigma ustojchivogo razvitiya e`konomicheskix sistem // MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie). 2015. № 4–2 (24).
5. Parlamentskie slushaniya na temu «Sovershenstvovanie Federal`nogo zakona «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://youtu.be/AhGgHH_ZKrs.
6. Reglament Soveta Saxalinskoj advokatskoj palaty`. Utverzhden Resheniem Soveta Saxalinskoj advokatskoj palaty` 23.08.2016.
7. Smeta rasxodov i doxodov Saxalinskoj advokatskoj palaty` na period s 01.10.2018 po 01.10.2019.
8. Shtatnoe raspisanie Advokatskoj palaty` Volgogradskoj oblasti [E`lektronny`j resurs]. URL: palaty` http://www.apvo-volgograd.ru/shtat.php.
9. https://www.arendator.ru/articles/155292-gde_rabotat_plyusy_i_minusy_ofisov_v_centre_i_na_okrainah_moskvy/.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- Движимого и недвижимого имущества
- Машин и оборудования

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Короткова П.Е.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ СДАЧИ КВАЛИФИКАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА НА ПРИСВОЕНИЕ СТАТУСА АДВОКАТА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Цель: Анализ законодательного регулирования процедуры сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката с целью ее унификации в условиях информатизации российской адвокатуры.

Методология: Использовались формально-юридический метод, метод сравнительного анализа, историко-правовой метод.

Результаты: Проанализировав законодательное регулирование процедуры сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката на современном этапе, автор сумел сформулировать ряд обоснованных в тексте работы выводов касательно стандартизации системы проверки и оценки знаний претендентов на присвоение статуса адвоката в условиях информатизации российской адвокатуры.

Новизна/оригинальность/ценность: Значимость и ценность данной статьи заключаются в том, что в ней предлагается решение выявленной в действующем законодательстве, а именно в законодательном регулировании процедуры сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, проблемы в условиях информатизации российской адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, квалификационный экзамен, цифровая экономика, информационная (цифровая) экосистема адвокатуры.

Korotkova P.E.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE BAR EXAM PROCESS IN THE CONTEXT OF COMPUTERISATION OF THE RUSSIAN ADVOCACY: PROBLEMS AND POSSIBILITIES

Purpose: To research the legislative regulation of the bar exam process for the sake of its unitizing in the context of computerisation of the Russian advocacy.

Methodology: Legalistic, comparative and historical methods were used in this article.

Results: The author provides insight to an up-to-date legislative regulation of the bar exam process and formulates a number of conclusions proved by this study. These conclusions concrern the standardization of a system of a knowledge evaluation of these applying for bar qualification in the context of computerisation of the advocacy of Russia.

Novelty/originality/value: The importance and the value of this article lie in the fact that the author reveals a problem in a legislation in power, more specifically in a legislative regulation of the bar exam process in the context of computerisation of the advocacy of the Russian Federation.

Keywords: advocacy, bar exam process, digital economy, IT (digital) ecosystem of an advocacy.

В настоящее время, по мнению многих исследователей, «Россия делает попытку, вернувшись к историческим корням русской присяжной адвокатуры, возникшей в 1864 г. и уничтоженной большевиками в 1917 г., построить новую адвокатуру, способную реализовывать на практике либеральные ценности, активно участвуя в построении правового государства и гражданского общества» [4]. Именно поэтому начать изучение требований и условий поступления в адвокатуру, для того чтобы понять, какие изменения следует вносить в действующее законодательство в условиях информатизации российской адвокатуры, следует с 1864 года.

В 60-х годах XIX века в России был проведен ряд реформ, в результате которых впервые в истории нашей страны была создана организованная адвокатура. Положение присяжных поверенных регулировалось нормами Учреждения судебных установлений, которые в статьях 354 и 355 устанавливали требования к лицам, которые хотели получить звание присяжного поверенного. Те, кто соответствовал этим требованиям, должны были подать прошение в совет присяжных поверенных с приложением необходимых документов, подтверждающих наличие у них необходимого образования или стажа работы.

Таким образом, по Судебным уставам присяжная адвокатура учреждалась как профессиональная, независимая и самоуправляемая организация.

В дальнейшем «наша адвокатура, получившая в главных чертах довольно правильную организацию в Судебных Уставах, ... стала подвергаться коренным переменам, весьма неблагоприятным для ее деятельности» [10]. В России «судебная реформа одной из первых была подвергнута коренному пересмотру. К концу 80-х годов XIX в. из Судеб-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16170мк.

ных Уставов 1864 года были исключены многие демократические институты, изменено судопроизводство по государственным преступлениям, сокращен круг дел, подлежащих рассмотрению судом присяжных. Устройство адвокатуры также претерпело большие изменения и ограничения со стороны властей» [11].

В период с 1905 по февраль 1917 г. адвокатам приходилось участвовать в политический процессах. Это негативно отразилось на взаимоотношениях между государственной властью и этим институтом и, в свою очередь, привело к тому, что «...большевики не представляли, какой должна быть социалистическая адвокатура, но понимали необходимость уничтожения институциональных основ существующей» [12], поэтому Декретом о суде № 1 адвокатура была ликвидирована. В соответствии с новыми правилами «…интересы личности в суде мог представлять любой обладающий гражданскими правами неопороченный гражданин, то есть обеспечивался доступ к адвокатской деятельности практически для всех лиц без ограничения» [1].

Советская адвокатура, периодизацию которой адвокат, доцент О.В. Поспелов разделил на пять этапов [8], прошла долгий и сложный путь – от полной ликвидации до попытки создания сильной корпорации адвокатов, способной защищать права и интересы граждан.

Следует обратить внимание и на существование так называемого переходного периода в развитии адвокатуры нашей страны, который продлился с 1991 по 2003 г., так как в этот период времени продолжало действовать советское законодательство, а именно Положение об адвокатуре РСФСР 1980 года, ст. 11 которого устанавливала требования к членам коллегии: «...граждане СССР, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по специальности юриста не менее двух лет». В ст. 12 Положения был закреплен порядок приема в коллегию адвокатов: «…заявления о приеме в коллегию адвокатов рассматриваются не позднее месячного срока с момента их поступления в президиум коллегии адвокатов, как правило, в присутствии лица, подавшего заявление. Постановление об отказе в приеме в коллегию адвокатов может быть обжаловано в Совет Министров автономной республики, исполнительный комитет краевого, областного, городского Совета народных депутатов в месячный срок со дня его вынесения».

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что требования к претендентам и условия приема в адвокатуру с ходом истории менялись в зависимости, во-первых, от отношения государственной власти к адвокатуре и, во-вторых, от организации самой адвокатуры.

«Радикальные изменения отношений собственности, происшедшие в нашей стране начиная с 90-х годов XX в., обострили проблемы создания адвокатуры, способной защищать права граждан» [3], поэтому в 1992 г. началась работа над проектом нового закона [5] об адвокатской деятельности и адвокатуре, которая была завершена только 26 апреля 2002 года, когда Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (далее – Закон об адвокатуре) был принят в окончательной редакции Государственной Думой.

В настоящее время претенденты на присвоение статуса адвоката должны соблюсти требования, содержащиеся в Законе об адвокатуре, а также в «Положении о порядке сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката», которое было утверждено Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ) 25 апреля 2003 года (протокол № 2) с изменениями, вступившими в силу 01.09.2016.

22 февраля 2019 года в Комитете Государственной Думы по государственному строительству и законодательству прошли парламентские слушания «Совершенствование Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в ходе которых обсуждались предложенные изменения Закона об адвокатуре, содержащиеся в проекте федерального закона № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 18.05.2018, в частности, абзацев первого и второго пункта 5 статьи 15 касательно наложения запрета адвокату, стаж адвокатской деятельности которого менее пяти лет, изменять членство в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации без предварительного положительного решения совета адвокатской палаты, членом которой он является, а также без предварительного согласования с Федеральной палатой адвокатов в порядке, установленном советом Федеральной палаты адвокатов. В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» было разъяснено, что это предложение обусловлено тем, что каждый год адво-

каты «изменяют членство в адвокатской палате, причем большая часть из них – вскоре после сдачи квалификационного экзамена и приобретения статуса адвоката. Данная практика, по сути, представляет собой обход закона и требует законодательного реагирования» [9].

Признавая существующую проблему, выступающие, в том числе заведующий кафедрой адвокатуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации С.И. Володина, первый заместитель председателя Комитета по государственному строительству и законодательству Ю.П. Синельщиков, а также заместитель министра юстиции РФ Д.В. Новак и др. предлагали альтернативное ее решение, а именно: изменение существующего порядка сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката. В частности, по мнению Д.В. Новака, «вместо того, чтобы ограничить адвоката на переход в другую палату, Правительство предлагает ввести автоматизированную систему аттестации, предполагающую единый стандарт проверки знаний претендентов на приобретение статуса адвоката, вне зависимости от региона» [6].

Действительно, введение автоматизированной системы аттестации претендентов на приобретение статуса адвоката исключило бы субъективный, человеческий фактор и обеспечило бы равные возможности для претендентов. Однако ввести данную систему аттестации возможно тогда, когда будет внедрена автоматизированная информационно-аналитическая система «Адвокатура» (АИАС «Адвокатура»), разработка, создание и прием в эксплуатацию которой были одобрены Советом ФПА РФ еще в 2005 году [7]. Внедрение АИАС «Адвокатура» способствовало бы развитию корпоративной цифровой экосистемы адвокатуры, которая бы разрешила существующие в настоящее время проблемы, в частности, и в практике сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката путем создания электронной рабочей среды в адвокатской корпорации.

Однако, внедряя АИАС «Адвокатура», необходимо позаботиться и о том, чтобы не произошло «выпячивание собственно внешней, условно говоря, технологической стороны жизни современного общества, когда видимость претендует на место сущности, а формальная исполнительная функция отрывается от содержания и вообще от какого-либо смысла» [2, с. 6]. Именно поэтому считаю, что введение автоматизированной системы аттестации возможно только на первом этапе сдачи квалификационного экзамена, т. е. при компьютерном тестировании. Это связано с тем, что, во-первых, при тестировании проверяются знания претендентами положений Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003), то есть проверяется знаниевый компонент. И, во-вторых, тестовые задания можно разместить на общей платформе, а проходящий этот тест претендент на присвоение статуса адвоката сможет подключиться к этой платформе из палаты субъекта любого региона. Таким образом будет стандартизирована система проверки и оценки знаний претендентов на приобретение статуса адвоката.

Вторую, а именно устную, часть экзамена автоматизировать, по моему мнению, нецелесообразно, так как квалификационная комиссия не только проверяет компетентностно-ориентированные знания претендента, но и оценивает его морально-этические установки, нравственные ценности. Кодекс профессиональной этики адвоката в ст. 1 «устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры», что особенно важно в настоящее время, так как «когда адвокат по значимости оказывается на уровне врача, нравственность зачастую излишне формализуется, превращаясь в элементарный этикет или набор деклараций» [2, с. 78]. Именно поэтому устная часть квалификационного экзамена, считаю, не может быть и не должна быть автоматизирована.

Таким образом, в настоящее время в связи с принятием Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р в целях реализации стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, можно говорить о начале следующего этапа развития адвокатуры – информационной (цифровой) адвокатуре, в ходе которого, безусловно, будет меняться процедура сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката.

Пристатейный библиографический список

1. Адвокатская деятельность / под общ. ред. канд. юрид. наук В.Н. Буробина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2005. С. 49.

2. Артемов В.М. Нравственность и право: учеб. пособ. М.: Проспект, 2018.

3. Буробин В.Н., Власов А.А. и др. Адвокатская деятельность: учеб.-практич. пособ. / ред. В.Н. Буробин. М.: Статут, 2005. С. 61.
4. Короткова П.Е. Охрана адвокатской тайны в России // Ученые труды Российской академии адвокатуры. 2008. № 6 (11). С 16–21.
5. Короткова П.Е. Становление, развитие и функционирование института адвокатской тайны (на примере России и ряда зарубежный стран): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 139.
6. Новак Д. Учитывать мнение корпорации // Адвокатская газета. 2019. № 5 (286). 1–15 марта. С. 2.
7. План работы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации на первое полугодие 2006 года // Вестник Федеральной палаты адвокатов. 2005. № 4. С. 7.
8. Поспелов О.В. Формы адвокатских образований: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 38–42.
9. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/EA0DE0B6D326BAD043258291004AD5F6/$FILE/469485-7_18052018_469485-7.PDF?OpenElement.
10. Организация адвокатуры в современных европейских государствах // Юридический вестник. Т. 6. № IX-XII. М.: Московское юридическое общество, 1890. С. 245.
11. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2005. С. 27.
12. Хаски Ю. Российская адвокатура и современное государство. М.: Российская академия наук, Институт государства и права, 1993. С. 36.

References (transliterated)

1. Advokatskaya deyatel`nost` / pod obshh. red. kand. yurid. nauk V.N. Burobina. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2005. S. 49.
2. Artemov V.M. Nravstvennost` i pravo: ucheb. posob. M.: Prospekt, 2018.
3. Burobin V.N., Vlasov A.A. i dr. Advokatskaya deyatel`nost`: ucheb.-praktich. posob. / red. V.N. Burobin. M.: Statut, 2005. S. 61.
4. Korotkova P.E. Oxrana advokatskoj tajny` v Rossii // Ucheny`e trudy` Rossijskoj akademii advokatury`. 2008. № 6 (11). S 16–21.
5. Korotkova P.E. Stanovlenie, razvitie i funkcionirovanie instituta advokatskoj tajny` (na primere Rossii i ryada zarubezhny`j stran): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. S. 139.
6. Novak D. Uchity`vat` mnenie korporacii // Advokatskaya gazeta. 2019. № 5 (286). 1–15 marta. S. 2.
7. Plan raboty` Federal`noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii na pervoe polugodie 2006 goda // Vestnik Federal`noj palaty` advokatov. 2005. № 4. S. 7.
8. Pospelov O.V. Formy` advokatskix obrazovanij: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. S. 38–42.
9. Poyasnitel`naya zapiska k proektu federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/EA0DE0B6D326BAD043258291004AD5F6/$FILE/469485-7_18052018_469485-7.PDF?OpenElement.
10. Organizaciya advokatury` v sovremenny`x evropejskix gosudarstvax // Yuridicheskij vestnik. T. 6. № IX-XII. M.: Moskovskoe yuridicheskoe obshhestvo, 1890. S. 245.
11. Steshenko L.A., Shamba T.M. Advokatura v Rossijskoj Federacii. 2-e izd., pererab. M.: Norma, 2005. S. 27.
12. Xaski Yu. Rossijskaya advokatura i sovremennoe gosudarstvo. M.: Rossijskaya akademiya nauk, Institut gosudarstva i prava, 1993. S. 36.

Проведем оценку имущества для любых целей:
✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования
Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером
Выполнение с учетом требований законодательства
Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *
*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)
Платинум
группа компаний
м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Аксёнов А.Н.

ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ, ИЛИ УКОЛ ИЗ ТЕНИ

Цель: Исследование проблем объективизации мнений, размещаемых об адвокатах в сети Интернет.

Методология: Использовались формально-юридический, сравнительно-правовой и аналитический методы.

Результаты: На основе собственного негативного опыта влияния на репутацию адвоката анонимных отзывов, размещаемых в сети Интернет, автор приходит к выводу о назревшей новеллизации законодательства, регулирующего рассматриваемые информационные вопросы.

Новизна/оригинальность/ценность: Актуальность статьи обусловлена предположениями введения единого авторизованного источника информационных ресурсов о деятельности адвокатов и адвокатского сообщества. По мнению автора, нормативно-правовая промульгация таких механизмов позволит объективизировать сведения, размещаемые про адвокатов в сети Интернет, одновременно повысив уровень цифровизации адвокатского сообщества, что соответствует современным глобальным трендам.

Ключевые слова: репутация адвоката, клевета, отзывы в Интернете.

Aksenov A.N.

OVERCOMING PREJUDICE, OR A SHOT FROM THE SHADOW

Purpose: To study the objectification of opinions placed on lawyers on the Internet.

Methodology: Formal legal, comparative legal and analytical methods were used.

Results: On the basis of his own negative experience of influencing the reputation of a lawyer of anonymous reviews posted on the Internet, the author comes to the conclusion that there has been a long-term update of the legislation regulating information issues.

Novelty/originality/value: The relevance of the article is due to the assumptions of the introduction of a single authorized source of information resources on the activities of lawyers and the lawyer community. According to the author, the regulatory and legal promulgation of such mechanisms will allow objectifying information posted about lawyers on the Internet, at the same time increasing the level of digitalization of the lawyer community, which corresponds to modern global trends.

Keywords: reputation as a lawyer, slander, reviews on the Internet.

…Интересный вы человек! Все у вас в порядке.
Удивительно, с таким счастьем – и на свободе
И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок

Много лет назад, на заре юридической карьеры, я искренне полагал, что залогом успеха моей деятельности является честное и профессиональное выполнение порученной работы. Пока ночами я бдел над исковыми заявлениями, а днями стаптывал обувь в беготне по судам, старшие коллеги внушали мне, юному, что важнейший талант, помогающий нашему брату снискать хлеб насущный, заключается в умении нравиться клиенту. Сегодня, когда за спиной двадцать лет практики, тысячи дел, миллионы ошибок, я понимаю, как они были правы!

Вы задумывались, как клиент выбирает нас, адвокатов? Что происходит в душе человека, когда он вручает свое будущее, свои надежды в руки профессионального юриста? Ведь А.Ф. Кони метко подметил, что у поверенного и доверителя складываются особые отношения, когда последний вынужден открывать защитнику тайники своей души [5, с. 24]. Получается, что выбор адвоката, как и работа последнего с клиентом, исключает взаимное равнодушие: доверитель должен иметь основания полагаться на своего защитника (представителя). Но что дает ему такую уверенность?

Если мне нужно определиться со строителем, дизайнером, портным, то я предпочту посмотреть их завершенные работы (портфолио). Это не сложно, ибо такой продукт материален. Примерно так же я выбираю изготовителя мебели и марку автомобиля. Если конечный результат совершенен, то, пожалуй, смутить меня может только откровенные алкоголизм или хамство исполнителя. Но когда речь идет о враче, аудиторе или консультанте, в расчет берется единственный критерий – репутация. Все потому, что грань, отделяющая качественную нематериальную услугу и «воздух», – чрезвычайно тонка. Мне важно, чтобы меня не обманули, особенно в тех вещах, о которых я имею весьма поверхностное представление. Не думаю, что в этом я сильно отличаюсь от других.

Сейчас, в эпоху повальной цифровизации, публичному человеку трудно скрыть свое истинное лицо. Его профессиональные достижения и

неудачи, семейные драмы и бытовые потасовки – все становится прозрачным. Согласитесь, успешный адвокат – фигура бесспорно публичная: судебные процессы, телеэфиры, преподавательская кафедра в вузе, научная трибуна [1, с. 58]. Этот перманентный рентген знаний, умений и качеств является лакмусовой бумагой для специалиста. Казалось бы, так день за днем, месяц за месяцем, год за годом зарабатывается репутация, столь необходимая адвокату и такая важная для клиента…

Однажды потенциальный доверитель поделился сомнениями о том, что нашел весьма неоднозначную информацию обо мне на интернет-ресурсе «Хуже.нет». Действительно, прочитав страницу, я убедился, что один персонаж с ником «Татьяна Ковалева» обличал меня как мошенника и проходимца ввиду того, что я цинично похитил у ее родственников три миллиона рублей, после чего не замедлил сбежать с допроса следователя; другой – «Андрей» – гневался, что я посадил его сына; третий – «Сергей V» – стыдил фактами из моей личной жизни и участием в телешоу; четвертый – «Елена» – формулировал конспирологические теории, зачем-то упоминая моего усопшего отца. Вперемешку с такими отзывами были и кардинально противоположные мнения. Однако ровным счетом ни одного высказывания я не смог соотнести с реальными людьми и ситуациями, так как отсутствовали даты, события, фамилии, названия судов, государственных органов и т. п. Получается, что обсуждение моей скромной персоны происходило в отрыве от каких-то конкретных уголовных дел, хозяйственных споров, переговорных процессов. Некоторые ссылки, якобы подтверждающие мои злодеяния, почему-то касались совершенно неподходящих событий, например очередного дня рождения В.В. Путина.

Сколько ни силился, я не мог вспомнить доверителей по имени Татьяна Ковалева, равно как и тех, чьих сыновей я посадил (вероятно, в тюрьму), от кого я мог бы слышать такие претензии. Все эти ники были без подписи, без обратной связи, а их профили в этой социальной сети свидетельствовали, что кроме отзыва об адвокате Аксёнове никаких других комментариев за ними не числится. Настоящий укол из тени. Удар по репутации без права на ответ.

Возможно, я попытался бы выяснить этот вопрос с администрацией сайта, однако… Да, сведений для обратной связи (организация, руководитель, адрес, телефон) там тоже не было. Единственное, что мне пришло на ум в этой ситуации, так это оставить свой отзыв: «Уважаемые посетители! Я внимательно прочитал отзывы. Спасибо за хорошие мнения, был рад помочь. Удивлен негативным откликам и, честно говоря, не очень понимаю, о каких событиях идёт речь. В случае если моя деятельность принесла кому-то проблемы, осложнила жизнь, предлагаю связаться со мной напрямую по указанным ниже координатам. Готов к разговору, даже могу помочь составить вам жалобу на себя. P.S. Про мое «грязное белье»: да, я не ангел, и в моей жизни бывают суды, ссоры и склоки. У вас их нет? С уважением, адвокат Алексей Аксёнов».

Отмечу главное, описанные факты вполне себе тянули на составы тяжких преступлений, за которые меня давно надо было бы упечь в места не столь отдаленные, лишить статуса и завалить исковыми заявлениями. Однако ни уголовных дел, ни материалов проверок, ни дисциплинарных производств по мою душу не возбуждалось. Ерунда какая-то, но всегда вдвойне тяжелее оправдываться за то, чего не совершал.

Мои коллеги, узнав об этой ситуации, лишь махали рукой, сетуя на свой горький опыт. Одни показывали аналогичные отзывы про себя, другие ссылались на источники, где, например, известнейшего адвоката обвиняли в бесчестии и педикулезе [6], третьи – начинали рассказывать, какие сплетни окружают их многие годы. Меня же терзал вопрос, кому нужно было трепать моё имя? Ответ подсказали древние: is fecit cui prodest! Как сказал классик: москвичей испортил квартирный вопрос.

Однако почему же в анонимных отзывах все так ужасно? Настолько, что в их правдивости усомнится любой профессионал. Вам знакомо расхожее выражение, приписываемое известному «филантропу» Адольфу Гитлеру: «Чем страшнее ложь, тем в нее охотнее верят»? А как читатель относится к русской пословице «Дыма без огня не бывает»? Людям нравятся яркие, сочные образы. Если злодей, то ужасный, если герой, то без страха и упрека. А если уж люди говорят, то это явно не без причины. Этнокультура, однако.

Как и любой человек, адвокат не херувим. Например, моя биография отмечена разными поступками, в том числе такими, за которые я испытываю угрызения совести. Возвращаясь в памяти к некоторым событиям, хочется изменить течение времени и все исправить. Это жизнь человека, состоящая из заблуждений, моментов озарения и раскаяния. Тот, кто не пробует учиться на чужих ошибках, учится на своих. Это касается и профессионального становления. С годами набитые «шишки» перерастают в опыт, оттачивают навыки, обостряют интуицию. Кто не ошибается? На-

верное, тот, кто не живет. Но это не означает, что адвокат, который изменил жене или поссорился с соседом, – нечистый на руку подлец.

Насколько важно клиенту «грязное белье» адвоката? Крупный проект предполагает тщательный отбор его участников. И адвокат, как главная фигура, по своим профессиональными и личностным качествам должен вполне соответствовать представлениям доверителя. Не уверен, что вместо изучения статистики и специализации юриста серьезный заказчик погрузится в чтение анонимных опусов, однако ведь он имеет право знать, с кем будет работать. Если не доверять таким отзывам, на что опираться в своем выборе?

Очевидно, что до настоящего времени в России нет единого авторитетного источника, способного осветить персону того или иного адвоката светом истины. Большинство моих коллег даже не задумываются о персональном сайте как инструменте, помогающем раскрыть свою личность для клиента. Собственный интернет-ресурс уже не только и не столько реклама. Движение общества в сторону цивилизации обуславливает «выход из тени» как адвокатов, так и тех, кто высказывает свое мнение об их работе, человеческих качествах и прочих деталях, способных повлиять на клиентский выбор. На наш взгляд, такую задачу вполне может решить открытие специального раздела отзывов на официальном интернет-портале Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Такой вариант позволит решить целый ряд задач:

1) деанонимизацию «рецензентов»;

2) обеспечение обратной связи с адвокатом и адвокатским сообществом;

3) объективизацию содержания отзывов;

4) организацию рейтинговых показателей работы адвокатов, исходя из комплексной оценки результатов их деятельности [7, с. 40].

Представляется, что сайт Федеральной палаты адвокатов будет единственным уважаемым источником информации об адвокатах. С одной стороны, это повысит авторитет адвокатуры в целом, с другой – позволит оперативно реагировать на нарушения, допускаемые отдельными представителями сообщества, а также защищать самих адвокатов от необоснованных нападок (клеветы) [2, с. 70].

Базой нормативной новеллизации должны стать дополнения в ст. 35 Федерального закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, а также ст. 51.1 Устава Федеральной палаты адвокатов, закрепляющие, что Федеральная палата адвокатов имеет свой интернет-сайт, обеспечивающий предоставление официальной информации о деятельности адвокатов и адвокатских сообществ; содействие физическим и юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов. Такое законодательное решение потребует разработки и принятия соответствующего положения об официальном интернет-сайте Федеральной палаты адвокатов, предусматривающего раздел «Личные страницы адвокатов», содержащий вкладку «Отзывы». Так же, как на сайте государственных услуг, пройдя предварительную верификацию личности, гражданин сможет не только выбрать себе представителя в режиме online, но и ознакомиться с личностью конкретного адвоката, его практикой, оставить о нем отзыв. Думается, что с внедрением таких технологий ведение персональных страничек адвокатами станет неотъемлемой частью корпоративной культуры, способствующей повышению информационной открытости адвокатского сообщества.

В целом предполагаемая концепция соответствует объективно развивающимся трендам информационного общества, актуализируя гарантированную высшим политическим руководством страны надежную защиту общественной и личной жизни, интересов гражданина (в том числе адвоката), общества и государства в условиях нарастающей цифровизации [3].

Пристатейный библиографический список

1. Аксенов А.Н. Досудебное сотрудничество по уголовному делу: возможна ли обратная сила закона? // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 58–61.

2. Быков А.В., Токмаков А.А. Уголовно-правовая защита адвоката: необходимы новации // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 68–71.

3. Владимир Путин. Выступление на международной конференции «Вперед в будущее: роль и место России» 10 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru.

4. Золотой теленок: роман // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

5. Кони А.Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. М.: Изд-во СГУ, 2000.

6. Меркачева Е. Адвоката Добровинского беспокоят лобковые вши. Кодекс бесчестия [Электронный ресурс]. URL://https://www.mk.ru/social/2018/09/17/advokata-dobrovinskogo-bespokoyat-lobkovye-vshi.html.

7. Рагулин А.В., Рагулина И.Т. Замечания по проекту стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2017. №1 (26). С. 39–41.

References (transliterated)

1. Aksenov A.N. Dosudebnoe sotrudnichestvo po ugolovnomu delu: vozmozhna li obratnaya sila zakona? // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 1. S. 58–61.
2. By`kov A.V., Tokmakov A.A. Ugolovno-pravovaya zashhita advokata: neobxodimy` novacii // Evrazijskaya advokatura. 2017. № 1 (26). S. 68–71.
3. Vladimir Putin. Vy`stuplenie na mezhdunarodnoj konferencii «Vpered v budushhee: rol` i mesto Rossii» 10 noyabrya 2016 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.kremlin.ru.
4. Zolotoj telenok: roman // Il`f I., Petrov E. Sobr. soch.: v 5 t. T. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1961.
5. Koni A.F. Ugolovny`j process: nravstvenny`e nachala. M.: Izd-vo SGU, 2000.
6. Merkacheva E. Advokata Dobrovinskogo bespokoyat lobkovy`e vshi. Kodeks beschestiya [E`lektronny`j resurs]. URL:://https://www.mk.ru/social/2018/09/17/advokata-dobrovinskogo-bespokoyat-lobkovye-vshi.html.
7. Ragulin A.V., Ragulina I.T. Zamechaniya po proektu standarta osushhestvleniya advokatom zashhity` v ugolovnom sudoproizvodstve // Evrazijskaya advokatura. 2017. №1 (26). S. 39–41.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru e-mail: info@eurasniipp.ru Тел: +7-917-40-61-340

Авдеева Е.В., Тамаев Р.С.

ЗАЛОГ В МЕХАНИЗМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Цель: Исследование особенностей применения залога в качестве меры пресечения на основании обобщения материалов судебной практики и научных позиций специалистов в области уголовного процесса.

Методология: Использовались общие, специальные и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, системно-структурный, метод конкретно-социологического анализа материалов уголовных дел и другие).

Результаты: В статье рассматриваются процессуальные вопросы применения залога в качестве меры пресечения, особенности замены залогом более строгих мер пресечения, последствия нарушения обязательств в период действия залога в качестве меры пресечения.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью и несет в себе существенную практическую значимость. Положения, содержащиеся в материалах статьи, могут быть использованы при совершенствовании действующего уголовного законодательства РФ, при разработке новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в процессе применения залога в качестве меры пресечения.

Ключевые слова: залог как мера пресечения, обращение залога в доход государства, нарушение залоговых обязательств.

Avdeeva E.V., Tamaev R.S.

BAIL IN THE MECHANISM OF REGULATING CRIMINAL PROCEDURE RELATIONS

Purpose: To study the characteristics of the use of the bail as a preventive measure on the basis of generalization of materials of judicial practice and scientific positions of specialists in the field of criminal proceedings.

Methodology: General and special methods of research were used (comparative and system approaches, sociological analysis of materials of criminal cases, and others).

Results: The article discusses the procedural issues of the use of the bail as a preventive measure, the specifics of replacing it with more stringent preventive measures, the consequences of violation of obligations during the period of bail as a preventive measure.

Novelty/originality/value: The paper has a high scientific value and carries significant practical significance. The provisions of the paper can be used to improve the current criminal legislation of the Russian Federation, to develop new explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as in the process of applying the bail as a preventive measure.

Keywords: bail as a preventive measure, appeal of pledge to state income, violation of pledge obligations.

Правовое регулирование института залога в уголовно-процессуальном праве на современном этапе представляет повышенный интерес как для законодателя, так и лиц, обеспечивающих непосредственно его реализацию на правоприменительном уровне. Более того, реализация залога в рамках уголовно-процессуальных отношений затрагивает права и интересы человека, гарантируемые государством с учетом принципов и норм международного права [2].

По данным официальной статистики в первом полугодии 2018 г. было заявлено 76 ходатайств о применении меры пресечения в виде залога, из них удовлетворению подлежало 70, или 92 %. Примечательно, что в апелляционном порядке было рассмотрено 135 ходатайств. 35 из них связаны с пересмотром постановлений суда, вынесшего решение о назначении меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей), и преследуют цель замены назначенной меры пресечения на залог.

Правовое обеспечение реализации института залога в уголовно-процессуальном праве основано на международном праве, в частности на нормах Международного пакта о гражданских и политических правах и Римской конвенции. Нормы международного права констатируют регламентацию института залога в национальном праве, исходя из права каждого обвиняемого или подозреваемого на меру пресечения – освобождение под залог, за исключением случаев, когда суд с учетом строго установленного перечня оснований призван при наличии существенных и достаточных причин вынести решение о заключении под стражу, аресте подозреваемого или обвиняемого.

Значимость реализации института залога на правоприменительном уровне состоит в том, что залог выступает принудительной мерой пресечения. Вместе с тем залог как мера пресечения обеспечивает достижение цели, направленной на содействие должному поведению обвиняемого или подозреваемого, не нанося ущерб как личным его правам, так и интересам государства по своевре-

менному осуществлению производства по уголовному делу.

Институциональная сущность залога в уголовно-процессуальном праве предусматривает налагаемые судом в отношении обвиняемого (подозреваемого) ограничения, сопряженные с изъятием у него имущества, находящегося в собственности, на безвозмездной основе. Данная процедура предусмотрена законом за совершение уголовно-процессуального правонарушения, в том числе в случае несоблюдения обвиняемым или подозреваемым установленной законом обязанности, связанной с явкой в орган предварительного расследования или суд. Следовательно, сущность залога инспирирует конфискацию, а именно передачу предмета залога в силу совершенного процессуального нарушения в пользу государства. Правовая природа залога в уголовно-процессуальном праве заключается в создании гарантий обеспечения своевременной явки обвиняемого ввиду имеющейся угрозы отчуждения принадлежащего ему имущества.

В научных кругах ведется активная дискуссия относительно соотношения критериев оценки института залога с учетом норм уголовно-процессуального и гражданского права. В этой связи стоит отметить, что сущность залога в гражданском праве на основании ст. 124, 125 ГК РФ предполагает специфику субъектного состава договорных правоотношений, включающего с учетом равенства правового статуса граждан, юридические лица, органы государственной и муниципальной власти в пределах вверенной им компетенции. Гражданско-правовое регулирование залога предполагает право залогодержателя, принимая во внимание обеспеченность обязательства залогом, истребовать и удержать у должника в случае неисполнения им взятого на себя обязательства из стоимости заложенного имущества. Залог в гражданско-правовых отношениях может как носить договорной характер, так и иметь место на основании закона при наступлении предусмотренных в нем обстоятельств.

Регламентация залога в договорном праве предполагает право залогодержателя возыметь удовлетворение из страхового возмещения за утрату или повреждение заложенного имущества независимо от того, в чью пользу оно застраховано, если только утрата или повреждение не произошли по причинам, за которые залогодержатель отвечает (ч. 1, 3 ст. 334 ГК РФ). При этом предметом гражданско-правового залога не является имущество, изъятое из оборота (ч. 1 ст. 336 ГК РФ). Гражданско-правовой залог предполагает порядок возмещения расходов залогодержателя на содержание заложенной вещи и расходов по взысканию (ст. 337 РФ ГК) [3].

Однако гражданско-правовые основы института залога подлежат избирательному применению в уголовно-процессуальных правоотношениях. Уголовно-процессуальные правоотношения в отличие гражданско-правовых носят публичный характер [1]. Суд, реализуя право на избрание меры пресечения, обладает публично-властными полномочиями, позволяющими в принудительном порядке ограничивать права обвиняемого (подозреваемого). Вместе с тем реализация института залога в уголовном процессе предполагает применение данной меры пресечения с учетом добровольного волеизъявления обвиняемого (подозреваемого). В результате в рамках публичных правоотношений, носящих преимущественно императивный характер, в ходе реализации залога применяется диспозитивный метод правового регулирования. Таким образом, залог в уголовно-процессуальном праве отличается от гражданско-правового залога порядком применения с учетом характера волеизъявления участников правоотношений [6].

Примером обращения с жалобой на нарушение порядка взыскания залога как меры пресечения служат материалы уголовного дела Е.Г. Ковалевича. Обвинительный приговор в отношении Е.Г. Ковалевича был вынесен 27 декабря 2011 года Псковским областным судом. Последний подлежал осуждению по п. б ч. 3 ст. 291.1 УК РФ к 6 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 50 тыс. рублей, с лишением права заниматься определенной деятельностью сроком на два года. Как показало изучение материалов уголовного дела, избранная ранее мера пресечения в виде содержания под стражей на основании постановления Псковского городского суда от 6 апреля 2011 года была изменена на залог. Однако Е.Г. Ковалевич в судебное заседание 27 декабря 2011 года на оглашение приговора не явился. Тем самым им были нарушены принятые на себя обязательства в период действия залога в качестве меры пресечения. При этом не были представлены уважительные причины неявки. Это послужило объявлению его в федеральный и международный розыск. Учитывая данные обстоятельства, суд первой инстанции пришел к выводу об обращении залога в доход государства. Судебная коллегия оснований для отмены судебного решения и удовлетворения доводов кассационной жалобы не усмотрела.

Изучение материалов в рамках правореализационной деятельности суда демонстрирует ряд иных проблем, детерминирующих отмену приговоров суда. Наибольшей распространенностью характеризуются случаи обжалования судебных решений, связанные с нарушением прав залогодателей. Рассматривая цели, преследуемые при назначении судом залога как меры пресечения, необходимо подчеркнуть правовые основы обеспечения в порядке ч. 1 ст. 106 УПК РФ явки обвиняемого (подозреваемого) к следователю или в суд, сопряженного с предотвращением совершения новых преступлений. Детализация данных положений дана в материалах судебной практики Верховного Суда РФ. При внесении залога обязательному разъяснению залогодателю подлежат его обязанности, которые состоят в обеспечении залога непосредственно своим имуществом или иными ценностями. Что касается свободы волеизъявления лица и предмета при выборе меры пресечения в виде залога, то можно обратить внимание на положения, отраженные в Постановлении Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» [4].

Права залогодателя предусматривают недопустимость использования залога по гражданскому иску в целях возмещения ущерба. Залог используется для покрытия по уголовному делу процессуальных издержек. Более того, залог не подлежит использованию для обеспечения иных имущественных взысканий. При этом возложенные на залогодателя в уголовном процессе обязательства, связанные с избранием данной меры пресечения, считаются невыполненными, если обвиняемый (подозреваемый): 1) уклонился от явки по вызову следователя или суда; 2) воспрепятствовал производству по уголовному делу другим способом; 3) совершил новое преступление. Предложенная Верховным Судом детализация уголовно-процессуальной нормы позволила применить расширительное толкование, когда залог подлежит обращению в доход государства при наличии каких-либо иных действий со стороны обвиняемого (подозреваемого), квалифицируемых как воспрепятствование производству по уголовному делу, несмотря на то, что разъяснение данных обязательств не было осуществлено [3].

Например, судом в отношении Д.Б. Кузнецова в ходе предварительного расследования была избрана мера пресечения в виде залога, который в установленном судом размере был внесен его матерью К. в качестве залогодателя. Однако Д.Б. Кузнецов не явился в судебное заседание, назначенное для оглашения приговора. В результате, ввиду того, что он скрылся от суда, Д.Б. Кузнецов был объявлен в розыск, данная мера пресечения была при постановлении приговора изменена на содержание под стражей, а залоговая сумма обращена в доход государства. Данные действия были обжалованы в кассационном порядке адвокатом, указывающим на нарушение органами расследования и судом прав матери К. как залогодателя. В ходе рассмотрения материалов уголовного дела кассационная жалоба подлежала удовлетворению, решение суда об обращении залоговой суммы в доход государства признано незаконным и необоснованным. В результате постановление суда в части обращения залоговой суммы в доход государства подлежало отмене, уголовное дело было направлено на новое рассмотрение. При этом суду надлежало разрешить вопрос о залоговой сумме, исходя из предписаний ч. 5, 6 ст. 106 УПК РФ [7].

Следует иметь в виду, что на основании ч. 6 ст. 106 УПК РФ в случаях, когда залог вносится лицом, не имеющим статус подозреваемого либо обвиняемого, суд обязан разъяснить: 1) основания избрания данной меры пресечения; 2) обязательства, возлагаемые в связи с избранием меры пресечения; 3) последствия, возникающие при нарушении данных обязательств. Данные разъяснения должны быть отражены в материалах уголовного дела. В ходе рассмотрения жалобы было установлено, что суд при обращении залоговой суммы в доход государства не исследовал вопросы: 1) касающиеся наличия протокола, подтверждающего соблюдение порядка принятия у К. залога согласно ч. 5 ст. 106 УПК РФ; 2) разъяснения К. в соответствии с ч. 6 ст. 106 УПК РФ существа предъявленного Д.В. Кузнецову обвинения; 3) разъяснения вида и характера взятых ею на себя обязательств, предусматривающих обеспечение поведения обвиняемого с учетом избранной меры пресечения; 4) разъяснения последствий в случае неисполнения взятых ею обязательств, в том числе регламентированных ч. 9 ст. 106 УПК РФ.

Следующим распространенным в судебной практике нарушением являются решения суда, связанные с возвратом залога. В качестве примера можно привести обвинительный приговор суда первой инстанции, вынесенный в отношении Е.А. Масалова [8]. Согласно приговору Е.А. Масалову было назначено дополнительное наказание в виде штрафа. Для исполнения назначенного ему штрафа часть залоговой суммы в размере

100 тыс. рублей подлежала взысканию. Таким образом, подсудимому Е.А. Масалову по решению суда была возвращена оставшаяся сумма залога. Решением Верховного Суда было установлено нарушение судом первой инстанции порядка обращения залоговой суммы в доход государства. В частности, было указано, что целью залога является содействие в соответствии со ст. 106 УПК РФ явке подозреваемого (обвиняемого) к дознавателю, следователю или в суд, в том числе предупреждению совершения им новых преступлений. Согласно данной норме обращение залоговой суммы в доход государства допустимо лишь при установлении факта уклонения подозреваемого (обвиняемого) от явки в обозначенные выше органы. В этой связи взыскание судом первой инстанции наказания в виде штрафа за счет денежных средств, внесенных в качестве залога, было признано незаконным. Решением Верховного Суда также было выявлено второе нарушение. При вынесении приговора (определения, постановления о прекращении уголовного дела) суд первой инстанции обязан был в порядке ч. 5 ст. 106 УПК РФ рассмотреть вопрос о возвращении залога залогодателю. Наряду с этим в порядке ст. 106, 118 УПК РФ возвращение залоговой суммы производится непосредственно залогодателю. Анализ материалов уголовного дела показал, что залоговая сумма была внесена за Е.А. Масалова иным лицом – Х (т. 46, л.д. 241–246).

Таким образом, суд, не определив фактическую принадлежность суммы залога, оставшуюся залоговую сумму в нарушение ч. 5 ст. 106 УПК РФ на основании вынесенного приговора вернул не залогодателю, а осужденному Е.А. Масалову. В результате суд первой инстанции взыскал штраф как дополнительное уголовное наказание с лица, не признанного виновным в совершении данного преступления. Одновременно с нарушением ч. 2 ст. 6 УПК РФ были допущены грубые нарушения в отношении принципов уголовного закона, регламентированных ст. 3, 5, 6 УК РФ. На основании вышеуказанных обстоятельств решение суда первой инстанции, касающееся взыскания суммы залога в размере 100 тыс. рублей с Е.А. Масалова в качестве дополнительного наказания в виде штрафа, а также возвращения ему оставшейся залоговой суммы, подлежало отмене. Уголовное дело в соответствии с ч. 5 ст. 106 УПК РФ для решения вопроса о возврате залога залогодателю было направлено на новое судебное рассмотрение.

Подобное решение было вынесено Верховным Судом РФ по уголовному делу А.А. Блинова. Констатировалось изменение приговора суда первой инстанции в части возврата осужденному А.А. Блинову залога ввиду того, что, как следует из протокола о принятии залога, залогодателем выступила И. Приняв данные обстоятельства во внимание, Верховный Суд РФ на основании ч. 5 ст. 106 УПК РФ указал на возвращение залога залогодателю [5].

В заключение стоит сказать, что в соответствии со ст. 106 УПК РФ залог состоит во внесении подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения новых преступлений.

Суд первой инстанции, удовлетворяя ходатайство об избрании меры пресечения в виде залога или замене им более строгой меры пресечения, в большинстве случаев апеллирует такими фактами, как признание вины подозреваемым (обвиняемым) и содействие расследованию преступления, а также учитывает состояние здоровья, в частности наличие хронического заболевания, обострение которого в условиях следственного изолятора может привести к тяжким последствиям.

Существенное значение при выборе залога как меры пресечения имеют категория тяжести преступления и наличие у обвиняемого (подозреваемого) судимости. Достаточными гарантиями для обеспечения интересов уголовного судопроизводства и явки подозреваемого (обвиняемого) в следственные органы и в суд преимущественно является совокупность таких факторов, как наличие гражданства РФ, постоянного места жительства, регистрации на территории РФ и несовершеннолетних детей. Также необходимо в соответствии с ч. 8 ст. 106 УПК РФ учитывать, что, если внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога. В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом, залог обращается в доход государства по судебному решению, выносимому на основании ст. 118 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Новые тенденции уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 2–4.
2. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Противодействие коррупционной преступности в РФ в контексте имплементации норм международного права // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 135–139.
3. Ахтарьянов А. Цели применения залога как меры пресечения в уголовном процессе // Аллея науки. 2018. Т. 8. № 5. С. 957–977.
4. Новикова О.В. Проблемы применения меры пресечения в виде залога в уголовном процессе // Вестник Юридического института МИИТ. 2018. № 1(21). С. 82–86.
5. Определение Верховного Суда № 89-О08-88 от 30.01.2009, Судебная коллегия по уголовным делам, кассация [Электронный ресурс]. URL: http: cdep.ru.
6. Постановление № 22-1180/2018 22К-1180/2018 3/1-25/2018 от 8 августа 2018 г. по делу № 22-1180/2018 [Электронный ресурс]. URL: http: cdep.ru.
7. Решение Верховного Суда: Определение № 50-О12-37, Судебная коллегия по уголовным делам, кассация [Электронный ресурс]. URL: http: cdep.ru.
8. Решение Верховного Суда: Определение № 9-Д09-25, Судебная коллегия по уголовным делам, надзор [Электронный ресурс]. URL: http: cdep.ru.

References (transliterated)

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Novy`e tendencii ugolovno-pravovoj politiki RF v sfere protivodejstviya prestupleniyam korrupcionnoj napravlennosti // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 5. S. 2–4.
2. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Protivodejstvie korrupcionnoj prestupnosti v RF v kontekste implementacii norm mezhdunarodnogo prava // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2016. № 3. S. 135–139.
3. Axtar`yanov A. Celi primeneniya zaloga kak mery` presecheniya v ugolovnom processe // Alleya nauki. 2018. T. 8. № 5. S. 957–977.
4. Novikova O.V. Problemy` primeneniya mery` presecheniya v vide zaloga v ugolovnom processe // Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT. 2018. № 1(21). S. 82–86.
5. Opredelenie Verxovnogo Suda № 89-O08-88 ot 30.01.2009, Sudebnaya kollegiya po ugolovny`m delam, kassaciya [E`lektronny`j resurs]. URL: http: cdep.ru.
6. Postanovlenie № 22-1180/2018 22K-1180/2018 3/1-25/2018 ot 8 avgusta 2018 g. po delu № 22-1180/2018 [E`lektronny`j resurs]. URL: http: cdep.ru.
7. Reshenie Verxovnogo Suda: Opredelenie № 50-O12-37, Sudebnaya kollegiya po ugolovny`m delam, kassaciya [E`lektronny`j resurs]. URL: http: cdep.ru.
8. Reshenie Verxovnogo Suda: Opredelenie № 9-D09-25, Sudebnaya kollegiya po ugolovny`m delam, nadzor [E`lektronny`j resurs]. URL: http: cdep.ru.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Багишев О.А.

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПРИВАТИЗАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Цель: Анализ существующих проблем правоприменительной практики в сфере приватизации служебных жилых помещений, обозначение проблем правоприменительной практики в сфере приватизации служебных жилых помещений и предложение возможных путей их решения.

Методология: Применялись анализ, синтез и научная абстракция. В качестве объекта исследования в статье выбраны условия приватизации служебных жилых помещений в муниципальных образованиях г. Тула и г. Челябинск.

Результаты: На основании анализа судебной практики выявлены способные привести к ущемлению законных прав граждан недостатки в установленных муниципальными образованиями условиях приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности данных муниципалитетов, предложены возможные пути устранения таких недостатков.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает определенной научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть проведение приватизации служебных жилых помещений в различных муниципальных образованиях.

Ключевые слова: приватизация, служебные жилые помещения, условия приватизации, судебная практика.

Bagischev O.A.

ANALYSIS OF REGIONAL PROBLEMS OF PRIVATIZATION OF SERVICE HOUSING

Purpose: To analyze the existing problems of law enforcement practice in the field of privatization of service housing, identify the problems of law enforcement practice in the field of privatization of service housing and offer possible solutions.

Methodology: Analysis, synthesis and scientific abstraction were applied in this study. As an object of research in the paper the conditions of privatization of office premises in municipalities of Tula and Chelyabinsk are chosen.

Results: Based on the analysis of judicial practice, the author identifies the shortcomings in the conditions of privatization of service housing owned by these municipalities, which can lead to infringement of the legal rights of citizens, and suggests possible ways to eliminate such shortcomings.

Novelty/originality/value: The paper has a certain scientific value, as it is one of the first attempts to analyze the privatization of service housing in various municipalities.

Keywords: privatization, office premises, conditions of privatization, judicial practice.

В соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, Законом Российской Федерации от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», на основании действующего Устава муниципалитета представительным органом соответствующего муниципального образования может быть принято решение о возможности приватизации служебного жилья, находящегося в муниципальной собственности, путем утверждения Порядка приватизации таких служебных жилых помещений. Данный документ призван установить четкий набор условий, требований и последовательность действий, позволяющих приватизировать муниципальное служебное жилье, устанавливает конкретный порядок такой приватизации и призван, с одной стороны, обеспечить возможность реализации права граждан на однократную бесплатную приватизацию жилья, с другой – таким образом отрегулировать порядок приватизации служебного жилищного фонда, чтобы он в итоге не был полностью утрачен муниципальным образованием.

Далее проведем сравнительный анализ условий приватизации служебных жилых помещений на примере муниципальных образований город Тула и город Челябинск.

Действующее законодательство позволяет муниципалитетам самостоятельно устанавливать условия приватизации служебного жилья, единые, типовые требования в федеральном законодательстве отсутствуют, сводясь лишь к общему правилу соблюдения законных интересов сторон.

Среди вышеперечисленных условий реализации права на приватизацию служебного жилого помещения в муниципальных образованиях г. Тула и г. Челябинск большой интерес с точки зрения судебной практики вызывает следующее условие Порядка приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования города Тулы: «Наниматели служебного жилого помещения и

члены их семьи, которые в период проживания в служебном жилом помещении не совершали гражданско-правовых сделок с жилыми помещениями, совершение которых привело к их отчуждению» [1].

Данная формулировка не является однозначной и, в частности, привела к судебному спору вследствие того, что, по мнению суда, может иметь небуквальное прочтение и понимание. Позиция Судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда в Апелляционном определении от 15.06.2017 по делу № 33-1963 изложена следующим образом: «Из совокупности условий, дающих право на приватизацию служебного жилого помещения, усматривается, что служебное жилье может быть передано в собственность нанимателю, не обеспеченному иным жилым помещением и не совершившему действий по ухудшению своих жилищных условий». При этом в самом Порядке приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования город Тула, требования по несовершению действий, приведших к ухудшению жилищных условий, ограничены лишь требованиями не совершать гражданско-правовые сделки с любым жильем, находящимся в собственности нанимателя служебного жилья в период проживания в нем.

Таблица 1

Анализ условий приватизации служебных жилых помещений на примере муниципальных образований г. Тула и г. Челябинск

№ п/п	Наименование муниципального образования	Порядок приватизации служебных жилых помещений	Условия реализации права на приватизацию
1	г. Тула	Порядок приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования города Тулы, утвержденный Решением Тульской городской Думы от 23.10.2013 № 66/1513 [1]	Правом приватизации служебного жилья обладают: 1) наниматели служебного жилого помещения и члены их семьи, ранее не реализовавшие право на однократную бесплатную приватизацию жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда; 2) наниматели служебного жилого помещения и члены их семьи, у которых отсутствуют другие жилые помещения на праве собственности или ином праве; 3) наниматели служебного жилого помещения и члены их семьи, которые в период проживания в служебном жилом помещении не совершали гражданско-правовых сделок с жилыми помещениями, совершение которых привело к их отчуждению
2	г. Челябинск	Постановление от 12 июля 2013 года № 169-п Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Принятие решения о приватизации служебного жилого помещения муниципального жилищного фонда города Челябинска» [2]	Право приватизации служебного жилья возможно реализовать, если: 1) занимаемое служебное жилое помещение является для получателя муниципальной услуги и (или) членов его семьи единственным жилым помещением, расположенным на территории Российской Федерации; 2) получатель муниципальной услуги и (или) члены его семьи не являются нанимателями жилых помещений (членами семьи нанимателя жилого помещения) по договорам социального найма либо не являются собственниками (членами семьи собственника) жилых помещений или долей жилых помещений, расположенных на территории Российской Федерации; 3) получатель муниципальной услуги награжден по одному или нескольким основаниям Почетной грамотой Челябинской городской Думы за значительные успехи и заслуги в служебной и трудовой сферах либо Почетной грамотой Администрации города Челябинска за заслуги и достижения в муниципальном управлении, здравоохранении, культуре, спорте; за высокие профессиональные достижения, многолетний добросовестный труд, личный вклад в развитие города Челябинска

Таким образом, из Апелляционного определения Тульского областного суда от 15.06.2017 по делу № 33-1963 следует, что представительный орган муниципального образования, распространив требования ст. 53 Жилищного кодекса РФ «Последствия намеренного ухудшения гражданами своих жилищных условий» на нанимателя служебного жилого помещения в качестве условий для возможности приватизации занимаемого им служебного жилого помещения, собственник служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования город Тула, не прописал, что наниматель имеет право обратиться с заявлением о приватизации занимаемого им служебного жилого помещения через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий, что является нарушением ч. 2 ст. 209 ГК РФ, так как собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если только они не противоречат закону и иным правовым актам и если они не нарушают права и охраняемые законом интересы других лиц.

Кроме того, в вышеупомянутом Апелляционном определении суд указал на то, что утвержденный в городе Туле Порядок приватизации служебных жилых помещений, хотя и содержит в буквальном прочтении в качестве одного из условий приватизации служебного жилья лишь запрет на несовершение гражданско-правовых сделок с жильем, находящимся в собственности нанимателя служебного жилья в период проживания в нем, но, по факту, к условиям, препятствующим приватизации служебного жилья в г. Туле, следует также отнести и любые действия, фактически подменяющие такие гражданско-правовые сделки, причем круг упомянутых действий фактически не ограничен.

На основании проведенного выше анализа условий реализации права на приватизацию в му-

ниципальных образованиях г. Тула и г. Челябинск можно сказать, что, с точки зрения судебной практики, формулировки муниципального образования г. Челябинск являются более однозначными и четкими, чем в муниципальном образовании г. Тула. Тульский Порядок приватизации служебных жилых помещений дает возможность небуквального прочтения его требований и предъявления со стороны исполнителей дополнительных требований к получателю муниципальной услуги – приватизация служебных жилых помещений, что может, в свою очередь, привести к судам по Кодексу об административном судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список

1. Порядок приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования города Тулы, утвержденный Решением Тульской городской Думы от 23.10.2013 № 66/1513.
2. Постановление от 12 июля 2013 года № 169-п Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Принятие решения о приватизации служебного жилого помещения муниципального жилищного фонда города Челябинска».

References (transliterated)

1. Poryadok privatizacii sluzhebny`x zhily`x pomeshhenij, naxodyashhixsya v sobstvennosti municipal`nogo obrazovaniya goroda Tuly`, utverzhdenny`j Resheniem Tul`skoj gorodskoj Dumy` ot 23.10.2013 № 66/1513.
2. Postanovlenie ot 12 iyulya 2013 goda № 169-p Ob utverzhdenii administrativnogo reglamenta predostavleniya municipal`noj uslugi «Prinyatie resheniya o privatizacii sluzhebnogo zhilogo pomeshheniya municipal`nogo zhilishhnogo fonda goroda Chelyabinska».

RALA
RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION
РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ
亚洲俄罗斯律师协会
Phone: 7 495 211-4188
E-mail: info@rala.legal

Калюжный А.Н., Карпушкин О.С.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Цель: Исследовать институциональное закрепление свободы личности в правовой системе Российской Федерации.

Методология: Использовались методы системного анализа, сравнения, моделирования, комплексного подхода.

Результаты: Предложена классификация правовых актов в сфере провозглашения и закрепления права на свободу личности, обосновано содержание структуры каждой из классифицированных групп нормативных правовых актов. Исследовано содержание права на свободу личности, свободу передвижения и запрета принудительного труда в законодательстве России. Проведен анализ пределов ведения Российской Федерации и ее субъектов в вопросах обеспечения права на свободу личности. Выявлены проблемы действующих механизмов реализации положений анализируемых правовых актов.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью и практической значимостью, поскольку не только проводится анализ закрепления права на свободу личности в законодательстве страны, но и обосновываются проблемы его реализации.

Ключевые слова: свобода личности, международные правовые акты, законодательство России, свобода передвижения, принудительный труд, рабство, механизм реализации.

Kalyuzhnyi A.N., Karpushkin O.S.

CONSTITUTIONAL RIGHT TO INDIVIDUAL LIBERTY OF AND ITS REALIZATION IN THE LEGISLATION OF MODERN RUSSIA

Purpose: To analyze institutional consolidation of the right to individual liberty in the legal system of the Russian Federation.

Methodology: Systematic, comparative and ntegrated approaches were used, as well as method of modelling.

Results: A classification of legal acts in the sphere of proclaiming and securing the right to individual liberty is proposed and the structure of each of the classified groups of regulatory legal acts is substantiated. The content of the rights to individual liberty, to freedom of movement is analyzed, as well as the prohibition of forced labor in Russian legistlation. The analysis of the limits of the authority of the Russian Federation and its subjects in the issues of ensuring the right to individual liberty is carried out. The problems of the existing mechanisms for the implementation of the provisions of the analyzed legal acts are identified.

Novelty/originality/value: The article has scientific value and practical significance, since it carries out not only an analysis of the enshrining of the right to individual liberty in the country's legislation, but also substantiates the problems of its implementation.

Keywords: individual freedom, international legal acts, Russian legislation, freedom of movement, forced labor, slavery, implementation mechanism.

Изменения в социально-экономической жизни нашего общества, растущая безработица и понижение уровня социальной защищенности населения провоцируют появление неконтролируемых криминальных миграционных процессов, сопровождающихся похищениями людей, торговлей ими, незаконным лишением свободы и использованием их рабского труда. Активно используя происходящие в мире процессы, организованная международная преступность развила на территории СНГ и России интенсивную деятельность по вовлечению граждан в порнобизнес, проституцию, торговлю ими и их органами, обращению их в рабство.

Результативность борьбы с посягательствами на свободу личности зависит от правовой конструкции норм, предусматривающих особенности реализации и гарантированности права на свободу в законодательстве современной России, анализ положений которых позволил классифицировать их на следующие группы: а) международные нормативные правовые акты; б) Конституция РФ; в) отраслевое законодательство России; г) специализированное законодательство России.

Международно-правовая группа правовых актов представлена основополагающими положениями, закрепленными такими организациями, как Совет Европы, ООН и др.: Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 года и Конвенция Совета Европы о защите прав челове-

ка и основных свобод, нормы которых ратифицированы Российской Федерацией [3, с. 46–48].

Положения указанных правовых актов закрепляют всеобщие права и свободы личности: свободный труд, выбор места жительства, свободу передвижения, личную неприкосновенность и другие, запрещая работорговлю, принудительный и обязательный труд, рабство, произвольные аресты, задержания и т. д. [3, с. 46–48].

Ратифицировав указанные международные правовые акты, Российская Федерация взяла на себя обязательство создать механизмы обеспечения права на свободу личности и пресечения его незаконных нарушений, что нашло отражение в правовой системе страны, начиная с ее Основ – Конституции РФ, гарантирующей реализацию принципов и норм международного права и закрепляющей право каждого человека на свободу (ст. 22). Выступая субъектом официального толкования Основного закона, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении разъяснил содержание права на свободу, указав, что оно подразумевает возможность не подвергаться таким незаконным ограничениям, как: задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах без предусмотренных законом оснований, санкции суда, а также сверх установленных либо контролируемых сроков [6, с. 78].

Имплементация положений международного законодательства прослеживается и в гарантированности Конституцией РФ права свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, выезда за пределы страны и возвращения в нее (ст. 27), выступающих составляющими свободы личности [4, с. 14] и являющихся неотчуждаемыми, принадлежащими каждому от рождения [1, с. 21].

Многосторонним конституционным принципом, отражающим содержание права на свободу личности, выступают свобода труда и запрет принудительного труда (ст. 37) [2, с. 88], нарушения которых могут образовывать составы таких преступлений, посягающих на свободу личности, как использование рабского труда, торговля людьми, вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией [5, с. 21].

Вместе с тем имплементация основных принципов и норм международного права не свидетельствует об их реальном исполнении, требуя отлаженного механизма реализации исследуемых норм в объективной действительности, основой которого выступает регламентация разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами. Закрепив в п. «в» ст. 71 Конституции РФ правомочие исключительного ведения Российской Федерации по обеспечению и гарантированности прав и свобод личности, государство наделило субъекты нашей страны возможностью участия в обеспечении защиты прав и свобод личности (п. «б» ст. 72 Конституции РФ) [7, с. 121].

Таким образом, международно-правовое признание свободы личности обусловливает регламентацию Россией эффективных мер контроля за реализацией исследуемых положений по обеспечению свободы личности, обеспечивая пути противодействия ее незаконному ограничению и лишению.

Закрепив базовые ориентиры России в исследуемой сфере, положения Конституции РФ детализируются в нормах отраслевого законодательства, противодействуя ее незаконному ограничению или лишению. Систему отраслевых нормативно-правовых актов, регламентирующих и гарантирующих свободу личности, составляют документы, закрепляющие свободу труда, передвижения, устанавливающие порядок и условия задержания, заключения под стражу и лишения свободы.

Ведущим источником реализации права на свободу личности выступает Уголовно-процессуальный кодекс РФ, устанавливающий основания и условия задержания лица, заключения его под стражу, закрепляющий перечень субъектов данной деятельности и регламентирующий порядок ее производства. Составы преступных деяний, направленных на свободу личности, а также виды и размеры ограничения или лишения свободы, применяемые к ним, устанавливаются Уголовным кодексом РФ. Ограничение (лишение) права на свободу личности всегда выступает предметом прокурорского надзора и судебного контроля, требуя адекватности применения меры пресечения в виде заключения под стражу современному состоянию преступности в стране [3, с. 57].

Еще одним из правовых актов в данной сфере является Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», закрепляющий право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации (ст. 1), запрещая их незаконное ограничение или лишение [3, с. 56].

В число основополагающих отраслевых нормативно-правовых актов в анализируемой нами сфере входит и ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федера-

цию», устанавливающий порядок въезда и выезда из страны, а также запрещающий ограничение данных прав (ст. 2). Вместе с тем исследуемый источник устанавливает систему оснований, запрещающих въезд в Россию иностранных граждан или лиц без гражданства (ст. 27), а также ограничивающих право граждан нашей страны на выезд из страны (ст. 15) [8, с. 19].

Рассмотренные нормативные правовые акты имплементировали основополагающие принципы международных стандартов и детализировали положения Конституции РФ о свободе личности, а также установили перечень оснований для их ограничения и лишения, не подлежащий расширению.

Международные положения, запрещающие рабство, и провозглашенные гарантии свободного труда, закрепленные в Конституции РФ, детализируются в Трудовом кодексе РФ в качестве базовых принципов (ст. 2), закрепляя понятие «принудительный труд» и характеризуя его формы (ст. 4). Исследуемый правовой акт устанавливает правовой статус работодателя и работника (ст. 21–22) и закрепляет трудовые гарантии работников и ответственность сторон.

Изложенное свидетельствует, что система отраслевых нормативно-правовых актов детализирует право на свободу личности, гарантированное международными правовыми актами, уточняя понятийный аппарат в исследуемой сфере, устанавливая особенности реализации свободы личности и закрепляя перечень оснований для ограничения рассматриваемой свободы.

Закрепив основополагающие основы, система международных правовых норм, Конституции РФ и отраслевого законодательства конкретизирует специфику реализации права на свободу личности и противодействия ее незаконному ограничению или лишению в подзаконных нормативных правовых актах, составляющих специализированное законодательство России, по конкретным сферам ее осуществления.

Например, ратификация Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности обусловила для реализации ее положений принятие Указа Президента РФ № 1362 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, касающейся взаимной правовой помощи» [1, с. 22], закрепив за Генеральной прокуратурой РФ и Министерством юстиции РФ гарантии реализации правовой помощи по уголовным и гражданским делам и делам в сфере обеспечения свободы личности.

Указом Президента РФ № 977 от 17 июня 2008 г. «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации лиц без гражданства, состоявших в гражданстве СССР и проживающих в Латвийской Республике или Эстонской Республике» регулируются частные вопросы въезда и выезда из Российской Федерации отдельных категории лиц и т. п. [6, с. 132]. Тем самым специализированным законодательством детализируются особенности реализации права на свободу личности и конкретизируются особенности противодействия незаконному ограничению свободы личности.

Таким образом, анализ правовых основ регламентации права на свободу личности в законодательстве России свидетельствует, что система данных норм условно состоит из следующих групп: международные нормативно-правовые акты, Конституция РФ, отраслевое и специализированное законодательство России.

Конституционно-правовые нормы, закрепляющие свободу личности, являются основополагающим ядром не только установления и провозглашения права на свободу личности, но и гарантом обеспечения механизма реализации данного права. Эффективность функционирования и реализации права на свободу личности зависит от нормативной правовой основы, базирующейся на совокупности разноуровневых правовых норм, регулирующих родственные и связанные как с установлением исследуемого права, так и закреплением обязанностей по его соблюдению правоотношения.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Спорные вопросы квалификации торговли людьми и использования рабского труда // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 20–24.
2. Анишина В.И., Попонов Ю.Г. Свобода труда или право на труд? // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 86–96.
3. Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: Теоретический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Герасимов П.Ю. Проблемы реализации права каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 14–19.
5. Лимонова Н.А. Проблемы злоупотребления правами в области свободы передвижения // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 56–58.
6. Малюшин А.А. Правовое обеспечение реализации основных прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.

7. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

8. Яковлева Е.В. Особенности конституционно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации и странах англо-саксонской системы права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

References (transliterated)

1. Avdeev V.A., Avdeeva E.V. Sporny`e voprosy` kvalifikacii torgovli lyud`mi i ispol`zovaniya rabskogo truda // Rossijskaya yusticiya. 2013. № 7. S. 20–24.

2. Anishina V.I., Poponov Yu.G. Svoboda truda ili pravo na trud? // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 4. S. 86–96.

3. Belomestny`x L.L. Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina: Teoreticheskij aspekt: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2003.

4. Gerasimov P.Yu. Problemy` realizacii prava kazhdogo na svobodu peredvizheniya, vy`bor mesta preby`vaniya i zhitel`stva v sovremennoj Rossii // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2011. № 6. S. 14–19.

5. Limonova N.A. Problemy` zloupotrebleniya pravami v oblasti svobody` peredvizheniya // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 6. S. 56–58.

6. Malyushin A.A. Pravovoe obespechenie realizacii osnovny`x prav i svobod cheloveka i grazhdanina: teoreticheskij aspekt: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2003.

7. Sadovnikova G.D. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejny`j). 10-e izd., pererab. i dop. M., 2017.

8. Yakovleva E.V. Osobennosti konstitucionno-pravovogo statusa inostranny`x grazhdan v Rossijskoj Federacii i stranax anglo-saksonskoj sistemy` prava: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2008.

Проведем оценку имущества для любых целей:

✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером
Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Крайнова Н.А.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННОГО: ЦЕЛЬ ИЛИ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ (К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ТЕРМИНОЛОГИИ)

Цель: Исследование теоретических и практических аспектов сущности исправления как цели или функции наказания. Исследование соотношения понятий исправления и ресоциализации осужденных.

Методология: Использовались диалектический, системно-структурный и логический методы.

Результаты: Исправление осуждённого в настоящее время закреплено в ч. 2 ст. 43 УК РФ в качестве одной из целей наказания. В работе приводятся авторские выводы о том, что современный практический оборот в области отношений в сфере противодействия преступности все чаще использует понятие ресоциализации осужденных в качестве альтернативы исправлению осужденных, и аргументы в пользу такой замены. Ресоциализацию осужденных следует полагать функцией наказания, использовать в практическом обороте категорию «исправительное воздействие».

Новизна/оригинальность/ценность: Научная новизна работы заключается в том, что автором рассматривается сущность исправления осужденных с позиций целей либо функций наказания. Аргументируется использование в практическом обороте термина «ресоциализация осужденных» вместо «исправления».

Ключевые слова: исправление, ресоциализация, осуждённые, цели наказания, функции наказания, противодействие преступности.

Krainova N.A.

CORRECTION OF THE CONDEMNED: GOAL OR FUNCTION OF CRIMINAL PUNISHMENT? (TO THE QUESTION OF ESSENCE AND TERMINOLOGY)

Purpose: To study the theoretical and practical aspects of correction as the goal or function of punishment. This paper also aims to establish the correlation between the concepts of correction and re-socialization of convicts.

Methodology: Dialectical, system and logical approaches were used.

Results: The correction of the convict is currently listed in Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of Russian Federation as one of the purposes of punishment. The author concludes that the modern practice in the field of combating crime increasingly uses the concept of resocialization of convicts as an alternative to the correction of convicts, and analyzes arguments in favor of such replacement. Resocialization of convicts should be considered the function of punishment, and the «correctional impact» concept should be used in practical circulation.

Novelty/originality/value: The scientific novelty of the work lies in the fact that the author analyzes the essence of the correction of convicts from the standpoint of goals or functions of punishment. The practical use of the «resocialization of convicts» concept instead of «correction» is argued.

Keywords: correction, resocialization, convicted, punishment goals, punishment functions, crime control.

Исправление осужденного в настоящее время закреплено в ч. 2 ст. 43 УК РФ в качестве одной из целей наказания. И, пожалуй, можно с определенной долей уверенности утверждать, что в настоящее время это самая спорная из предусмотренных указанной статьей целей наказания.

Во многом о том, что в результате применения уголовного наказания преступники не исправляются, предусмотренная уголовным законом цель является недостижимой, свидетельствуют и статистические показатели преступности. Так, по данным официальной статистики, представленным МВД РФ, за период январь–декабрь 2018 г. выявлено 931,1 тыс. лиц, совершивших преступления (-3,7 %), а удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 28,3 % до 29,1 %. Каждое второе (58,3 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления [1].

Как отмечают специалисты, «на современном этапе многие науки занимаются изучением проблемы исправления, ресоциализации осужденного. Определенные аспекты исследуемого явления представляют значительный интерес для криминологии, общей и социальной психологии, социальной педагогики, социологии, культурологии и некоторых других наук, что обусловлено бесспорной важностью процесса и результата ресоциализации для осужденного, общества, государства» [2, с. 35]. Действительно, это так. Но, что примечательно, зачастую специалисты не делают различий между исправлением и ресоциализацией, употребляя данные термины через запятую.

Исправительное воздействие, применяемое в отношении осужденного, всегда имело и имеет первостепенное значение. На международном уровне проблема исправления зафиксирована в комментариях к Европейским пенитенциарным

правилам (1987 г.), в которых говорится, что «цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы… способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в общество, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения» [3, 4]. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ цель исправления осужденных поставлена на первое место в перечне целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) [5].

В научной среде споры о возможности исправления осужденного, достижимости данной цели уголовного наказания ведутся достаточно давно, что позволило специалистам сгруппировать имеющиеся на этот счет точки зрения. Так, профессор В.И. Селиверстов указывает на то, что «палитру мнений по данному вопросу можно объединить в три группы. Первая группа – ученые, придерживающиеся традиционной точки зрения о необходимости постановки перед уголовным наказанием, включая и лишение свободы, цели исправления осужденного… Во вторую группу входят представители российской науки, считающие по различным основаниям, ...что цель уголовного наказания в виде исправления осужденных является излишней… Третья группа включает в себя ученых и правозащитников, которые не отрицают целевой направленности наказания на развитие личности осужденного, но считают наиболее терминологически правильным называть такую цель ресоциализацией осужденного или реинтеграцией его в общество» [6, с. 30].

В невско-волжской криминологической школе была разработана доктрина, согласно которой более логично вместо понятия «цели наказания» в данном случае употреблять термин «функции наказания». В своих работах основатель невско-волжской криминологической школы профессор Д.А. Шестаков отмечает, что «лучше было бы установить в законе цели не наказания, а уголовной ответственности… вообще говоря, правильнее говорить о функциях, нежели о целях наказания. Само по себе наказание как явление неодушевленное никаких целей преследовать не может, но выполняет определенные роли в жизни общества» [7, с. 139–140]. В 2003 году Дмитрий Анатольевич выступил с предложением полностью отказаться от целей наказания, предусмотренных в ст. 43 УК РФ, и предложил вместо них законодательно закрепить следующие функции: удержание лица, совершившего преступление, от новых преступлений (функция защиты человека), реституция (восстановление положения потерпевшего), ресоциализация осуждённого [8, с. 6–13]. Таким образом, ресоциализация осужденного как уголовно-правовая конструкция в качестве функции уголовного наказания является предметом исследования невско-волжской криминологической школы [16]. В то же время исправление осужденных не отнесено к функциям наказания, однако это не означает, что исправительное воздействие следует отрицать полностью.

В последние годы все более предпочтительным является мнение о необходимости и целесообразности отказа от термина «исправление осужденного» и замене его на более подходящий по сути термин «ресоциализация осужденных». Некоторые исследователи даже говорят о необходимости осуществлять «принудительную ресоциализацию преступника» [10, с. 30]. Противники данной новеллы в качестве аргументов ссылаются на непонятность, спорность латинского термина «ресоциализация», его «западность». Как отмечает профессор В.И. Селиверстов, «термин «ресоциализация» – это не только термин. За ним должна последовать рецепция западной правовой пенитенциарной модели и практики исполнения лишения свободы. И прежде чем это последует, неплохо было бы разобраться, сможет ли Россия воспринять подобную модель» [9].

Рассуждая о будущем исправления осужденного как цели или функции наказания, необходимо поставить перед исследованием два вопроса: 1. Чем же является исправление осужденного – целью либо функцией уголовного наказания? 2. Следует ли современной уголовно-правовой доктрине отказаться от данной категории вообще либо заменить ее термином «ресоциализация». Попробуем последовательно ответить на данные вопросы, продемонстрировав авторскую позицию в данном отношении.

Осмысление вопроса о сущности наказания приводит к выводу о справедливости подхода, согласно которому наказание, как неодушевленный предмет, не может преследовать каких-либо целей, ведь достижение целей – результат субъективного действия. Однако полный отказ от предусмотренной в ч. 2 ст 43 УК РФ конструкции целей наказания и замена ее функциями наказания вряд ли осуществимы в настоящее время. В качестве аргумента такой позиции можно привести и прочность использования в правовом обороте термина «цели наказания», обусловленную давностью применения, и необходимость закрепления в законодательстве тех ориентиров, к которым должно стремиться государственно-право-

вое воздействие (принуждение), применяемое к осужденным в период действия наказания. Недостижимость целей наказания не является основанием для изъятия из оборота данной категории, ибо цель – это и есть тот идеал, к которому надо стремиться. Как отмечается в литературе, «противоречие, заключённое в понятии цель, – необходимость быть побуждением к действию, «опережающим отражением», или «опережающей идеей», и, одновременно, – материальным воплощением этой идеи, то есть быть достижимой, проявлялось с момента возникновения этого понятия» [11, с. 637]. Однако следует отметить, что термин «функции наказания» более точно охватывает сущность правового института, акцентируя внимание на процессе, который реализуется в ходе применения наказания, и результате, к достижению которого стремится применение наказания.

Уголовный кодекс РФ в настоящее время помимо наказания предусматривает применение к лицу, совершившему преступление, мер уголовно-правового характера. В совокупности уголовное наказание и меры уголовно-правового характера являются мерами уголовно-правового воздействия. Как представляется, с учетом современных уголовно-правовых реалий, вероятно, логично говорить о функциях мер уголовно-правового воздействия, нежели о функциях наказания. Но это положение видится достаточно дискуссионным, нуждающимся в дальнейшем осмыслении.

Отвечая на вопрос, чем же является исправление осужденного – целью либо функцией уголовного наказания, с позиции приведенной логики рассуждений, отметим, что, вероятно, ни тем, ни другим. Исправление осужденного как цель наказания смотрится в действующем УК, на первый взгляд, вполне логично. Аргументы сторонников сохранения в уголовном законе Российской Федерации данной цели звучат вполне убедительно. И если говорить о позиционировании категории целей наказания как некоего идеала, достичь который невозможно или практически невозможно, то, безусловно, исправление является целью наказания. Но есть ли в таком подходе практический смысл? Если ли какая-либо практическая надобность в идеализации ситуации, существующей в реальной действительности? Ответы на данные вопросы весьма неоднозначны.

Позволим себе предложить в качестве альтернативы термину «исправление» категорию «исправительное воздействие», применяемую к лицам, совершившим преступление и подлежащим наказанию. С этих позиций отнесем исправительное воздействие к функциям уголовного наказания.

Подход, согласно которому исправительное воздействие должно заменить категорию исправления осужденных, приводит к положительному ответу на вопрос, следует ли современной уголовно-правовой доктрине отказаться от данной категории вообще либо заменить ее другим термином, например, «ресоциализация».

Автор настоящей работы выступает категорически против отождествления понятий ресоциализации, исправления, воспитания, как это делают некоторые специалисты [12, с. 27]. Также считаем неверным отождествление понятий «ресоциализация» и «реабилитация», или «социальная адаптация» [13, с. 39]. Если ставить знак равенства между приведенными понятиями, то аргументы сторонников сохранения в УК РФ в качестве цели наказания исправления осужденных очевидны, и с ними трудно спорить. Действительно, зачем использовать новое, чуждое российской правовой действительности понятие «ресоциализация», если между данными категориями нет разницы. Налицо слепое следование западным идеалам, подмена исконно российских ценностей кажущимся навязанным извне термином. Однако по своей сути это не так.

Категория ресоциализации пришла к нам из социологии и прижилась в отечественном правосознании. Как отмечает Т.А. Фолиева, «в научной литературе, посвященной социализации, можно столкнуться не только с понятием «социализация», но и с его производными: десоциализация, ресоциализация, асоциализация, ожидаемая и неожидаемая социализация и т. д. Возникает категориальная сумятица, а один термин может использоваться в нескольких значениях. Так, ресоциализация понимается и в духе трактовки Э. Гидденса как усвоение новых ценностей, и как система адаптации заключенных после освобождения из тюрем» [14, с. 128–129]. Анализируя обозначенные категории с позиций «от человека», автор приходит к выводу, что имеются существенные различия в понимании ресоциализации в социологии и юриспруденции. «По сути, ресоциализация в юридическом понимании, – пишет он, – это не приобретение чего-то нового, а возвращение в общество. Но, придерживаясь такой точки зрения, мы нарушаем, с одной стороны, процессуальный характер социализации, а также допускаем ее принципиальную обратимость, что невозможно. С другой – этим мы лишаем любую группу (не являющуюся «обществом») соци-

альных взаимодействий и собственных норм, что противоречит здравому научному смыслу» [14, с. 131]. В этой связи Т.А. Фолиева, чье мнение мы разделяем, предлагает отказаться от существующей интерпретации термина «ресоциализация» в той мере, в которой она приводит к отождествлению с понятиями «социальная адаптация» и «реабилитация», поскольку в такой ситуации происходит подмена понятий.

Такая подмена понятий дает противникам ресоциализации возможность говорить о том, что введение в оборот данного понятия позволяет выделить среди осужденных способных и не способных к ресоциализации [6, с. 31]. Безусловно, это не так.

Ресоциализация не подменяет собой понятие исправления. Являясь в одно и то же время процессом и его целью, ресоциализация не свидетельствует о том, что у осужденного сформировалось уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Да и вряд ли это нужно. Как представляется, следует согласиться с утверждением о том, что государство не способно исправлять осужденных (да и не должно, зачем ставить утопические цели), но вполне может их ресоциализировать.

Дуализм сущности ресоциализации, которую, с одной стороны, следует рассматривать как процесс, протяженный во времени, с другой – цель (функция) наказания, то состояние, которое должно быть достигнуто в результате исполнения наказания, позволяет рассматривать ресоциализацию как некую категорию, акцентирующую внимание на адаптации к социальной реальности. Следует согласиться с Т.А. Фолиевой, что ресоциализация – это возобновление процесса в новых условиях и с новыми переменными. Индивид находится в ситуации особой для него социальной напряженности и усваивает новые ценности и роли, которые позволяют ему адаптироваться к социальной реальности [14, с. 130]. Ресоциализация осужденных – процесс сложный, многогранный, разноплановый. В ходе ресоциализации осужденный под воздействием комплекса мер (или средств ресоциализации, в числе которых меры исправительного воздействия) достигает состояния приспособления индивида к жизни в социуме, что, в конечном итоге, и составляет суть ресоциализации.

В качестве дополнительного аргумента в пользу замены термина «исправление» термином «ресоциализация» может выступать также открывающаяся возможность расширять спектр мер воздействия в отношении осужденного к наказанию: это не только предусмотренные в настоящее время ч. 2 ст. 9 УИК РФ основные средства исправления – установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие, но и весь спектр некарательного воздействия.

Также полагаем, что введение в практический юридический оборот понятия «ресоциализация» не повлечет за собой обязательную рецепцию европейский правовых норм. Преломленный сквозь призму российского законодательства положительный опыт регулирования отношений в области противодействия преступности будет, наоборот, способствовать развитию. Необходимо грамотно и с пользой использовать тот багаж, который накоплен человечеством в данной сфере, не отгораживаясь от позитивного опыта, но в то же время учитывая и негативные моменты. Нельзя отрицать, что в зарубежных странах правовое регулирование отношений в сфере предупредительной деятельности достаточно развито. В качестве примера можно привести опыт Японии, Швейцарии, Голландии и т. д. «Избирательная рецепция» правовых норм, эффект применения которых в противопреступной деятельности очевиден, сказалась бы только положительно на развитии отечественного законодательства. Тем более, что такое развитие уже идет. Так, Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ уже содержит понятие ресоциализации осужденных [15].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что вопросы сущности исправления как цели либо функции наказания остаются открытыми ввиду несомненной практической значимости ответов на них. Современный практический оборот в области отношений в сфере противодействия преступности все более использует понятие ресоциализации осужденных в качестве альтернативы исправлению осужденных, что представляется положительным.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности за январь–декабрь 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://xn—b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/.

2. Агашков Е.И. Исправление осужденного как цель уголовного наказания в виде принудительных работ // Безопасность бизнеса. 2018. № 2. С. 35–39.

3. Громов В.В., Крылов А.С. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы. М., 1989.

4. Даххаев М.М. Проблемы ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 4. С. 108.

5. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ab040135c90e38b7592380d81a076507c473a309/.

6. Селиверстов В.И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2(45). С. 30–37.

7. Шестаков Д.А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6.

8. Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

9. Селиверстов В.И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфеева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

10. Лукьянова Е. Принципы справедливости и равенства перед законом в уголовно-исполнительном праве // Преступление и наказание. 2004. № 11. С. 30.

11. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник: учеб. пособ. / под ред. В.Н. Волковой, А.А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2006.

12. Зубкова В.И. Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 22. С. 24–29.

13. Махмудов З.Ш. Постпенитенциарная адаптация: к вопросу о понятии // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 39–42.

14. Фолиева Т.А. К вопросу об уточнении содержания некоторых категорий теории социализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2014. № 2. С. 127–137.

15. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976.

16. Крайнова Н.А. Цели наказания как инструмент уголовной политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2(45). С. 57–60.

References (transliterated)

1. Sostoyanie prestupnosti za yanvar`–dekabr` 2018 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://xn—b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/.

2. Agashkov E.I. Ispravlenie osuzhdennogo kak cel` ugolovnogo nakazaniya v vide prinuditel`ny`x rabot // Bezopasnost` biznesa. 2018. № 2. S. 35–39.

3. Gromov V.V., Kry`lov A.S. Social`ny`e svyazi v processe resocializacii osuzhdenny`x // Primenenie nakazanij, ne svyazanny`x s lisheniem svobody`. M., 1989.

4. Daxxaev M.M. Problemy` resocializacii osuzhdenny`x, otby`vshix nakazanie v vide lisheniya svobody` // Yuridicheskij vestnik DGU. 2014. № 4. S. 108.

5. Ugolovno-ispolnitel`ny`j kodeks RF ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 27.12.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 08.01.2019) [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ab040135c90e38b7592380d81a076507c473a309/.

6. Seliverstov V.I. Korrekciya celepolaganiya ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody`: mif ili real`nost` // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2017. № 2(45). S. 30–37.

7. Shestakov D.A. Ot ponyatiya prestupnosti k kriminologii zakona // Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. 2008. № 6.

8. Shestakov D.A. Prestupnost` sredi social`ny`x podsistem // Prestupnost` sredi social`ny`x podsistem. Novaya koncepciya i otrasli kriminologii / pod red. D.A. Shestakova. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2003.

9. Seliverstov V.I. Ispravlenie ili resocializaciya osuzhdenny`x: spor o terminax ili izmenenie sushhnosti // Shestoj Permskij kongress ucheny`x-yuristov (g. Perm`, 16–17 oktyabrya 2015 g.): izbranny`e materialy` / V.V. Akinfeeva, S.I. Afanas`eva i dr.; otv. red. V.G. Golubczov, O.A. Kuzneczova. M.: Statut, 2016.

10. Luk`yanova E. Principy` spravedlivosti i ravenstva pered zakonom v ugolovno-ispolnitel`nom prave // Prestuplenie i nakazanie. 2004. № 11. S. 30.

11. Teoriya sistem i sistemny`j analiz v upravlenii organizaciyami: Spravochnik: ucheb. posob. / pod red. V.N. Volkovoj, A.A. Emel`yanova. M.: Finansy` i statistika, 2006.

12. Zubkova V.I. Ispolnenie lisheniya svobody` v celyax resocializacii osuzhdenny`x: problemy` i perspektivy` razvitiya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 22. S. 24–29.

13. Maxmudov Z.Sh. Postpenitenciarnaya adaptaciya: k voprosu o ponyatii // Ugolovno-ispolnitel`noe pravo. 2011. № 1. S. 39–42.

14. Folieva T.A. K voprosu ob utochnenii soderzhaniya nekotory`x kategorij teorii socializacii // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. 2014. № 2. S. 127–137.

15. Federal`ny`j zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ «Ob osnovax sistemy` profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976.

16. Krajnova N.A. Celi nakazaniya kak instrument ugolovnoj politiki // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2017. № 2(45). S. 57–60.

Натаров А.А., Дудоров Т.Д.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ОСНОВАНИЯ И ВИДЫ

Цель: Исследование детерминанты юридической ответственности медицинского работника в контексте комплекса правовых норм, относящихся к гражданскому, административному и уголовному праву.

Методология: Использовались аналитический, формально-юридический и системный методы.

Результаты: В статье осуществлен анализ института ответственности медицинских работников за криминальные ятрогении, а также должностные преступления, совершаемые в сфере здравоохранения. Авторы предпринимают попытку классифицировать правонарушения, совершаемые в сфере медицинской деятельности, и приходят к выводу о необходимости на легальном уровне имплементировать наметившуюся тенденцию к унификации законодательства об охране здоровья граждан в части создания единого кодифицированного нормативного акта.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает определенной степенью новизны и научной ценности, так как посвящена актуальным проблемам теории и практики правоприменения в сфере здравоохранения. Содержащиеся в ней положения могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: охрана здоровья граждан, медицинская деятельность, медицинский работник, юридическая ответственность, виновность, правонарушение.

Natarov A.A., Dudorov T.D.

RESPONSIBILITY FOR MEDICAL OFFENCES: REASONS AND TYPES

Purpose: To study the determinants of legal responsibility of medical worker in the context of civil, administrative and criminal law.

Methodology: Legalistic and system approaches were used by the authors.

Results: In this article the institute of responsibility for medical malpractice, such as iatrogenic crimes and medical malfeasance, is analyzed. The authors attempt to classify offences committed in the field of medical practice and come to the conclusion that it is necessary to legally implement the trend of unification of legislation on citizens' health by creating a single codified Act.

Novelty/originality/value: This study has a certain degree of novelty and scientific value, as it is a study on actual problems of theory and practice of law enforcement in the field of health care. The provisions and materials contained in this study can be used in further research on the subject.

Keywords: citizens health, medical affairs, medical worker, legal responsibility, guilt, offence.

Рассматривая ответственность медицинских работников, необходимо в первую очередь определить основания и условия ее возникновения. В теории права юридическая ответственность позиционируется как мера государственного принуждения, применяемая за совершение правонарушения и выражающаяся в обязанности лица претерпеть определенные отрицательные последствия своего деяния в форме ограничений личного или имущественного характера [3, с. 318; 10, с. 155]. Она имеет ретроспективный характер, поскольку выступает в качестве реакции государства на противоправные действия лица. Таким образом, правовой аксиомой является тезис о том, что юридическая ответственность наступает за совершение правонарушения, т. е. виновного, противоправного деяния праводееспособного лица, наносящего вред обществу и государству. Такое деяние обладает следующей совокупностью признаков: оно совершается в форме действия или бездействия, имеет своим объектом общественные отношения, охраняемые законом, совершается деликтоспособным лицом виновно и осознанно, т. е. по своей сути противоправно и общественно опасно, что влечет за собой его наказуемость.

Экстраполируя изложенное на сферу ответственности медицинских работников, отметим следующее. В качестве общего объекта правонарушения в данном случае выступают общественные отношения в сфере здравоохранения, а непосредственным объектом в силу специфики содержания медицинской деятельности – отношения по охране жизни и здоровья граждан. Ответственность за причинение вреда указанным общественным отношениям предусматривается различными отраслями права, что обусловливает ее дифференциацию на несколько форм.

1. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников наступает в случае причинения вреда пациенту при оказании медицинских услуг, и ее специфика обусловлена не только наличием особого субъектного состава, но и определением противоправности причинен-

ного вреда [5, с. 52]. Во-первых, правоотношения, возникающие при совершении гражданского правонарушения, имеют имущественный характер, хотя в данном случае вред причиняется здоровью пациента, которое отнесено законодателем к личным неимущественным благам (ст. 128, 15 ГК РФ). По утверждению С.М. Ковалевского, вред, причиненный при медицинском вмешательстве, можно определить как неблагоприятные последствия для жизни человека и его здоровья, которые подлежат возмещению в имущественном эквиваленте [9, с. 22]. Таким образом, физический и моральный вред в рамках гражданского законодательства имеют прежде всего денежное выражение, что и предопределяет специфику рассматриваемого вида ответственности.

Во-вторых, особенность субъектного состава обусловлена сферой совершения правонарушений, а именно медицинской деятельностью. Соответственно, потерпевшими в данном случае являются физические лица – пациенты, а причинителями вреда – медицинские работники, наделенные специальной правоспособностью [5].

Необходимо отметить, что в специальной литературе активно дискутируется вопрос об определении круга лиц, ответственных за причинение вреда при оказании медицинских услуг. В отдельных исследованиях можно встретить утверждение о том, что врач несет непосредственную гражданско-правовую ответственность перед пациентом, что обязывает его возместить причиненный жизни или здоровью вред в порядке искового производства [4, с. 281–293]. Подавляющее большинство практикующих юристов сходится во мнении, что ответственным лицом в гражданско-правовом смысле является медицинская организация, работник которой в порядке служебного задания осуществлял медицинское вмешательство, либо врач – индивидуальный предприниматель [5; 14; 8, с. 44]. Позволим себе солидаризироваться с приведенной позицией, аргументируя ее следующими тезисами. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские работники, наряду с медицинской организацией, несут ответственность за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Однако такой вред в соответствии с ч. 3 названной нормы возмещается медицинскими организациями. На наш взгляд, это положение обусловлено тем фактом, что одним из критериев отнесения лица к числу медицинских работников, как уже было отмечено, является наличие трудового договора с медицинской организацией. Кроме того, в соответствии со ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо (в нашем случае – медицинская организация) возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых обязанностей как на основании трудового договора, так и в рамках гражданско-правового договора. При этом необходимым условием наступления ответственности юридического лица является оказание медицинских услуг конкретным работником по заданию и под контролем медицинской организации. Если же речь идет об ответственности медицинских работников, то она в данной ситуации наступает в рамках трудовых правоотношений с работодателем в дисциплинарной либо материальной формах. Однако в соответствии со ст. 232–233 ТК РФ материальная ответственность работника направлена на возмещение имущественных потерь медицинской организации, связанных с возмещением ущерба пациенту, и не предполагает наличие прямого деликтного правоотношения медицинский работник – потерпевший.

В-третьих, основанием гражданско-правовой ответственности в сфере оказания медицинских услуг является неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинским работником своих обязанностей по профилактике, диагностике, лечению заболеваний лиц, обратившихся за медицинской помощью, т. е. совершение правонарушения [5]. Анализ судебной практики, проводимый в многочисленных цивилистических исследованиях обозначенной проблемы, показал, что в числе деяний медицинских работников, квалифицируемых судом как гражданско-правовой деликт, наиболее часто встречаются следующие:

– недостаточная квалификация медицинского работника в вопросах диагностики, лечения и профилактики заболеваний;

– отсутствие в медицинской организации оборудования надлежащего качества;

– нетипичный характер заболевания, возникновение осложнений, обусловленных исключительностью индивидуальных особенностей организма пациента;

– действия либо бездействие самих пациентов и их родственников, которые чаще всего связаны с несвоевременным обращением за медицинской помощью, отказом от медицинского вмешательства, уклонением от приема назначенных препаратов и т. д. [5; 14, с. 34].

Необходимо отметить, что при доказывании наличия или отсутствия любого из перечислен-

ных выше обстоятельств следует учитывать общие условия ответственности медицинского работника, в числе которых противоправность деяния, наступление у потерпевшего вреда, находящегося в причинной связи с действиями (бездействием) медицинского работника, вина в совершении правонарушения.

В-четвертых, в отличие от иных видов ответственности рассматриваемая ее форма характеризуется наличием презумпции вины причинителя вреда, который в рамках искового производства обязан доказать, что им предприняты все необходимые и возможные в существующих обстоятельствах меры для предотвращения неблагоприятных для жизни и здоровья пациента последствий. В этой связи Н.А. Огнерубов, на наш взгляд, достаточно аргументировано утверждает, что наиболее важное доказательственное значение в рамках искового производства имеет документальное подтверждение совершаемых медицинским персоналом действий, которые при оказании медицинской помощи подлежат фиксации и протоколированию, а также изложение в заключаемом с пациентом договоре на оказание медицинских услуг всех возможных последствий медицинского вмешательства, которые разъясняются пациенту под роспись одновременно с получением его письменного согласия на соответствующие манипуляции [12; 17, с. 18].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности может рассматриваться как имущественные санкции за вред, причиненный медицинским работником жизни или здоровью пациента при оказании медицинской услуги, который в соответствии со ст. 1068 ГК РФ подлежит возмещению медицинской организацией, обладающей правом регрессного требования к работнику на основании трудового законодательства [5].

2. Административная ответственность в сфере здравоохранения в действующем законодательстве предусмотрена в основном для юридических лиц – медицинских организаций, а также их должностных лиц за совершение ряда правонарушений, содержащихся в КоАП РФ, которые могут быть структурированы следующим образом:

– нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, которые влекут за собой административное приостановление деятельности, приостановку и аннулирование лицензии;

– нарушение порядков и стандартов оказания медицинской помощи, которое рассматривается законодателем как грубое нарушение лицензионных требований и может привести к приостановке действия лицензии;

– нарушение установленных законодательством требований к рекламе лекарственных средств, медицинских изделий и медицинских услуг, в том числе методов лечения; нарушение правил в сфере обращения медицинских изделий; невыполнение обязанностей об информировании граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи; нарушение законодательства о донорстве крови и ее компонентов; нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности и ряд других составов правонарушений, влекущих за собой наложение штрафа, в числе которых наиболее значимым является невыполнение обязанностей о представлении информации о конфликте интересов при осуществлении медицинской деятельности (ст. 6.29 КоАП РФ), поскольку в данном случае именно медицинский работник несет административную ответственность за совершенное правонарушение.

В этой связи необходимо обратить внимание на наметившуюся тенденцию к индивидуализации административной ответственности медицинских работников, которая выражается во внесении Правительством РФ в Государственную Думу РФ проекта закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования административной ответственности в сфере здравоохранения» [2]. При условии принятия данного законопроекта медицинский работник на основании ст. 6.34–6.40 КоАП РФ может быть привлечен к административной ответственности за следующие правонарушения:

– нарушение установленных порядков оказания медицинской помощи;

– нарушение установленных порядков проведения медицинских экспертиз, за исключением экспертизы качества оказания медицинской помощи, диспансеризации, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований;

– несоблюдение ограничений, налагаемых в соответствии с законодательством РФ при осуществлении деятельности в сферах охраны здоровья и обращения лекарственных средств;

– нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья;

– нарушение порядка проведения клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения и доклинических

исследований лекарственных средств для медицинского применения;

– нарушение порядка назначения и выписывания лекарственных препаратов;

– осуществление медицинской и фармацевтической деятельности с нарушением лицензионных требований;

– нарушения, допущенные при реализации и отпуске лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов.

Внешним выражением административной ответственности является применение к нарушителю мер административного наказания в виде штрафа, предупреждения и иных принудительных мер. При наличии общих теоретических подходов к основанию и условиям административной ответственности в специальной литературе отмечается, что административный проступок, в отличие от преступления, имеет меньшую степень общественной опасности и иной вид противоправности [13, с. 209]. Заметим, что признак общественной опасности в принципе исключен законодателем из легального толкования понятия «административное правонарушение», под которым понимается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность (ст. 2.1 КоАП РФ). Кроме того, наступление рассматриваемого вида ответственности в настоящее время не связано с наличием реальных последствий в виде причинения вреда здоровью пациента определенной степени тяжести (например, ст. 6.2 КоАП РФ), а обусловлено, например, осуществлением медицинской деятельности при отсутствии лицензии либо с нарушением лицензионных требований.

3. Уголовная ответственность медицинских работников наступает за совершение общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ. Несмотря на тот факт, что медицинская деятельность регулируется в основном позитивным законодательством (гражданским, трудовым и др.), уголовно-правовое регулирование в данном случае имеет охранительный характер, т. е. применяется при совершении преступления, а также регламентирует круг обстоятельств, которые исключают наличие признаков преступления в действиях (бездействии) медицинского работника. Ключевой особенностью уголовной ответственности является тот факт, что субъектом преступления, в отличие от гражданского и административного деликтов, может быть только физическое лицо.

Преступления, совершаемые медицинскими работниками, принято дифференцировать на две группы: должностные преступления, а также преступления против жизни и здоровья человека. В последнем случае в научный оборот вводится термин «криминальная ятрогения», имеющий как медицинское, так и юридическое значение. В сфере здравоохранения рассматриваемая дефиниция легализована как негативное последствие профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнение медицинских мероприятий, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий [1]. В более узкой трактовке ятрогения рассматривается как результат исключительно ошибочных действий медицинского работника и в таком значении вводится в профессиональную юридическую деятельность [6, с. 10]. В тех случаях, когда соответствующие действия повлекли уголовно-наказуемые последствия, ятрогения криминализируется. Анализ специальной литературы позволяет утверждать, что в доктрине уголовного права в последние годы наметилась тенденция унификации рассматриваемого понятия с целью обозначения всей совокупности преступлений, совершаемых медицинскими работниками в отношении пациентов. В данном значении криминальная ятрогения представляет собой «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершенные при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью и иным законным правам и интересам пациентов» [11, с. 9].

Вместе с тем анализ совокупности норм Особенной части УК РФ позволяет констатировать отсутствие составов преступлений, специальным субъектом совершения которых является медицинский работник, а в содержание их объективной стороны входят действия, имеющие в профессиональной медицинской деятельности квалификацию ятрогенных. Эмпирические данные, приводимые на страницах периодической печати [15, с. 41–44], а также полученные в результате анализа следственно-судебной практики, складывающейся в Воронежской области, позволяют утверждать, что наиболее востребованными, с точки зрения привлечения медицинских работников к уголовной ответственности, являются

составы преступлений против жизни и здоровья, предусмотренные ч. 2, 3 ст. 109, ч. 2 ст. 124 УК РФ, а также такое должностное преступление, как халатность (ст. 293 УК РФ). При этом во всех случаях в качестве квалифицирующего признака рассматривается ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей. Как справедливо отмечают А.М. Багмет и Т.Н. Петрова, подобный подход законодателя не только существенно затрудняет оценку динамики преступлений, совершаемых медицинскими работниками, в соответствии с существующими статистическими учетами преступности, но и сводит к минимуму возможности формирования комплекса профилактических мер борьбы с данным ее видом [3, с. 28]. В этой связи позволим себе солидаризироваться с неоднократно высказываемыми в диссертационных и монографических исследованиях предложениями об оптимизации норм уголовного законодательства с учетом: фактически существующих правоотношений между пациентом и медицинским работником; сложившейся следственно-судебной практики квалификации криминальных ятрогений; наличия позитивного опыта регулирования уголовной ответственности в сфере здравоохранения в зарубежном законодательстве [12, с. 118–126; 16, с. 56–91; 19, с. 121–154].

Подводя итоги проведенного краткого анализа форм привлечения к ответственности медицинских работников, отметим, что юридическая ответственность за правонарушения, совершаемые в сфере здравоохранения, имеет комплексную правовую природу, так как регламентируется гражданским, административным и уголовным законодательством. В этой связи представляется особенно важным более активно на легальном уровне имплементировать наметившуюся тенденцию к унификации законодательства об охране здоровья граждан, в том числе и в части создания единого кодифицированного нормативного акта, что неоднократно отмечалось как медицинскими работниками, так и юристами, практикующими в соответствующей сфере [18, с. 15]. Подобная кодификация позволила бы не только стандартизировать порядок осуществления различных видов медицинской деятельности, устранить пробелы и противоречия, имеющиеся в многочисленных нормативных актах, но и создать единый механизм юридической ответственности за причинение вреда жизни или здоровью пациента.

Пристатейный библиографический список

1. Международная классификация болезней МКБ-10 [Электронный ресурс]. URL: http://mkb-10.com.
2. Проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования административной ответственности в сфере здравоохранения» от 06.06.2016 № 3875п–П12 [Электронный ресурс]. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/fz_080616.pdf.
3. Багмет А.М., Петрова Т.Н. О необходимости включения в Уголовный кодекс Российской Федерации ятрогенных преступлений // Российский следователь. 2016. № 7. С. 27–32.
4. Балло А.М., Балло А.А. Права пациентов и ответственность медицинских работников за причиненный вред. СПб.: БИС, 2001.
5. Богданова А.А. Проблемы ответственности медицинских работников // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 51–58.
6. Божченко А.П. Ятрогения: содержание понятия в медицине и юриспруденции // Медицинское право. 2016. № 5. С. 8–12.
7. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961.
8. Кагаловская Э.Т., Солощева С.А., Лысенкова М.В., Бендз С.Ю. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников в России: сущность и проблемы развития // Финансы. 2003. № 10. С. 42–46.
9. Ковалевский С.М. Некоторые дискуссионные правовые проблемы ответственности за медицинский вред и его возмещение // Социальное и пенсионное право. 2014. № 1. С. 18–28.
10. Мильков А.В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.
11. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
12. Огнерубов Н.А. Ятрогении в медицинской деятельности: уголовно-правовой аспект. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010.
13. Плиев Р.С. Административная ответственность медицинских учреждений и должностных лиц за нарушение права граждан на охрану здоровья // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 209–216.
14. Сергеев Ю.Д., Бисюк Ю.В. Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи (экспертно-правовые аспекты): науч.-практич. рук. М.: Авторская академия: Товарищество научных изданий КМК, 2011.
15. Ситникова А.И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Медицинское право. 2018. № 2. С. 41–44.
16. Соловьев А.П. Предупреждение преступлений в сфере здравоохранения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
17. Степанян Ш.У. Медицинская услуга – специфический объект правового регулирования в российском законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 13–16.

18. Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 5–15.

19. Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

References (transliterated)

1. Mezhdunarodnaya klassifikaciya boleznej MKB-10 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://mkb-10.com.

2. Proekt federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax v chasti sovershenstvovaniya administrativnoj otvetstvennosti v sfere zdravooxraneniya» ot 06.06.2016 № 3875p–P12 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/fz_080616.pdf.

3. Bagmet A.M., Petrova T.N. O neobxodimosti vklyucheniya v Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii yatrogenny`x prestuplenij // Rossijskij sledovatel`. 2016. № 7. S. 27–32.

4. Ballo A.M., Ballo A.A. Prava pacientov i otvetstvennost` medicinskix rabotnikov za prichinenny`j vred. SPb.: BIS, 2001.

5. Bogdanova A.A. Problemy` otvetstvennosti medicinskix rabotnikov // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 51–58.

6. Bozhchenko A.P. Yatrogeniya: soderzhanie ponyatiya v medicine i yurisprudencii // Medicinskoe pravo. 2016. № 5. S. 8–12.

7. Ioffe O.S., Shargorodskij M.D. Voprosy` teorii prava. M.: Gosyurizdat, 1961.

8. Kagalovskaya E`.T., Soloshheva S.A., Ly`senkova M.V., Bendz S.Yu. Straxovanie professional`noj otvetstvennosti medicinskix rabotnikov v Rossii: sushhnost` i problemy` razvitiya // Finansy`. 2003. № 10. S. 42–46.

9. Kovalevskij S.M. Nekotory`e diskussionny`e pravovy`e problemy` otvetstvennosti za medicinskij vred i ego vozmeshhenie // Social`noe i pensionnoe pravo. 2014. № 1. S. 18–28.

10. Mil`kov A.V. O nesostoyatel`nosti koncepcii dvuxaspektnoj yuridicheskoj otvetstvennosti // Zakon. 2016. № 6. S. 152–164.

11. Nikitina I.O. Prestupleniya v sfere zdravooxraneniya (zakonodatel`stvo, yuridicheskij analiz, kvalifikaciya, prichiny` i mery` preduprezhdeniya): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2007.

12. Ognerubov N.A. Yatrogenii v medicinskoj deyatel`nosti: ugolovno-pravovoj aspekt. Voronezh: Izd-vo VGU, 2010.

13. Pliev R.S. Administrativnaya otvetstvennost` medicinskix uchrezhdenij i dolzhnostny`x licz za narushenie prava grazhdan na oxranu zdorov`ya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 209–216.

14. Sergeev Yu.D., Bisyuk Yu.V. Nenadlezhashhee okazanie e`kstrennoj medicinskoj pomoshhi (e`kspertno-pravovy`e aspekty`): nauch.-praktich. ruk. M.: Avtorskaya akademiya: Tovarishhestvo nauchny`x izdanij KMK, 2011.

15. Sitnikova A.I. Yatrogenny`e prestupleniya: ugolovno-pravovoj i processual`ny`j aspekty` // Medicinskoe pravo. 2018. № 2. S. 41–44.

16. Solov`ev A.P. Preduprezhdenie prestuplenij v sfere zdravooxraneniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007.

17. Stepanyan Sh.U. Medicinskaya usluga – specificheskij ob``ekt pravovogo regulirovaniya v rossijskom zakonodatel`stve // Medicinskoe pravo. 2015. № 6. S. 13–16.

18. Xabrieva T.Ya. Osnovny`e vektory` i problemy` razvitiya social`nogo zakonodatel`stva // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 8. S. 5–15.

19. Chervonny`x E.V. Prestupleniya, sovershaemy`e v sfere zdravooxraneniya, i ix preduprezhdenie: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2009.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Постанюк В.Д.

К ПРОБЛЕМЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Цель: Исследование проблемы декриминализации ответственности за преступления экономического характера и выявление основных тенденций данного процесса.

Методология: При исследовании обозначенной проблемы автором использовались диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: Статья посвящена проблеме декриминализации ответственности за преступления экономического характера и представляет собой исследование основных тенденций и детерминант указанного процесса. Автор выделил среди таких тенденций перераспределение репрессивного потенциала уголовного права к другим отраслям, прежде всего, к административному праву, приоритет возмещения ущерба и прекращения уголовного дела над уголовно-правовым преследованием и последующим наказанием, ориентированность на инвестиционный фактор грядущих изменений. Детерминантами либерализации могут выступать утрата общественной опасности ряда преступлений и ошибки, допущенные при криминализации данных деяний в части оценки их объективной стороны.

Новизна/оригинальность/ценность: Исследование проблемы декриминализации преступлений экономического характера обладает в настоящее время необходимой и закономерной для себя актуальностью ввиду подтвержденной законодательной инициативы и реального разворачивания соответствующих процессов в российской общественной жизни. В преддверии внесения изменений в уголовно-правовое законодательство автор обращается к содержанию, причинно-следственным связям и глубинным закономерностям этих изменений.

Ключевые слова: декриминализация экономических преступлений, президентский законопроект, депенализация, уголовное право, криминализация, экономические преступления, прекращение уголовного дела.

Postanyuk V.D.

ON THE PROBLEM OF DECRIMINALIZATION OF RESPONSIBILITY FOR ECONOMIC CRIMES

Purpose: To study the problem of decriminalization of responsibility for economic crimes and identify the main trends of this process.

Methodology: Legalistic and comparative methods were used by the author.

Results: The paper is devoted to the problem of decriminalization of responsibility for economic crimes and to the main trends and determinants of this process. The author notes that there are redistribution of the repressive potential of criminal law to other branches of law, particularly administrative law; priority of reimbursement and termination of criminal proceedings over criminal law prosecution and subsequent punishment; focus on the investment factor of future changes among such tendencies. Among the determinants of liberalization there can be loss of public danger of a number of crimes and mistakes made in criminalizing these acts in terms of assessing their objective side.

Novelty/originality/value: The study of the problem of decriminalization of crimes of an economic nature is necessary at the moment and because of the confirmed legislative initiative and the actual unfolding of the relevant processes in Russian public life. In anticipation of changes in the criminal law, the author refers to the content, causation and the underlying regularities of these changes.

Keywords: decriminalization of economic crimes, presidential bill, depenalization, criminal law, criminalization, economic crimes, termination of a criminal case.

Российская правовая действительность настоящего времени охвачена неутихающими дискуссиями о либерализации законодательства, регулирующего сферу экономических преступлений.

В Послании Федеральному Собранию 2016 года Президент России выразил мнение о необходимости сокращения избыточной активности правоохранительных органов в экономической деятельности, а в Послании 2018 года сделал заявление о том, что УК РФ не должен быть объектом манипуляции юридических лиц при разрешении хозяйственных споров.

Законопроект о декриминализации преступлений экономической направленности, внесенный Президентом РФ в Государственную Думу в мае 2018 года, как известно, содержит предложение об увеличении размера ущерба, являющегося основанием для возбуждения уголовных дел соответствующих составов. На общественное обсуждение также вынесен проект поправок в УК РФ и УПК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 03.07.2016 № 325-ФЗ расширил перечень преступлений экономического характера, за

совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при условии, что оно совершило его впервые и возместило причиненный ущерб в двукратном размере.

Поступательные законодательные инициативы в направлении декриминализации ответственности за экономические преступления свидетельствуют о коренных изменениях отечественной экономики и права, что необходимо влечет за собой и теоретико-доктринальный комментарий данных изменений. Исследуемой проблеме уже уделили внимание А.И. Козбанов, Н.А. Лопашенко, Л.В. Лобанова, Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Безверхов и другие.

Как справедливо замечает А.В. Тесленко, глава 22 Особенной части УК РФ характеризуется перенасыщенностью и самым большим количеством внесенных поправок и изменений, при этом не всегда оправданных [6, с. 84–92.]. Так, с 2013 по 2018 год принято двадцать два федеральных закона, предусматривающих изменение главы 22 УК РФ. Подобная динамика может свидетельствовать не только о качественном, но и о сугубо количественном характере изменений, отсутствии ясной уголовно-правовой политики.

Одна из тенденций либерализации уголовно-правовой политики заключается в перераспределении репрессивного потенциала уголовного права к другим отраслям, прежде всего, к административному праву. Между тем поднимается очевидный вопрос о готовности иных отраслей права принять на себя данную нагрузку, так как обратное единственным следствием будет иметь повсеместное распространение юридической безнаказанности [1, с. 24–35].

Другой яркой тенденцией можно назвать приоритет возмещения ущерба и прекращения уголовного дела над уголовно-правовым преследованием и последующим наказанием. Отсюда следует: реальные экономические интересы должны выигрывать путем фактической реабилитации объекта преступления с материальной точки зрения, а не репрессивного фактора отношения к виновному. Теоретически подобная модель представляется удачной, однако излишне идеалистической, так как превентивная функция уголовного права в данной модели практически нивелируется.

Ситуация с декриминализацией экономических преступлений на фоне изложенных выше тенденций дает повод задуматься об инвестиционном моменте исследуемого процесса. С позиции исполнительной власти, декриминализация экономических преступлений позволит значительно повысить уровень ВВП и оздоровит финансовый климат посредством снижения издержек. Несмотря на то, что в таком суждении имеется здравый смысл, возникает сомнение, достаточно ли внимания уделяется субъективной стороне деяния. Можно согласиться, что в данном случае преступный умысел не отличается особенностями умысла преступлений против государства и личности, но явно заслуживает хотя бы комментария. Тот факт, что публичное обсуждение возникшей проблемы сфокусировано сугубо на «полезности» декриминализации для экономической среды, подтверждает тенденции абстрагирования от субъективного фактора совершения преступлений.

Ряд авторов также отмечает, что декриминализация некоторых преступлений главы 22 УК РФ является последствием негативной правоприменительной практики и неправильной изначально законодательной техники. Согласно статистическим данным, большинство составов указанной главы почти не применяется в реальной судебной практике [4, с. 137–141]. Перенасыщенность составов экономических преступлений представляется результатом стремления увеличить количество запретов для максимального предупреждения криминализации экономической среды.

Таким образом, при исследовании декриминализации экономических преступлений необходимо определиться с факторами, которые детерминировали соответствующие процессы. Декриминализация преступления представляет собой установление факта нецелесообразности и недопустимости уголовной ответственности за то или иное деяние. Деяние при этом должно быть исключено из числа преступных и не обладать достаточным уровнем общественной опасности. Отсюда возникает вопрос разграничения понятий декриминализации и депенализации экономических преступлений, который в общей массе дискуссий остается неопределенным [2, с. 22–27].

Анализ предлагаемых изменений позволяет прийти к выводу, что их причиной выступает не утрата общественной опасности ряда преступлений, а ошибки, допущенные при криминализации данных деяний в части оценки их объективной стороны. Это указывает на то, что процесс совершенствования законодательства об экономических преступлениях, актуализированный в настоящее время, должен соответствовать социально-культурным реалиям и проводиться с учетом особенностей правоприменения.

Ориентированность российского законодателя на оптимизацию экономических отношений путем декриминализации ряда преступлений

представляется признаком верного направления. В заключение также требуется добавить, что средства массовой информации, к тексту которых в первую очередь обращено население, склонны преувеличивать масштабы грядущей реформы. В сложившейся ситуации имеет место быть смягчение уголовно-правовых санкций в отношении экономических преступлений, а также лишь частичная их декриминализация ввиду повышения порогов ущерба и предложения полностью исключить некоторые составы из главы 22. Такой компромиссный подход, отвечающий уголовно-правовым особенностям стран Европы и США, безусловно, является оптимальным и для современной России.

Пристатейный библиографический список

1. Безверхов А.Г. К проблеме декриминализации экономических преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18).
2. Витвицкая С.С., Соколов В.А. Проблемы декриминализации деяний в сфере экономической деятельности // Юристъ-Правовед. 2015. № 6 (73).
3. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
4. Лозинский И.В. Концепция развития главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации: криминализация или декриминализация? // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371.
5. Маркелов А.Г Идея процессуального компромисса как способа доказывания в современном уголовном судопроизводстве // Вестник Российского университета. 2016. № 3 (25).
6. Тесленко А.В. Уголовный кодекс – инструмент репрессии или защиты добросовестных предпринимателей? // Закон. 2018. № 8.

References (transliterated)

1. Bezverxov A.G. K probleme dekriminalizacii e`konomicheskix prestuplenij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 4 (18).
2. Vitviczkaya S.S., Sokolov V.A. Problemy` dekriminalizacii deyanij v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti // Yurist``-Pravoved. 2015. № 6 (73).
3. Golovko L.V. Al`ternativy` ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave: monografiya. SPb.: Yurid. centr Press, 2002.
4. Lozinskij I.V. Koncepciya razvitiya glavy` 22 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: kriminalizaciya ili dekriminalizaciya? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 371.
5. Markelov A.G Ideya processual`nogo kompromissa kak sposoba dokazy`vaniya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Rossijskogo universiteta. 2016. № 3 (25).
6. Teslenko A.V. Ugolovny`j kodeks – instrument repressii ili zashhity` dobrosovestny`x predprinimatelej? // Zakon. 2018. № 8.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:
Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.
Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.
Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55
Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Гриб Д.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цель: Изучить особенности уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий, по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь, а также выделить факторы, обусловившие криминализацию формы хищений.

Медотология: Использовались системный анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы познания.

Результаты: В статье на основе ранее проведенных теоретических исследований относительно ключевых факторов криминализации деяний рассмотрены факторы, обусловливающие необходимость уголовно-правовой охраны хищений, совершаемых с использованием информационных технологий. На основе статистических данных представлены показатели, характеризующие преступления, совершаемые с использованием информационных технологий. Внимание акцентируется на значимости фактора общественной опасности деяния как одной из важных составляющих необходимости его криминализации.

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Статья обладает определенной научной и практической ценностью, поскольку в ней рассмотрены актуальные проблемы науки уголовного права, а также указаны основные факторы повышенной общественной опасности хищений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: социальная обусловленность, криминализация, уголовный закон, общественная опасность, хищения, совершаемые с использованием информационных технологий.

Gryb D.V.

SOCIAL CONDITIONALITY OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS ON THE THEFT COMITTED USING INFORMATION TEHNOLOGIES

Purpose: To study the peculiarities of criminal liability for theft committed using information technologies under the laws of the Russian Federation and the Republic of Belarus, and also to identify the factors that led to the criminalization of this form of theft.

Methodology: Formal, comparative and systematic approaches were used by thr authors among different methods of cognition.

Results: In the paper, the factors causing the need for criminal law protection of theft committed using information technologies are considered on the basis of previously conducted theoretical studies on the key factors of criminalization of acts. On the basis of statistical data, indicators characterizing crimes committed using information technologies are presented. Attention is focused on the significance of the social danger factor of the criminal act, as one of the important components in determining the need for its criminalization.

Novelty/**originality**/**value:** The article has certain scientific and practical value, since it deals with the actual problems of the science of criminal law, and also indicates the main factors of increased public danger of theft committed using information technologies.

Keywords: social purpose, criminalization, criminal law, public danger, theft committed using information technology.

Как отмечается в специальной литературе, в узком смысле криминализация представляет собой признание в уголовном законе деяния общественно опасным и объявление его уголовно наказуемым. Общим основанием криминализации тех или иных деяний является переоценка степени их общественной опасности вследствие воздействия на волю законодателя объективных факторов развития общества и государства, тогда как причинами криминализации деяний выступает, как правило, отсутствие закрепления в уголовном законе новых, сравнительно недавно возникших угроз объектам (обособленным сферам общественных отношений), находящимся под уголовно-правовой охраной [1, с. 59; 2, с. 271; 3, с. 28].

Н.Ф. Кузнецова на основе анализа норм Особенной части УК России и всех признаков составов предусмотренных в них преступлений в совокупности приходит к выводу, что общественная опасность представляет собой специфическое свойство преступления, которое позволяет отграничивать преступления от непреступных правонарушений и малозначительных деяний [4, с. 68]. Говоря о значении общественной опасности как специфического свойства преступления, автор неоднократно повторяет тезис о том, что именно

общественная опасность позволяет отграничивать преступления от непреступных правонарушений и малозначительных деяний [5, с. 265].

Н.Е. Крылова также придерживается той позиции, что лишь преступления обладают таким уровнем «вредоносности», которую законодатель именует общественной опасностью. Другие же правонарушения ею не обладают [6, с. 724]. По мнению Е.В. Епифановой, «именно общественная опасность выступает в роли признака, позволяющего отграничить преступления от иных правонарушений: административные правонарушения, гражданско-правовые деликты являются вредными для общества или конкретного лица, асоциальными, но не общественно опасными» [7, с. 37].

Таким образом, можно утверждать, что криминализация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий, обусловлена возросшей в последние годы степенью общественной опасности данной категории преступлений. В свою очередь информационные технологии используются во многих сферах преступной деятельности, при этом в абсолютном большинстве случаев лица не знают друг друга в реальной жизни, и их взаимодействие реализуется посредством виртуальных средств идентификации [8, с. 18].

В частности, В.В. Белокопытов и В.М. Филиппенков обращают внимание на то, что сегодня одновременно с ускорением процессов получения и обмена информацией происходит создание новых и усовершенствование уже известных способов и средств совершения преступлений и применяемых при этом технических устройств. В отношении хищений это выражается в том, что если традиционно основным способом совершения данной категории общественно опасных деяний являлось применение насилия или угроза его применения, то в современном мире «пальма первенства» принадлежит такому способу совершения преступлений, как использование лжи или обмана [9].

Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, общее число преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в 2017 году увеличилось с 65 949 до 90 587, а их доля от числа всех зарегистрированных в России преступных деяний составляет 4,4 %, т. е. это почти каждое двадцатое преступление. Одновременно весьма существенно увеличилось число преступлений, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ (мошеннические действия, совершенные с использованием электронных средств платежа): их количество в первом полугодии 2018 г. возросло в 7 раз [10].

По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, более 2/3 преступлений (2318, или 74,8 %), выявленных в сфере высоких технологий в 2017 году, относятся к хищениям путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК РБ). В 2018 году хищения путем использования компьютерной техники составили 75,8 % от общего числа преступлений, выявленных в сфере высоких технологий, а их число увеличилось до 2996. При этом сумма установленного материального ущерба от преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, в 2018 году составила 1 170 200 белорусских рублей [11].

Отдельно следует отметить, что довольно высокий удельный вес киберпреступлений совершается несовершеннолетними и при их соучастии: по данным МВД Беларуси, в 2017 и 2018 годах их число составило 116 и 55 соответственно. Н.И. Лимож и М.В. Косович обращают внимание на то, что совершение рассматриваемых преступлений несовершеннолетними осуществляется с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, поскольку возможности удаленного доступа облегчают совершение преступлений и помогают скрыть следы преступного деяния. Характерным примером могут послужить действия несовершеннолетнего, который, действуя в сговоре с неустановленным лицом, с использованием реквизитов банковских пластиковых карточек, эмитированных банками Италии и США, совершил хищение денежных средств на общую сумму 22,7 млн белорусских рублей посредством интернет-ресурса, принадлежащего обществу с ограниченной ответственностью. Преступники вводили в компьютерную систему процессингового центра заведомо ложную информацию о распоряжении денежными средствами, находящимися на банковских счетах, якобы уполномоченными на это лицами, что было сопряжено с несанкционированным доступом к компьютерной информации о банковских счетах. Хищение совершалось путем перевода денежных средств с карт-счетов указанных банковских карточек на счета абонентов операторов мобильной связи Республики Беларусь [12].

В этой связи подчеркнем, что в ч. 2 ст. 27 УК Беларуси хищение путем использования компьютерной техники включено в перечень преступлений, нижний порог возраста уголовной ответственности за которые установлен в 14 лет. Однако российский уголовный закон (ч. 2 ст. 20 УК России) не рассматривает составы, предусмо-

тренные ст. 159.3 и 159.6, в качестве преступления, за которое уголовная ответственность наступает с 14 лет.

Общественная опасность рассматриваемых преступлений также обусловлена тем, что использование лжи и обмана при совершении хищений может обладать различной степенью общественной опасности, при этом она многократно повышается за счет использования преступниками потенциала программно-технического комплекса. В частности, специальный состав хищения, предусмотренный ст. 212 УК РБ и ст. 159.3 УК РФ, будет иметь место в преступных действиях, направленных на получение PIN-кодов пользователей банковских карт и электронных кошельков потерпевших. В данном случае злоумышленники считывают данные банковских карт клиентов, а также изготавливают их дубликаты, которые впоследствии продают по низкой цене в другие регионы, минимизируя тем самым риски обнаружить себя [13].

Таким образом, повышенная общественная опасность хищений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, обусловлена их транснациональным характером. Кроме того, о повышенной общественной опасности данной разновидности хищений свидетельствуют такие факторы, как высокая латентность такого рода посягательств и объективные сложности уголовно-процессуального доказывания [9].

В этой связи обратим внимание на различие подходов белорусского и российского законодателей к уголовно-правовой регламентации хищений с использованием информационных технологий. Российский уголовный закон использование компьютерной техники рассматривает в качестве особого способа (средства) совершения преступления против собственности, причем данный критерий используется для выделения не отдельной формы хищения, а самостоятельной разновидности мошенничества. Одновременно в Беларуси хищение с помощью компьютерной техники оценивается как самостоятельная форма хищения, о чем свидетельствует содержание ст. 212 УК Беларуси, а также п. 1 примечаний к главе 24 уголовного закона.

Подход российского законодателя заключается в следующем: фактически хищение путем использования компьютерной техники по своей объективной стороне сводится к такой форме хищения, как мошенничество. При этом в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» также разъясняется, что в любом случае данное хищение возможно лишь посредством компьютерных манипуляций, заключающихся в обмане потерпевшего или лица, которому имущество вверено или под охраной которого оно находилось, с использованием системы обработки информации [14]. Таким образом, приведенная позиция Верховного Суда Республики Беларусь, по сути, сводит все возможные формы хищения, по которым уголовная ответственность наступает по ст. 212 УК Беларуси, к мошенничеству.

В то же время не до конца ясно, почему российский законодатель ограничился выделением специальных составов только для мошенничества, тогда как иные формы хищения (вымогательство, грабеж), совершаемые с использованием компьютерных технологий, квалифицируются в рамках соответствующих частей ст. 161, 163 УК РФ. С одной стороны, широкая распространенность мошенничества посредством использования современных информационных технологий обусловлена, в частности, тем, что, используя возможности сети Интернет, злоумышленники получают доступ к гораздо более широкому кругу потенциальных жертв, а также удаленный доступ к серверам, хранилищам данных, базам данных и информационным ресурсам большого числа компаний, банков, финансовых учреждений и т. д. С другой стороны, санкции за «традиционное» мошенничество и мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренные ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ, в большинстве своем совпадают.

Принимая во внимание данные обстоятельства, можно утверждать, что единственным критерием для обособления специальных составов хищения с использованием компьютерной техники (ст. 212 УК Беларуси), мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК России) и мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК России) является способ совершения преступления.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что установление уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий, в России и Белоруссии обусловлено таким их признаком, как общественная опасность. Данный признак присущ преступлениям, является их ключевой характеристикой, тогда как иные правонарушения подобной степенью вредоносности по отношению к охраняемым уголовным законом общественным отношениям не обладают.

Более того, хищения, совершаемые с использованием информационных технологий, относятся к преступлениям против собственности, а их криминализация обусловлена значимостью отношений собственности и ее правовой природой как абсолютного вещного права, гарантированного Конституцией. Соответственно, в настоящее время российским и белорусским законодателем установлен общий уголовно-правовой запрет. Необходимость установления уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий, обусловлена спецификой способов и средств совершения данных преступлений против собственности, их совершением группой лиц, в том числе – с вовлечением в преступную деятельность несовершеннолетних. Кроме того, о повышенной общественной опасности данной разновидности хищений свидетельствуют такие факторы, как их транснациональный характер, высокая латентность такого рода посягательств на отношения собственности и объективные сложности уголовно-процессуального доказывания.

Пристатейный библиографический список

1. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987.
2. Лопашенко Н.А. Уголовная политика: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009.
3. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
4. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005.
5. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
6. Крылова Н.Е. Существует ли уголовное право «в широком смысле слова» // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права, 27–28 мая 2010 г. М.: Проспект, 2010. С. 721–727.
7. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
8. Дмитренко А.П., Русскевич Е.А. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5 (61). С. 18.
9. Белокопытов В.В., Филиппенков В.М. Особенности совершения и предупреждения киберпреступлений // ИБ «Комментарии законодательства». Минск: ООО «ЮрСпектр», 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс Беларусь».
10. О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, коммуникационных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104.
11. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://mvd.gov.by/main.aspxguid-3311.
12. Лимож Н.И., Косович М.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты преступлений, связанных с несовершеннолетними // ИБ «Комментарии законодательства». Минск: ООО «ЮрСпектр», 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс Беларусь».
13. Хилюта В.В. Отграничение состава преступления, предусмотренного ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь, от иных составов преступлений // ИБ «Комментарии законодательства». Минск: ООО «ЮрСпектр», 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс Беларусь».
14. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 8, 6/311.

References (transliterated)

1. Korobeev A.I. Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika: problemy` kriminalizacii i penalizacii. Vladivostok: Izd-vo Dal`nevost. un-ta, 1987.
2. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika: monografiya. M.: Volters Kluver, 2009.
3. Lopashenko N.A. Osnovy` ugolovno-pravovogo vozdejstviya: ugolovnoe pravo, ugolovny`j zakon, ugolovno-pravovaya politika. SPb.: Yurid. centr Press, 2004.
4. E`nciklopediya ugolovnogo prava. T. 3: Ponyatie prestupleniya. SPb.: Izdanie professora Malinina, 2005.
5. Polny`j kurs ugolovnogo prava: v 5 t. / pod red. A.I. Korobeeva. T. 1: Prestuplenie i nakazanie. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2008.
6. Kry`lova N.E. Sushhestvuet li ugolovnoe pravo «v shirokom smy`sle slova» // Nauchny`e osnovy` ugolovnogo prava i processy` globalizacii: materialy` V Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava, 27–28 maya 2010 g. M.: Prospekt, 2010. S. 721–727.
7. Epifanova E.V. Obshhestvennaya opasnost` kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel`naya definiciya: istoriya i sovremennost`: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012.
8. Dmitrenko A.P., Russkevich E.A. O netipichny`x aspektax souchastiya v prestupleniyax, sovershaemy`x s ispol`zovaniem informacionno-kommunikacionny`x texnologij // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2017. № 5 (61). C. 18.
9. Belokopy`tov V.V., Filippenkov V.M. Osobennosti soversheniya i preduprezhdeniya kiberprestuplenij // IB «Kommentarii zakonodatel`stva». Minsk: OOO «YurSpektr», 2019. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus Belarus`».
10. O prestupleniyax, sovershaemy`x s ispol`zovaniem sovremenny`x informacionno-kommunikacionny`x texnologij, kommunikacionny`x texnologij [E`lektronny`j resurs]. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104.

11. Oficial`ny`j sajt Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus` [E`lektronny`j resurs]. URL: http://mvd.gov.by/main.aspxguid-3311.

12. Limozh N.I., Kosovich M.V. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovy`e aspekty` prestuplenij, svyazanny`x s nesovershennoletnimi // IB «Kommentarii zakonodatel`stva». Minsk: OOO «YurSpektr», 2019. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus Belarus`».

13. Xilyuta V.V. Otgranichenie sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 212 Ugolovnogo kodeksa Respubliki Belarus`, ot iny`x sostavov prestuplenij // IB «Kommentarii zakonodatel`stva». Minsk: OOO «YurSpektr», 2019. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus Belarus`».

14. O primenenii sudami ugolovnogo zakonodatel`stva po delam o xishheniyax imushhestva: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Respubliki Belarus` ot 21 dekabrya 2001 g. № 15 // Nacional`ny`j reestr pravovy`x aktov Respubliki Belarus`. 2002. № 8, 6/311.

Проведем оценку имущества для любых целей:

✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Горобцова Ю.О.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Цель: Исследование уголовно-правовых особенностей ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности при ненадлежащем исполнении лицом профессиональных обязанностей, на основе практической значимости указанных норм и научных позиций специалистов в области уголовного права.

Методология: Использовались общие, специальные и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, системно-структурный, метод конкретно-социологического анализа изучения судебной практики и другие).

Результаты: В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся уголовно-правовой характеристики рассматриваемых составов преступлений, и предложения по совершенствованию указанных норм. Исследуются особенности квалификации неосторожных преступлений против жизни и здоровья при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей на основе опубликованных материалов правоприменительной практики.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью и несет в себе практическую значимость. Положения, содержащиеся в материалах статьи, могут быть использованы при совершенствовании действующего уголовного законодательства РФ, при разработке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в процессе квалификации причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей.

Ключевые слова и словосочетания: неосторожность, тяжкий вред, профессиональные обязанности, особенности квалификации преступления, вина, ненадлежащее исполнение профессиональных функций, отграничение.

Gorobtsova J.O.

CRIMINAL LAW CHARACTERISTIC OF NEGLIGENT CRIMES RELATED TO THE VIOLATION OF PROFESSIONAL DUTIES

Purpose: To study the criminal law features of Part 2 of Article 109 and Part 2 of Article 118 of the Criminal Code of Russian Federation, providing criminal liability for causing serious harm to health or death by negligence and improper performance of professional duties, on the basis of the practical significance of these rules and scientific positions of specialists in the field of criminal law.

Methodology: General, special and private-scientific methods of research (comparative, system, the method of concrete sociological analysis of judicial practice) were used.

Results: The paper discusses the controversial issues related to the criminal law characteristics of the considered crimes and proposals to improve these rules. Features of definition of negligent crimes against life and health and improper performance of professional duties on the basis of the published materials of law enforcement practice are discussed as well.

Novelty/originality/value: The paper has scientific value and carries practical significance. The provisions contained in this paper can be used to improve the current criminal legislation of the Russian Federation, in the development of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the process of definition of causing serious harm to health or death by negligence with improper performance of professional duties.

Keywords: negligence, serious harm, professional duties, features of crime definition, guilt, improper performance of professional duties, delimitation.

Проблема борьбы с преступлениями, связанными с нарушением либо ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей, получила в последние годы широкий общественный резонанс. Средства массовой информации транслируют случаи причинения вреда здоровью, а зачастую и смерти при ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей медиками, педагогами, строителями, сотрудниками пищевой промышленности и представителями многих других профессий. В науке уголовного права данная проблема по сей день остаётся актуальной для уголовно-правового изучения и дискуссии.

Следует отметить, что наибольшую общественную опасность представляют такие ситуации ненадлежащего исполнения лицом профессиональных обязанностей, при которых причиняется смерть либо тяжкий вред здоровью человека. При анализе уголовного законодательства отчет-

ливо прослеживается вектор выведения из общих норм, предусмотренных ч. 2 ст. 118 и ч. 2 ст. 109 УК РФ, специальных норм, предусмотренных ст. 143, 215, 215.1, 216, 217.1, 218, 219, 228.2, 235, 238, 263, 263.1, 264, 266–269, 271,1, 293, 349, 350 УК РФ. Такая позиция, по мнению ряда ученых-правоведов, обусловливается необходимостью конкретизации и закрепления в уголовном законе деяний, представляющих наибольшую степень общественной опасности. Однако на деле это приводит к тому, что нормы, предусмотренные ч. 2 ст. 118 и ч. 2 ст. 109 УК РФ, на практике являются ограниченно применяемыми, а количество статей УК РФ, выведенных в разряд специальных норм, с каждым годом растет и приводит к необоснованному «раздуванию» Уголовного кодекса.

Подобной точки зрения придерживается С.В. Проценко, предлагающий в целях «оптимизации» уголовного закона дополнить ч. 2 ст. 109 УК РФ квалифицированным признаком «нарушение установленных правил безопасности» и закрепить указанный признак в редакции: «деяние, причинившее смерть по неосторожности вследствие нарушения установленных правил безопасности либо ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, наказывается...», где под нарушением установленных правил безопасности понимается: нарушение требований охраны труда; нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики; нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ; нарушение санитарно-эпидемиологических правил; производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; нарушение правил несения пограничной службы; небрежное хранение огнестрельного оружия и т. д. [5].

Изложенная правовая позиция, безусловно, имеет место быть. Однако необходимо прежде всего определиться с объектом неосторожных преступлений, связанных с нарушением профессиональных функций. Основным непосредственным объектом в ч. 2 ст. 109 УК РФ являются общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни человека, а в ч. 2 ст. 118 УК РФ – общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность здоровья человека. Одновременно в качестве дополнительного непосредственного объекта, но с альтернативным содержанием, в указанных составах преступлений следует рассматривать общественные отношения, связанные с нормальным осуществлением профессиональной деятельности в определенной сфере. Таким образом, для реализации предложений, выдвинутых С.В. Проценко, необходимо «перестроить» систему объектов ряда статей УК РФ (ст. 143, 215, 215.1, 216, 217.1, 218, 219, 228.2, 235, 238, 263, 263.1, 264, 266–269, 271,1, 293, 349, 350 УК РФ), где на первый план выходит жизнь и здоровье человека. Такой подход требует самостоятельного обоснования, возможно, на диссертационном уровне, и особого внимания исследователей в рассматриваемой области.

С объективной стороны, совершение рассматриваемых составов преступлений (ч. 2 ст. 118 и ч. 2 ст. 109 УК РФ) возможно как в форме действия, так и бездействия. Для бездействия, как пассивной формы преступного поведения, характерен отказ от исполнения либо недобросовестное выполнение профессиональных функций. Анализ объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 118 УК РФ, показывает, что для установления факта ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, породившего наступление общественно опасных последствий, выразившихся в причинении тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, важным является анализ содержания полномочий лица – субъекта указанных преступлений с учётом его должности и возложенных на него правовых предписаний, закрепленных в должностной инструкции (регламенте).

В этом отношении характеристика субъекта рассматриваемых преступлений приобретает важное значение, где значимым является не только установление вменяемости лица, но и наличие специальных требований, позволяющих выделять данную категорию с учетом содержания выполняемых профессиональных функций, свидетельствующих об их особом правовом статусе [2]. Однако наличие особого статуса, вопреки убеждениям ряда ученых-правоведов, вовсе не следует рассматривать как нарушение принципа равенства всех перед законом и судом. Согласно позиции Конституционного Суда федеральный законодатель должен исходить из требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, что не исключает конституционно оправданную целесообразность при конструировании новых составов преступлений, а также основываться на учете фактического состояния общественных отношений в конкретно-истори-

ческих условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан, обеспечивая при этом соразмерность уголовной ответственности защищаемым уголовным законом ценностям при соблюдении конституционных принципов равенства [4].

Справедливо мнение В.И. Михайлова, который утверждает, что нормой для всякой профессии (должности) является ее безвредное исполнение, а причинение вреда рассматривается как крайняя вынужденная мера, без которой невозможно достичь целей профессии (должности). Если имеются пути осуществления профессиональной (служебной) деятельности без причинения вреда, но соответствующее лицо этой возможностью не воспользовалось, а наоборот, применило средства, повлекшие ущерб правоохраняемым отношениям, то его действия нельзя признать правомерными [3].

Квалификация деяний причинения тяжких последствий при ненадлежащем исполнении лицом профессиональных обязанностей осложняется не только очевидной бланкетностью нормы, предусмотренной той или иной статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, но и проблемой, возникающей при определении направленности умысла, а отсюда уже и формой вины. Речь в настоящей статье идет о неосторожных преступлениях, связанных с нарушением и ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей, однако ряд ученых продолжает рассматривать такого рода преступления как совершенные с двойной формой вины.

Такая позиция представляется с точки зрения логики допустимой, поскольку лицо при совершении деяния, признанного ненадлежащим исполнением профессиональной обязанности, имеет прямой умысел в отношении самого действия или бездействия, то есть намеренно нарушает специальное правило, предусмотренное инструкцией, регламентом и т. д. Интеллектуальный момент в данном случае характеризуется формулой: «осознавал» недобросовестное отношение к своим обязанностям, но умысел в отношении наступивших негативных последствий, выразившихся в рассматриваемом случае в причинении тяжкого вреда здоровью или смерти, у лица, являющегося субъектом рассматриваемых преступлений, отсутствовал. Волевой момент, выраженный в желании наступления общественно опасных последствий, отсутствует. Лицо не желает наступления общественно опасных последствий и не предвидит наступления преступного результата, возникающего по причине ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. Однако в силу своей профессиональной компетенции лицо должно было и могло предвидеть наступление вредных последствий.

По этому поводу В.И. Динека говорит следующее: «Несмотря на различия в научных подходах к определению преступлений, совершенных с двумя формами вины, нельзя такие преступления отождествлять с деяниями, совершенными по неосторожности, между которыми есть только одно сходство – это наличие неосторожной формы вины (преступное легкомыслие либо небрежность). Значительный объем правовых ошибок допускается там, где неосторожная форма вины формируется в несоблюдении или нарушении установленных правил, повлекших причинение ущерба» [1]. По его мнению, при отграничении преступлений с двумя формами вины от неосторожных преступлений следует иметь в виду следующее: а) для составов преступлений с двумя формами вины зачастую характерно причинение двух преступных последствий; б) умышленная и неосторожная форма вины характеризуют психическое отношение лица к самому деянию (умысел) и к наступившим последствиям (неосторожность); в) неосторожность, указанная в диспозиции конкретной статьи УК РФ, наряду с умышленной формой вины может характеризовать лишь отношение лица к последствию как квалифицирующему признаку преступления; г) в целом деяния, характеризуемые двумя формами вины, рассматриваются законом (ст. 27 УК РФ) как умышленные преступления [1].

Возвращаясь к рассмотрению субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 118 и ч. 2 ст. 109 УК РФ, стоит сделать акцент на анализе психической оценки преступного поведения. В этой связи необходимо устанавливать отношение лица к тому правилу, которое было им нарушено, той обязанности, которая ненадлежащим образом исполнена, и тем причинам, которые повлекли наступление общественно опасных последствий. Единство указанных признаков в субъективной стороне рассматриваемых видов преступлений образует структуру психического отношения, от детального анализа которой напрямую зависит правильная квалификация содеянного. Установление психического отношения субъекта для науки уголовного права является важной проблемой, поскольку ныне, как в науке, так и на практике, отсутствует согласованная позиция не только о формах вины, но и их содержании. Анализ изученной нами судебной практики

позволяет сделать вывод, что суды, как правило, оценивают психическое отношение субъекта к факту ненадлежащего исполнения того или иного правила, предусматривающего конкретную обязанность, без оценки отношения к негативным последствиям самого преступления. Такая позиция, несомненно, нуждается в законодательной коррекции.

Подводя итог, отметим, что нормы, содержащиеся в ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, являются не в полной мере проработанными с точки зрения правового механизма их применения. В материалах судебной практики встречаются ошибки в юридической оценке указанных преступлений. Для правильной квалификации подобного рода преступлений требуется совершенствование теории и практики применения норм как уголовного, так и отраслевого законодательства, регулирующего конкретную профессиональную сферу.

Пристатейный библиографический список

1. Динека В.И. Вина в уголовном праве: содержание и юридическое значение: учеб. пособ. М., 2015.
2. Мирошниченко Н.В., Пудовочкин Ю.Е. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: понятие, признаки, виды // Журнал российского права. 2012. № 4.
3. Михайлов В.И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // Российская газета. 2006. № 92.
5. Проценко С.В. Неосторожные преступления в области нарушения правил безопасности // Российский следователь. 2016. № 19. С. 44–46.

References (transliterated)

1. Dineka V.I. Vina v ugolovnom prave: soderzhanie i yuridicheskoe znachenie: ucheb. posob. M., 2015.
2. Miroshnichenko N.V., Pudovochkin Yu.E. Prestupleniya, svyazanny`e s narusheniem professional`ny`x funkcij: ponyatie, priznaki, vidy` // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 4.
3. Mixajlov V.I. Pravovoe regulirovanie prichineniya vreda pri pravomernom vy`polnenii professional`ny`x (dolzhnostny`x) funkcij // Advokat. 2015. № 5.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.04.2006 № 4-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti vtoroj stat`i 10 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj stat`i 3 Federal`nogo zakona «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii», Federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii» i ryada polozhenij Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, kasayushhixsya poryadka privedeniya sudebny`x reshenij v sootvetstvie s novy`m ugolovny`m zakonom, ustranyayushhim ili smyagchayushhim otvetstvennost` za prestuplenie, v svyazi s zhalobami grazhdan A.K. Ajzhanova, Yu.N. Aleksandrova i drugix» // Rossijskaya gazeta. 2006. № 92.
5. Procenko S.V. Neostorozhny`e prestupleniya v oblasti narusheniya pravil bezopasnosti // Rossijskij sledovatel`. 2016. № 19. S. 44–46.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Свиридов Р.В.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 245 УК РФ

Цель: Исследование особенностей лиц, совершающих деяния, предусмотренные ст. 245 УК РФ, на основе обобщения материалов судебной практики и научных позиций специалистов в области уголовного права.

Методология: Использовались общие, специальные и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, системно-структурный, метод конкретно-социологического анализа изучения материалов уголовных дел и другие).

Результаты: В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся субъекта преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Исследуются возрастные и социально-психологические особенности лиц, совершающих жестокие действия в отношении животных. Проанализированы мнения ученых, относящиеся к данной тематике.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью и несет в себе большую практическую значимость. Положения, содержащиеся в материалах статьи, могут быть использованы при совершенствовании действующего уголовного законодательства РФ, при разработке новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в процессе квалификации жестокого обращения с животными.

Ключевые слова: субъект преступления, жестокое обращение с животными, возраст уголовной ответственности, вменяемость, вред животным.

Sviridov R.V.

ON THE ISSUE OF SUBJECT OF THE CRIME UNDER ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE

Purpose: This paper aims to analyze the characteristics of the perpetrators committing crimes under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the basis of generalization of materials of judicial practice and scientific positions of specialists in the field of criminal law.

Methodology: General and special (comparative, system-structural, method of sociological analysis of materials of criminal cases) scientific methods were used.

Results: The paper discusses the controversial issues related to the subject of the crime under Art. 245 of the Criminal Code. The age and socio-psychological characteristics of those who commit cruel acts against animals are investigated. The opinions of scientists related to this subject are analyzed as well.

Novelty/originality/value: The paper has a high scientific value and carries great practical significance. The provisions contained in the paper can be used to improve the current criminal legislation of the Russian Federation, to develop new clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, in the process of defining cruelty towards animals.

Keywords: the subject of a crime, cruel treatment of animals, age of criminal responsibility, responsibility, harm to animals.

В статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». В связи с этим становится понятно, что законодатель закрепил три признака, которые характеризуют субъект преступления: вменяемость лица, физическое лицо, возраст уголовной ответственности.

Субъект преступления – один из неотъемлемых элементов состава любого преступления [15]. По мнению В.Г. Павлова, субъектом преступления может быть только физическое лицо, которое должно быть ответственно за свои общественно опасные деяния, совершенные им умышленно или по неосторожности [12, с. 5].

Вменяемость лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 245 УК РФ, предполагает, что физическое лицо является психически здоровым в момент совершения общественно опасного деяния, отдает отчет своим действиям и руководит ими [9, с. 51]. Представляется, что сущность вменяемости лица правильно сформулировали М.П. Карпушин и В.И. Курляндский, которые подчеркнули, что она проявляется в том, что преступник действует не только общественно опасным способом, но и со знанием дела [8, с. 265].

Понятие «физическое лицо» в УК РФ не раскрывается. В соответствии с нормами ГК РФ под физическими лицами понимаются граждане. Несмотря на то, что физическое лицо может обладать различным правовым статусом, в отдельных случаях несколькими одновременно (лицо без гражданства, беженец, иностранец и т. п.), вне зависимости от этого оно подлежит уголовной ответственности. Из этого следует, что физическим лицом является человек вне зависимости от его принадлежности к какому-либо государству.

Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными установлена с 16 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Возраст связан с вменяемостью лица, совершившего данное преступление [5]. На практике мы наблюдаем исключение законодателем возможности признания лица вменяемым до достижения им возраста привлечения к уголовной ответственности, несмотря на то, что в действительности лицо может осознавать характер совершаемых им преступных действий в отношении животного и их последствий, но с позиции закона не может рассматриваться в качестве субъекта преступления.

В настоящее время имеют место широкие споры о возрасте, с которого должна для лица наступать уголовная ответственность, в том числе и за совершение преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Одни ученые выступают за его снижение, так как убеждены, что лица, достигшие 12–13-летнего возраста, способны адекватно, обдуманно оценивать совершенные ими поступки, придерживаться определенного образа поведения и прогнозировать последствия своих действий, а запрещенность совершения ими действий, которые образуют данный состав преступления, очевидна и общеизвестна [6, 7, 11].

Другие ученые, приводя причины, повлиявшие на совершение преступлений лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (малообеспеченность семьи и отсутствие досуга), возражают против снижения возраста уголовной ответственности, так как считают, что в России отсутствует моральное право вменять в вину данной категории лиц совершение общественно опасных деяний [17]. Данную позицию поддерживают, за редким исключением, священнослужители, педагоги и психологи, которые считают, что ребенок, попав в места лишения свободы в 12 лет, обязательно туда вернется [1, 3, 10, 12]. По их мнению, применение меры наказания в виде лишения свободы означает признание своего бессилия, а на замечание, что уголовная ответственность во многих развитых странах мира за совершение тяжких и особо тяжких преступлений наступает с 10 лет, они указывают на особенность условий жизни и пребывания в Российской Федерации, начиная с рождения и заканчивая отношением к нему родителей, друзей, знакомых и т. п.

Гуманная позиция законодателя по отношению к общественной опасности деяний, совершаемых несовершеннолетними, а также недооценка степени опасности способов совершения жестокого обращения с животными, сопровождающихся цинизмом, безнравственностью, пренебрежением моральными нормами и принципами общежития, обуславливает рост противоправных действий среди лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Е.В. Бочаров предлагает разграничить возраст привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, в зависимости от степени общественной опасности действий лица, совершившего жестокое обращение с животными. В частности, если лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 245 УК РФ, то уголовная ответственность, по предложению Е.В. Бочарова, должна наступать с 16 лет, а если его действия образуют состав, предусмотренный ч. 2 данной статьи, то с 14 лет [2]. Данное утверждение кажется ошибочным, так как санкция статьи определяется содержанием диспозиции, а возраст для одного и того же преступления должен быть един.

Как видно, актуальным в уголовно-правовой науке является вопрос о понижении возраста уголовной ответственности за жестокие действия в отношении животных. В последние годы в средствах массовой информации нередко появляются сообщения об издевательствах подростками над животными, обусловленных нравственным упадком в современном российском обществе. Так, вызвала широкий общественный резонанс информация об умерщвлении не менее 15 животных двумя несовершеннолетними девушками в г. Хабаровске. Девушки забивали собак камнями, молотками, резали, выкалывали глаза, топили, распинали и вешали. В списке истерзанных животных также голуби и беременная кошка, которой вспороли живот [16].

По нашему мнению, несовершеннолетние, достигшие 14 лет, но не достигшие 16-летнего возраста, должны сознавать, что мучения, страдания, издевательства и другие проявления жестокости в отношении животных недопустимы. В связи с этим возникает необходимость внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, а именно: после слов «хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229),» дополнить текст словосочетанием «жестокое обращение с животными (статья 245),». С таким предложением солидарны 87 % респондентов, участвующих в проводимых нами социологических исследованиях.

На сегодняшний день закрепление в нормативных правовых актах возрастных рамок уголовной ответственности присуще почти всем странам мира. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г.

№ 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» закреплено, что «лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т. е. с ноля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица».

Подходить к вопросу уголовной ответственности только с календарно-возрастной меркой представляется необоснованным, так как любые возрастные рамки не учитывают индивидуальных особенностей интеллектуального развития конкретного человека, а лишь носят характер юридической функции, т. е. определяют момент, когда для лица может наступать уголовная ответственность. У людей одного возраста уровень психологического развития может радикально отличаться. В психологии используется такое понятие, как «возрастной период», который отражает уровень зрелости психических структур, свойственных лицам тех или иных возрастных категорий. Однако для решения уголовно-правовых задач он не подходит, так как возрастной период охватывает интервал в несколько лет, и у психологов нет единства взглядов по вопросу о его границах [4, с. 69].

Ряд авторов считает, что «установление возрастной границы, с достижением которой лицо обязано по закону нести ответственность за нарушение уголовно-правового запрета, ставится в зависимость от способности осознания субъектом общественной опасности деяния и наступления общественно опасных последствий и от социальной ситуации развития личности» [14, с. 149].

В случаях, когда лицо достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но в силу своих социально-психологических характеристик или социальной ситуации развития личности не способно понимать и осознавать свои действия в момент совершения им любого преступления, в том числе и преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, законодателем предусмотрена так называемая возрастная невменяемость.

Важно отметить, что закон не признает какой-либо вариант промежуточного состояния между вменяемостью и невменяемостью, тем самым относя лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать общественную опасность своего поведения и руководить им, к категории вменяемых. Если установлены признаки ограниченной вменяемости, то виновный подлежит ответственности, но в определенных случаях необходима корректировка его психического состояния в местах лишения свободы.

Актуальность вопроса защиты животных от жестокого обращения с ними повышается ежегодно. Несмотря на то, что действия, образующие состав преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, характеризуются высокой латентностью, вызывает беспокойство рост выявленных фактов таких уголовно наказуемых деяний. Это заставляет всё мировое сообщество, в том числе и Россию, предпринимать меры, направленные как на профилактику жестокого обращения с животными, так и на повышение эффективности раскрытия и расследования данных преступлений. Несовершенство уголовного законодательства в данной сфере приводит к тому, что виновные в совершении преступления привлекаются к иным видам ответственности либо невиновные привлекаются к ответственности в случаях, когда причиняли вред животным в состоянии крайней необходимости (нападение животных либо умышленные действия по использованию животных для причинений вреда другим лицам). В связи с этим требуются полноценное судебное толкование признаков субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, и рекомендации по уголовно-правовой оценке действий физических лиц при различных фактических обстоятельствах причинения вреда животным.

Пристатейный библиографический список

1. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. М.: Высшая школа, 2009. С. 74–81.
2. Бочаров Е.В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2013. С. 87–95.
3. Вартанян Г.А., Онищенко О.Р. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности // Вестник Омского университета. Право. 2017. № 1 (50). С. 206–210.
4. Давыденко А.В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом их возраста // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 69.
5. Дайшутов М.М., Динека В.И. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 127–131.
6. Еременкова Ю.И. Снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних: за и против // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 361–362.
7. Кадников Н.Г. О некоторых проблемах уголовного законодательства Российской Федерации // Уго-

ловному кодексу Российской Федерации 10 лет / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2012. С. 228.

8. Карпушкин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. С. 265.

9. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. С. 51.

10. Любавина М.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии // КриминалистЪ. 2010. № 2 (7). С. 10–18.

11. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 581.

12. Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве. СПб., 1999. С. 5.

13. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 71.

14. Тищенко А.О. Конституционные основания установления признаков субъекта преступления // Общество и право. 2009. № 4. С. 149.

15. Уголовное право России: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 109–120.

16. Хабаровские живодерки: от чувства безнаказанности до скамьи подсудимых [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2017/08/25/70930/.

17. Шульга В.И., Василенко В.С. К вопросу снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 63–70.

References (transliterated)

1. Bajbarin A.A. Ugolovno-pravovaya differenciaciya vozrasta: monografiya. M.: Vy`sshaya shkola, 2009. S. 74–81.

2. Bocharov E.V. Ugolovnaya otvetstvennost` za zhestokoe obrashhenie s zhivotny`mi: dis. … kand. yurid. nauk. Tambov, 2013. S. 87–95.

3. Vartanyan G.A., Onishhenko O.R. K voprosu o nastuplenii vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti // Vestnik Omskogo universiteta. Pravo. 2017. № 1 (50). S. 206–210.

4. Davy`denko A.V. Osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnix s uchetom ix vozrasta // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 10. S. 69.

5. Dajshutov M.M., Dineka V.I. Priznaki sub``ekta prestupleniya i ego pravovy`e kriterii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 6. C. 127–131.

6. Eremenkova Yu.I. Snizhenie vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnix: za i protiv // Molodoj ucheny`j. 2015. № 17. S. 361–362.

7. Kadnikov N.G. O nekotory`x problemax ugolovnogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii // Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii 10 let / pod red. N.G. Kadnikova. M., 2012. S. 228.

8. Karpushkin M.P., Kurlyandskij V.I. Ugolovnaya otvetstvennost` i sostav prestupleniya. M.: Yurid. lit., 1974. S. 265.

9. Kochoi S.M. Ugolovnoe pravo. Obshhaya i Osobennaya chasti: kratkij kurs. M.: Kontrakt, Volters Kluver, 2010. S. 51.

10. Lyubavina M.A. Ugolovnaya otvetstvennost` nesovershennoletnix, otstayushhix v psixicheskom razvitii // Kriminalist``. 2010. № 2 (7). S. 10–18.

11. Osokin R.B. Teoretiko-pravovy`e osnovy` ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv obshhestvennoj nravstvennosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. S. 581.

12. Pavlov V.G. Sub``ekt prestupleniya v ugolovnom prave. SPb., 1999. S. 5.

13. Pavlov V.G. Sub``ekt prestupleniya. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2001. S. 71.

14. Tishhenko A.O. Konstitucionny`e osnovaniya ustanovleniya priznakov sub``ekta prestupleniya // Obshhestvo i pravo. 2009. № 4. S. 149.

15. Ugolovnoe pravo Rossii: uchebnik: v 2 t. T. 1: Obshhaya chast` / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. N.G. Kadnikova. M.: ID «Yurisprudenciya», 2018. S. 109–120.

16. Xabarovskie zhivoderki: ot chuvstva beznakazannosti do skam`i podsudimy`x [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2017/08/25/70930/.

17. Shul`ga V.I., Vasilenko V.S. K voprosu snizheniya vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti dlya nesovershennoletnix // Territoriya novy`x vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i servisa. 2016. № 1. S. 63–70.

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Трубин Е.М.

СОКРЫТИЕ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ч. 1 ст. 325 УК РФ

Цель: Изучить российское уголовное законодательство и судебную практику по вопросу об ответственности за сокрытие предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ, выявить проблемы правоприменения и дать рекомендации.

Методология: Использовались такие методы, как диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-правовой метод, анализ документов.

Результаты: На основании анализа доктрины уголовного права и судебной практики автором делается вывод о реальной общественной опасности сокрытия официальных документов, печатей (штампов), в том числе в отношении электронных документов. Сделан вывод о невозможности определить понятие «сокрытие» с использованием в определяющем понятии таких категорий, как утаивание, утайка, перемещение, хранение, выведение из законного обладания, так как они (каждая в отдельности) являются слишком узкими для определения понятия «сокрытие».

Новизна/оригинальность/ценность: Значимость проведенного исследования заключается в определении основных признаков сокрытия предметов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ, формулировании авторского определения понятия «сокрытие», в том числе в отношении электронных документов.

Ключевые слова: преступление, объективная сторона, сокрытие, преступления против порядка управления.

Trubin E.M.

CONCEALMENT OF AN OBJECT OF THE CRIME UNDER PART 1 OF ART. 325 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: To study the Russian criminal law and judicial practice on the issue of liability for concealing the object of a crime under Part 1 of Article 325 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to identify problems of law enforcement and give recommendations.

Methodology: Metods of diaalectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, legalistic method, analysis of documents were used.

Results: Based on the analysis of the doctrine of criminal law and judicial practice, the author concludes that there is a real public danger of concealment of official documents, seals (stamps), including in relation to electronic documents. The conclusion is made that it is impossible to define the concept of «concealment» using such categories as concealment, transfer, storage, deduction from legal possession, since they (each separately) are too narrow to define the concept of «concealment».

Novelty / **originality** / **value**: The significance of the study lies in the determination of the main signs of hiding the objects of the crime provided by Part 1 of Article 325 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as in author's definition of the concept of «concealment», including in relation to electronic documents.

Keywords: crime, objective side of a crime, concealment, crimes against the order of management.

Сокрытие в ч. 1 ст. 325 УК РФ является альтернативно указанным действием в отношении официальных документов, печатей (штампов). По мнению Л.А. Букалеровой, это противоправное деяние ввиду отсутствия правоприменительной практики «не обладает реальной общественной опасностью и не имеет практического применения» [5, с. 370]. На наш взгляд, такое понимание небесспорно. Так, Р., исполняя обязанности начальника ОГИБДД, сокрыл материал об административном правонарушении, собранный по факту управления трактором без прохождения предрейсового медицинского осмотра. Судом его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 325 УК РФ как сокрытие официальных документов, совершенное из иной личной заинтересованности [19]. Бывшей судье было вменено в вину, что она в целях скрыть следы преступления хранила материалы дела в своем служебном сейфе [1]. Кроме того, следует учитывать высокую латентность этого преступления, особенно в отношении электронных документов (ЭД).

Большинство ученых под сокрытием официальных документов, печатей (штампов) понимает их утайку (утаивание) [14, с. 7; 27, с. 432]; утаивание без изъятия (похищения) [2, с. 250; 15, с. 404]; утаивание, не позволяющее (исключающее возможность) ими пользоваться (использовать по назначению) [11, с. 55; 8, с. 583].

С этим трудно согласиться. В русском языке сокрытие означает то же, что и скрытие [22, т. 14, с. 179; 3, с. 415], а сокрывать – это скрывать [22, т. 14, с. 198]. Скрытие является действием по значению глагола «скрыть» и «скрыться» [22, т. 13, с. 1079].

«Скрывать» имеет несколько значений: 1) прятать; 2) не давать возможности другим заметить, обнаружить; 3) делать что-либо невидимым, недоступным взору, заслонять, закрывать; 4) утаивать что-либо; 5) находиться, содержаться (в глубине, внутри чего-либо) [22, т. 13, с. 1074–1076]. «Скрыть» означает: 1) спрятать, чтобы кого-нибудь не обнаружил; 2) утаить, сделать незаметным [13, с. 726; 3, с. 403]. В то же время утайка – это действие по значению глагола «утаивать, утаить» [22, т. 16, с. 1019], а утаивание – действие по значению глагола «утаивать» [22, т. 6, с. 1017]. «Утаивать» имеет несколько значений: 1) сохранять в тайне, скрывать; 2) прятать; 3) тайно присваивать [22, т. 16, с. 1018].

Таким образом, большинство значений синонимичных глаголов «утаивать» и «скрывать» совпадают. Кроме того, слово «скрывать» определяется как «утаивать» (четвертое значение), а «утаивать» – как «скрывать» (первое значение). Слова «утайка», «утаивание» являются синонимами слова «сокрытие», обозначают одно и то же понятие, способны заменить друг друга в сходных контекстах [29, с. 27], поэтому не могут быть использованы в качестве ближайшего рода для определения понятия «сокрытие». Кроме того, если утаивание, сопряженное с похищением, можно легко себе представить, то утаивание, позволяющее законному держателю использовать предметы по назначению, на наш взгляд, невозможно.

Традиционно сокрытие определялось как перемещение предметов в такое место, которое неизвестно (должностному) лицу, в ведении которого они находились [23, с. 509]. По мнению современных авторов, под сокрытием также понимается перемещение предметов в такое (другое) место: где доступ к ним полномочного лица затруднен или вовсе исключен, невозможен [21, с. 93; 6, с. 609]; о котором не знает должностное лицо или технический работник учреждения, в ведении которого документы, штампы, печати находятся [25, с. 863]. «При сокрытии, – полагают И.Я. Козаченко и Г.П. Новоселов, – предполагается изменение не самих документов, штампов или печатей, а их места нахождения, вследствие чего они, так же, как и при уничтожении, не могут быть использованы владельцем» [7, с. 269]. О том, что при сокрытии виновный выводит предметы из фактического владения законного обладателя, пишет Е.В. Лошенкова [26, с. 635].

На наш взгляд, такие определения являются не классическими определениями через ближайший род, а генетическими определениями, сущность которых «заключается в указании возникновения и образования предмета» [4, с. 143], указывает на «способ образования или происхождения определяемого предмета, который принадлежит только данному предмету и никому другому» [10, с. 59].

При таком понимании исключаются часто встречающиеся случаи, когда «печать, штамп, документ находится там, где ему и надлежит, но не предъявляется соответствующим лицам или органам по их требованию» [28, с. 696]. Так, главный бухгалтер О. признана виновной в сокрытии официальных документов, совершенном из иной личной заинтересованности (ч. 1 ст. 325 УК РФ). В целях воспрепятствования законной деятельности сотрудников СУ при прокуратуре она изготовила и подписала акт об уничтожении бухгалтерских документов, который, утвержденный начальником, затем предъявила [20].

Некоторые исследователи в своих определениях совмещают изложенные варианты и под сокрытием понимают, например, их утайку или перемещение [9, с. 208]. «В одних случаях печать, штамп, документ находится там, где ему и надлежит, но не предъявляется соответствующим лицам или органам по их требованию, – пишет З.А. Незнамова, – в других – предмет перемещается, но без признаков похищения (директор предприятия сам передает печать другому лицу и просит его сохранить)» [28, с. 696]. Н.И. Мацнев также полагает, что сокрытием «считается утаивание официальных документов, штампов или печатей без их изъятия (похищения)» и, одновременно, что «сокрытие означает перемещение их из места хранения в другое место, о котором не знает лицо, в ведении которого официальные документы, штампы или печати находятся» [15, с. 404].

Положительным качеством этих определений является то, что авторы косвенно подтверждают невозможность определить «сокрытие» одним родовым понятием, а именно утаиванием, утайкой, перемещением или хранением.

Под сокрытием М.И. Ковалев понимал «хранение документа в ненадлежащем месте так, что должностное лицо, которое ведает этим документом, не может им пользоваться» [12, с. 385]. Об утаивании предмета, хранении его в таком месте, в котором доступ к нему полномочного лица (владельца) затруднен или исключается вообще, пишут Т.Г. Понятовская и А.И. Чучаев [16, с. 48]. Так, П. после увольнения с должности директора из мести не передала и.о. директора печать и штамп, сокрыла их, доставив к себе домой, и не позволила пользоваться ими. Во время обыска в

ее домовладении печать и штамп были обнаружены и изъяты. П. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ [17].

Однако из этих определений неясно, что понимается под термином «хранение»: договор хранения, предусмотренный главой 47 ГК РФ, или хранение, понимаемое как сбережение, содержание в безопасности, целостности [13, с. 869]. Конечно, хранение (сбережение) в ненадлежащем месте может быть способом сокрытия, в том числе для электронных документов (например, когда ЭД перемещается в другую папку, на иной диск и не может быть найден стандартными средствами поиска). Однако оно не охватывает случаи, когда предмет находится в надлежащем месте, но замаскирован, а в случае ЭД – изменено наименование и (или) расширение файла.

Л.А. Букалерова определяет «сокрытие» как «временное лишение возможности законного владельца пользоваться документом, сопряженное с установлением незаконного контроля над ним» и, одновременно, как «удержание, контролирование места нахождения документа при наличии обязанности его возвращения законному владельцу» [5, с. 369].

Из данных определений неясно: а) почему не будет являться сокрытием (простое, не сопряженное) временное лишение возможности законного владельца пользоваться документом; б) какова минимальная и максимальная протяженность этой «временности», чтобы сокрытие признать оконченным; в) что понимается под удержанием, контролированием места нахождения: хранение (ст. 866 ГК РФ), удержание (ст. 359 ГК РФ)?

Рассмотрев предложенные в доктрине уголовного права определения с использованием в определяющем понятии таких категорий, как утаивание, утайка, перемещение, хранение, выведение из законного обладания, временное лишение законного владельца возможности пользоваться, удержание, следует заключить, что они (каждая в отдельности) являются слишком узкими для определения понятия «сокрытие».

В этой связи более правильной является позиция Верховного Суда РФ, который, говоря об ответственности за налоговые преступления, разъяснил, что «под сокрытием денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя …следует понимать деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере» [18]. Представляется, что и термин «сокрытие» в ст. 325 УК РФ следует также определить, используя «деяние» в качестве родового понятия. На основании изложенного под «сокрытием» предметов, указанных в ст. 325 УК РФ, следует понимать неправомерное деяние, не содержащее признаков похищения, осуществляемое против или помимо воли их законного держателя или полномочного лица, направленное на воспрепятствование (ограничение или прекращение) доступа держателя или иного полномочного лица к документам (печатям, штампам).

Электронные документы [24] могут быть сокрыты как при совершении действий с носителями информации, так и путем миграции (перемещения) на другой носитель, переименования папки, содержащей ЭД, изменения названия или расширения как файла ЭД, так и его электронной подписи.

На практике организация может передавать ЭД своему работнику или другой организации (государственному органу). Неправомерный отказ от возврата ЭД на электронном носителе информации, а равно неправомерный отказ от уничтожения экземпляра ЭД следует также рассматривать как сокрытие.

Пристатейный библиографический список

1. https://www.kommersant.ru/doc/3256853.
2. Агаев Г.А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. М.: Рус. яз., 1998.
4. Бакрадзе К. Логика. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1951.
5. Букалерова Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
6. Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть. М.: Юрайт, 2016.
7. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть: в 2 т. Т. 2. М.: Юрайт, 2017.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016.
9. Курс советского уголовного права: в 6 т. Часть Особенная. Т. VI. Преступления против государственного аппарата и общественного порядка. Воинские преступления / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1971.
10. Логика / под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. М.: Госполитиздат, 1956.
11. Морозов В.И., Скутин С.Л., Сумачев А.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления. Тюмень, 1999.

12. Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. М.И. Ковалева, Е.А. Фролова и М.А. Ефимова. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1964.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.

14. Поленов Г.Ф. Ответственность за похищение, подделку документов и их использование. М.: Юрид. лит., 1980.

15. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.

16. Понятовская Т.Г., Чучаев А.И. Преступления против порядка управления. Ижевск: Детективинформ, 2007.

17. Постановление от 31.03.2011 № 10-5/2011 Новооскольского районного суда (Белгородская область) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Ld7ASGmpwymJ.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» (п. 20) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

19. Приговор от 04.04.2017 по делу № 1-4/2017. Цивильский районный суд (Чувашская Республика) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/RH2U9aRyiwHb.

20. Приговор от 11.08.2011 № 1-128\2011Г Гулькевичского районного суда (Краснодарский край) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/D6y8pZSZQ05R.

21. Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации. Ростов н/Д: РЮИ РПА Минюста России, 2012.

22. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Л., 1959–1965.

23. Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. П.П. Михайленко. К., 1968.

24. Трубин Е.М. Электронный документ как предмет преступления // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. В.М. Зимина и др. Симферополь, 2018. С. 140–143.

25. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / М.П. Журавлев, А.В. Наумов, С.И. Никулин и др.; под ред. А.И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.

26. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013.

27. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.

28. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: НОРМА, 2000.

29. Уемов А.И. Проблема синонимов и современная логика // Логико-грамматические очерки. М.: Высшая школа, 1961. С. 26–48.

References (transliterated)

1. https://www.kommersant.ru/doc/3256853.

2. Agaev G.A. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya (problemy` teorii i praktika primeneniya zakonodatel`stva): dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2006.

3. Aleksandrova Z.E. Slovar` sinonimov russkogo yazy`ka: prakticheskij spravochnik: ok. 11 000 sinonim. ryadov. M.: Rus. yaz., 1998.

4. Bakradze K. Logika. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo unta, 1951.

5. Bukalerova L.A. Informacionny`e prestupleniya v sfere gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya: zakonotvorcheskie i pravoprimenitel`ny`e problemy`: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2007.

6. Ivanov N.G. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`. M.: Yurajt, 2016.

7. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: v 2 t. T. 2. M.: Yurajt, 2017.

8. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j): v 2 t. T. 2 / A.V. Brilliantov, G.D. Dolzhenkova, E`.N. Zhevlakov i dr.; pod red. A.V. Brilliantova. 2-e izd. M.: Prospekt, 2016.

9. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: v 6 t. Chast` Osobennaya. T. VI. Prestupleniya protiv gosudarstvennogo apparata i obshhestvennogo poryadka. Voinskie prestupleniya / pod red. A.A. Piontkovskogo, P.S. Romashkina, V.M. Chxikvadze. M.: Nauka, 1971.

10. Logika / pod red. D.P. Gorskogo i P.V. Tavancza. M.: Gospolitizdat, 1956.

11. Morozov V.I., Skutin S.L., Sumachev A.V. Ugolovno-pravovaya xarakteristika prestuplenij protiv poryadka upravleniya. Tyumen`, 1999.

12. Nauchny`j kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RSFSR / pod red. M.I. Kovaleva, E.A. Frolova i M.A. Efimova. Sverdlovsk: Sverdl. yurid. in-t, 1964.

13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1997.

14. Polenov G.F. Otvetstvennost` za poxishhenie, poddelku dokumentov i ix ispol`zovanie. M.: Yurid. lit., 1980.

15. Polny`j kurs ugolovnogo prava: v 5 t. / pod red. A.I. Korobeeva. T. 5: Prestupleniya protiv gosudarstvennoj vlasti. Prestupleniya protiv voennoj sluzhby`. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2008.

16. Ponyatovskaya T.G., Chuchaev A.I. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya. Izhevsk: Detektivinform, 2007.

17. Postanovlenie ot 31.03.2011 № 10-5/2011 Novooskol`skogo rajonnogo suda (Belgorodskaya oblast`) // Sudebny`e i normativny`e akty` RF (SudAkt) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Ld7ASGmpwymJ.

18. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 28.12.2006 № 64 «O praktike primeneniya sudami ugolovnogo zakonodatel`stva ob otvetstvennosti za nalogovy`e prestupleniya» (p. 20) // Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 2007. № 3.

19. Prigovor ot 04.04.2017 po delu № 1-4/2017. Civil`skij rajonny`j sud (Chuvashskaya Respublika) // Sudebny`e i normativny`e akty` RF (SudAkt) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/RH2U9aRyiwHb.

20. Prigovor ot 11.08.2011 № 1-128\2011G Gul`ke-vichskogo rajonnogo suda (Krasnodarskij kraj) // Sudebny`e i normativny`e akty` RF (SudAkt) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/D6y8pZSZQ05R.

21. Saruxanyan A.R. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: obshhaya xarakteristika, voprosy` kvalifikacii. Rostov n/D: RYuI RPA Minyusta Rossii, 2012.

22. Slovar` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka: v 17 t. M.: L., 1959–1965.

23. Sovetskoe ugolovnoe pravo. Chast` Osobennaya / pod red. P.P. Mixajlenko. K., 1968.

24. Trubin E.M. E`lektronny`j dokument kak predmet prestupleniya // Problemy` primeneniya ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. V.M. Zimina i dr. Simferopol`, 2018. S. 140–143.

25. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya / M.P. Zhuravlev, A.V. Naumov, S.I. Nikulin i dr.; pod red. A.I. Raroga. 9-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2017.

26. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaya i Osobennaya chasti: uchebnik / pod red. A.I. Chuchaeva. M.: KONTRAKT: INFRA-M, 2013.

27. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaya chast`: uchebnik / pod red. V.N. Kudryavceva, A.V. Naumova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist``, 2001.

28. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: uchebnik dlya vuzov / otv. red. I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova, G.P. Novoselov. M.: NORMA, 2000.

29. Uemov A.I. Problema sinonimov i sovremennaya logika // Logiko-grammaticheskie ocherki. M.: Vy`sshaya shkola, 1961. S. 26–48.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Чашин А.Н.

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА: ИПОСТАСИ И РИЗОМНОСТЬ

Цель: В статье автором предпринята попытка осмысления вариантов проявления правовой доктрины в юридической жизни общества.

Методология: Теоретическая позиция исследователя построена на методе материалистической диалектики.

Результаты: Правовая доктрина проявляется вовне и воспринимается субъектом не только в одной из своих форм или в некоем из видов. В целях восполнения выявленной лакуны автор предпринимает попытку обосновать введение в научный оборот термина «ипостась правовой доктрины». Соотношение таких ипостасей автором рассматривается в связи с учением о суперпозиции. Далее автор приводит доводы о необходимости перехода от корневого понимания правовой системы к сетевому.

Новизна/оригинальность/ценность: Учение об ипостасях правовой доктрины как источника (формы) права выделяется автором впервые.

Ключевые слова: правовая доктрина, ризома, источник права, форма права.

Chashin A.N.

LEGAL DOCTRINE: HYPOSTASES AND RHIZOMENESS

Purpose: In the paper, the author attempted to understand the options for the manifestation of legal doctrine in the legal life of society.

Methodology: The theoretical position of the researcher is based on the method of materialistic dialectics.

Results: The legal doctrine manifests itself in outside forms, but is perceived by the subject not only in one of its forms or in some of the species. In order to replenish the identified lacunae, the author attempts to substantiate the introduction into scientific use of the term «hypostasis of legal doctrine». The correlation between these hypostases is analyzed by the author in connection with the doctrine of superposition. Further, the author argues that it is necessary to move from the root understanding of the legal system to the network one.

Novelty/originality/value: The doctrine of the hypostases of legal doctrine as a law source is introduced by the author for the first time.

Keywords: legal doctrine, rhizome, source of law, form of law.

Глубокая и качественная разработка вопроса объективации правовой доктрины как формы (источника) права испытывает ощутимый терминологический дефицит. По мнению автора, понятий «форма» и «вид» применительно к разрабатываемому предмету не вполне достаточно для полного раскрытия темы. Правовая доктрина проявляется вовне и воспринимается субъектом не только в одной из своих форм или в некоем из видов. В целях восполнения выявленной лакуны автор предпринимает попытку обосновать введение в научный оборот термина «ипостась правовой доктрины». Думается, что правовая доктрина способна выступать в трех ипостасях: быть источником права, его же формой и его же содержанием. В первой ипостаси юридическая доктрина предстает, в частности, при зарождении права, формировании его концепции, идеи. Здесь доктрина является источником права, так как порождает его, но формой права быть не может, поскольку по времени предшествует праву: юридическая доктрина уже есть (или формируется), а права ещё нет. Во второй ипостаси юридическая доктрина способна выступать в качестве формы уже сформировавшегося права с четко сформулированным нормативным содержанием. В зависимости от исторических и национальных особенностей конкретных правовых систем юридическая доктрина проявляется в виде совокупности трудов ученых юристов либо нормативных правовых актов соответствующего вида и наименования. Ко второй ипостаси юридической доктрины допустимо применение синонимичного термина «источник (форма) права». Но и это ещё не все: зрелые и массивные системы права способны сами порождать юридические доктрины, которые в этом случае становятся содержанием права. Третья ипостась юридической доктрины проявляется на практике такими характерными приметами, как закрепленные в правовых нормах доктринальные положения, в частности – легальные правовые дефиниции. При этом довольно частое сегодня явление – закрепление какого-либо научного юридического понятия в тексте нормативного правового акта – предстает по своей сути проникновением части юридической доктрины из первой ипостаси в третью. Как верно подмечено С.В. Бошно, доктрина может «потерять статус самостоятельной формы права в том случае, если законодатель перепишет в текст

нормативного акта правила, выработанные этим источником» [1, с. 278]. Этот процесс надлежит понимать именно как проникновение юридической доктрины из одной своей ипостаси в другую, как некий специфический процесс расширения ареала её существования и, одновременно, поля влияния на общественные отношения. Переходом из одной ипостаси в другую такой процесс признавать недопустимо по той причине, что легализованная дефиниция не перестаёт быть научной, т. е. при восприятии некоторого достижения юридической науки законодателем сама юридическая наука его ни в коем случае не утрачивает. Таким образом, можно убедиться, что отдельные части юридической доктрины могут проявляться одновременно как в одной характерной для этого явления ипостаси, так и сразу в нескольких.

При этом на первый взгляд может показаться, будто ипостаси правовой доктрины являются некими взаимоисключающими состояниями. Такое понимание можно преодолеть, распространив в сферу юриспруденции понятие суперпозиции, применяемое в современной квантовой физике. Суть суперпозиции заключается в «промежуточном состоянии, трансформирующемся в одно из 2 базисных состояний при измерении (в вычислительном базисе). Важно учитывать, что суперпозиционное квантовое состояние принципиально отличается от классического промежуточного состояния (например, значения «0,5»): квантовая система находится не «между» состояниями «0» и «1» (например, между основным и первым возбуждённым состояниями атома нет других состояний), а одновременно в обоих взаимоисключающих состояниях. Такая ситуация невозможна в классической физике в принципе, и при измерении (получении информации о состоянии системы классическим наблюдателем) суперпозиционное состояние с необходимостью преобразуется в одно из состояний «0», «1» [2, с. 140].

Если подобное возможно для мира элементарных частиц, то нет никаких оснований полагать запрет аналогии в сферу теоретического права, т. е. в область идеальных объектов, которые в силу самой своей идеальности обладают большей бытийной пластичностью, нежели материально-вещные объекты. Отметим, что теория суперпозиции уже вышла за пределы физики и успешно используется в ряде иных научных отраслей, к примеру в теории систем [3], филологии [4] и др. Понимание обычного положения правовой доктрины как суперпозиционного ведёт к тому, что классический наблюдатель, каковым только и может быть субъект правотворческого и правоприменительного процесса, а также пользователь права, в каждом конкретном случае получения информации о правовой доктрине воспринимает её с необходимым преобразованием в одну из описанных выше ипостасей (позиций): «источник права», «форма права», «содержание права». Но вне конкретного восприятия субъектом правоотношений или нормотворцем, т. е. при выходе за рамки классической юриспруденции, правовая доктрина находится в суперпозиции по отношению ко всем трём ипостасям, находясь не между ними, а одновременно в каждой из них даже в тех случаях, когда такое нахождение понимается классическим наблюдателем как взаимоисключающее. Если такое положение вещей для юриспруденции является далеко не общепризнанным, то для современной физики – делом привычным. Как известно, теоретическая физика в некоторый период своего развития испытала немало трудностей, связанных с фиксацией поведения элементарных частиц одновременно как собственно частиц, так и волн. Подобным образом ведут себя, в частности, фотоны: общеизвестно, что свет – это явление волнового характера, но составляющие его фотоны ведут себя как частицы; на этом основано давление света. Современная физика объясняет подобное явление в учении о корпускулярно-волновом дуализме. Физическая концепция корпускулярно-волнового дуализма предполагает, что «любая движущаяся корпускула обладает длиной волны (длиной волны де Бройля), а любой фотон обладает массой» [5, с. 61]. Представляется, что юриспруденция ещё ждёт своего Альберта Эйнштейна и не закрыта для методологических решений подобного характера, позволяющих описывать наблюдаемые явления одновременно с двух непротиворечащих одна другой позиций.

Способность правовой доктрины принимать не только одну из своих форм, но и соответствующие ипостаси, демонстрирует её роль в качестве постмодернистского, т. е. современного источника (формы) права. Как отмечается в литературе, «одним из важнейших отличительных признаков постмодернизма является использование «принципа ризомы» [6, с. 19].

«Ризома – понятие философии постмодерна, фиксирующее нелинейный способ организации целостности, оставляющий возможность для подвижности и самоконфигурирования… В любой момент времени любая линия ризомы может быть связана непредсказуемым образом со всякой другой» [7, с. 807]. Ризома постмодернизма противопоставляется корневой системе модернизма. В классической юриспруденции множество про-

явлений классической корневой структуры. В первую очередь, это система государственной власти, описывая которую, правоведы используют ту же «древесную» терминологию, именуя подсистемы (законодательную, исполнительную и судебную) не иначе, как ветвями. В правовой системе по корневому принципу выстроено законодательство, разветвляющееся от Основного закона на отрасли, подотрасли и т. п. Древовидные системы были гордостью XIX века, посредством их было упорядочено законодательство ряда европейских государств, до этого представленное в виде корпуса, т. е. «совокупности различных материалов, поддающихся классификации по предмету» [8, p. 433]. В отличие от этой модели ризома не имеет единого корня, стержня, она пронизывает бытие во многих местах. Здесь «объяснительной метафорой уже является не пирамида, а сеть» [9, p. 81]. Как пишет И.И.М. Гарсия, «мы больше не можем представлять себе право как систему, мы должны думать о нём как о сети» [8, p. 445]. Именно так обстоит дело с правовой доктриной, носителем которой является научное сообщество, которое, в свою очередь, несмотря на определенную иерархию, вовсе не централизовано и, более того, не ограничивается государственными границами. Корневой принцип построения правовой системы практически приравнивает её к системе законодательства, максимизируя действие принципа централизации. Поэтому XX в. допускал возможность многократного зарождения тоталитарных государств – для их существования достаточно централизованного законотворчества, в той или иной степени ограничивающего гражданские свободы. Так, в итальянской юридической науке доминирование нормативного правового акта называется «фашистской реликвией», т. е. таким положением, при котором «закон (т. е. законодатель) должен сказать не последнее, но единственное слово, имеющее юридическое значение» [10, p. 52]. Если же правовая норма содержится не в законе, а в доктрине, по своей сути не централизованной, а ризомной, её если и можно отменить или изменить, то это требует переобучения и перевоспитания всего юридического сообщества. При этом переобучение научной элиты, если в определенной степени и возможно, представляет собой не краткий акт (как голосование представительного органа относительно законопроекта), а процесс протяженностью в несколько десятков (как минимум) лет, к тому же не с гарантированным исходом. Отечественная история показывает, что профессура порой отчаянно сопротивляется негуманным действиям власти (реализуя «возможность неповиновения, когда государство не соответствует своему назначению» [11, с. 5]), зачастую предпочитая неэтичным сделкам изгнание или даже физическое уничтожение. Поэтому доктринально-правовые нормы обладают повышенной резистентностью против тоталитаризма, нежели правовые нормы, содержащиеся в законодательстве. Правовая доктрина, растекаясь по всему юридическому сообществу без централизованного предписания (подобного нормативному правовому акту), представляет собой проявление того, что в западной литературе описывается как переход «от правовой структуры, которая работает вдоль вертикальной линии, к горизонтально ориентированной правовой структуре» [10, p. 49]. В такой системе «юрист, который смотрел вверх и ждал окончательного слова, теперь призван смотреть понизу» [10, p. 56]. Это делает постмодернистское общество менее подверженным опасности впасть в тоталитаризм по сравнению с предшествующим состоянием. Здесь политическая власть, по своей природе подверженная разного рода акцентуациям (олигархическим и т. п.), уравновешивается тем, что в западной литературе принято именовать «юристократией» [12; 13, p. 101] или судебной демократией [14; 15]. Как любой механизм сдержек и противовесов такое проявление следует признать полезным. Постмодернизм стремится «обеспечить проведение в жизнь идеи децентрированного (ризомного) права взамен иерархического, что даст в итоге разветвленную, многомерную сеть – ризому, состоящую из множества случайно и локально развивающихся элементов» [16, с. 23], а также к созданию «законодателей и правоприменителей, освободив их от установок, заданных интересами господствующих социальных слоёв и групп» [16, с. 23].

Ризомное право проявляется, кроме доктрины, в прецеденте и обычае, которые М. Барберис характеризует как «непреднамеренные источники» [17, p. 113] права. Непреднамеренность таких источников проявляется в почти полном отсутствии влияния парламента (всегда политизированного) на содержание рождаемой правовой нормы, тогда как законопроекты почти всегда готовятся по заказу того или иного субъекта политической деятельности. Залог непреднамеренности таких источников – в невозможности мониторинга всех мест рождения доктринальных, прецедентных и обычных норм. Они появляются на свет вне пристального внимания административной власти и зачастую ставят её перед фактом своего существования. Здесь право выступает как «социальная практика, распознаваемая по спо-

собу формирования и соблюдения правил» [18, p. 126].

Вместе с тем представляется, что полная реализация воззрений постмодернистов на российской почве вряд ли целесообразна в связи с опасностью разрушения вертикали власти, однако признание за доктриной роли полноценного и притом субсидиарного источника (формы) права позволит дополнить действующую правовую систему эффективным механизмом, способным в кризисные моменты предохранить общество от очередного всплеска тирании и притеснения прав человека и основных гражданских свобод. С учётом того обстоятельства, что учеными зафиксированы предпосылки тоталитаризма, включая проявления фашизма [19, с. 627; 20, с. 80], консерватизма [21, с. 44; 22, с. 14], возрождение культа царизма [23, с. 88], национализма [24, с. 160], потенции шовинизма [25, с. 17] в современной России, в которой «народ уже не требует свободы как в 80-е годы, изрядно разочаровавшись в ней» [26, с. 29], правовая доктрина как активно и грамотно используемый источник (форма) реально действующего права, базирующегося на общепризнанных гуманистических ценностях, может стать довольно востребованной. Как верно отмечает профессор В.Н. Синюков, «правовые реформы, планируемые как изменения в содержании норм, осуществляются сообразно схеме, заданной объективным, неподвластным законодателю строением права» [27, с. 398]. Действительно, строение права законодателю если подвластно, то его изменение под влиянием законодателя представляет собой процесс весьма неспешный. Невозможность скорого изменения строения права сказывается на стабильности содержания его норм. Поскольку источники (формы) права невозможно, по сути, исключить из его строения, то следует признать за правовой доктриной способность стабилизировать базовые правовые положения.

Пристатейный библиографический список

1. Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М.: РАГС при Президенте РФ, 2005.
2. Энциклопедия для школьников и студентов: в 12 т. Т. 2. Физика. Математика / под общ. ред. Н.А. Поклонского. М.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010.
3. Абдрахманов В.Г. Содержательная интеграция как суперпозиция функциональных систем // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 6. С. 52–61.
4. Бойко М.Е. Обобщение теории фабулы: темпоральность, причинность, суперпозиция // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1. С. 31–34.
5. Пещевицкий Б.И. Корпускулярно-волновой дуализм и классическая механика // Философия науки. 2003. № 2. С. 60–73.
6. Кучменко М.А. Принцип ризомы как структурообразующий фактор постмодернистского текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 4. С. 119–122.
7. Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник РУДН. Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 805–821.
8. Garcia J.I.M. Del sistema a la red: la perspectiva del juez // Anuario de filosofia del derecho. 2016. XXXII. P. 431–450.
9. De Sanctis F.M. La voce antica del diritto oltre-moderno // Rivista di filosofia del dritto. 2015. № 1. P. 75–88.
10. Greco T. Paolo Grossi, teorico del diritto orizzontale // Rivista di filosofia del dritto. 2016. № 1. P. 47–88.
11. Мартышин О.В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 5–14.
12. Hirschl R. Towards Juristocracy – The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
13. Itzcovich G. Nobili sogni e incubi. Teorie dell'interpretazione costituzionale e contesto istituzionale // Rivista di filosofia del diritto. 2017. № 1. P. 97–118.
14. La democrazia giudiziaria / Carlo Guarnieri; Patrizia Pederzoli. Bologna: Il mulino, 1997.
15. Pizzorno A. Il potere dei giudici: stato democratico e controllo della virtù. Roma: Bari: Laterza, 1998.
16. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.
17. Barberis M. Da che parte sta il formalismo? Fra ermeneutica e realismo giuridico // Rivista di filosofia del diritto. 2015. № 2. P. 107–118.
18. Zaccaria G. Comprensione del diritto, non sul diritto // Rivista di filosofia del diritto. 2015. № 1. P. 119–126.
19. Завьялов Ю.С. Размышления по поводу теоретических суждений о тоталитаризме // Lex Russica. 2011. № 4. С. 620–627.
20. Завьялов Ю.С. Тоталитаризм как разновидность политического режима // Государство и право. 2010. № 5. С. 76–80.
21. Мартышин О.В. Конституция и идеология // Государство и право. 2013. № 12. С. 34–44.
22. Мартышин О.В. Идеология и формирование новой политической и правовой культуры в Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 9. С. 5–15.
23. Мартышин О.В. Революция и развитие российской государственности // Государство и право. 2007. № 1. С. 79–88.
24. Синюков В.Н. Приоритеты правовой политики в гуманитарной области // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4. С. 160.
25. Мартышин О.В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4. С. 9–17.
26. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 24–30.
27. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: НОРМА, 2010.

References (transliterated)

1. Boshno S.V. Forma prava: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. … d-ra yurid. nauk. M.: RAGS pri Prezidente RF, 2005.
2. E`nciklopediya dlya shkol`nikov i studentov: v 12 t. T. 2. Fizika. Matematika / pod obshh. red. N.A. Poklonskogo. M.: Belarus. E`ncykl. imya P. Broỹki, 2010.
3. Abdraxmanov V.G. Soderzhatel`naya integraciya kak superpoziciya funkcional`ny`x sistem // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2008. № 6. S. 52–61.
4. Bojko M.E. Obobshhenie teorii fabuly`: temporal`nost`, prichinnost`, superpoziciya // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2013. № 11-1. S. 31–34.
5. Peshheviczkij B.I. Korpuskulyarno-volnovoj dualizm i klassicheskaya mexanika // Filosofiya nauki. 2003. № 2. S. 60–73.
6. Kuchmenko M.A. Princip rizomy` kak strukturoobrazuyushhij faktor postmodernistskogo teksta // Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2014. № 4. S. 119–122.
7. Sinel`nikova L.N. Rizoma i diskurs intermedial`nosti // Vestnik RUDN. Lingvistika. 2017. T. 21. № 4. S. 805–821.
8. Garcia J.I.M. Del sistema a la red: la perspectiva del juez // Anuario de filosofia del derecho. 2016. XXXII. P. 431–450.
9. De Sanctis F.M. La voce antica del diritto oltre-moderno // Rivista di filosofia del dritto. 2015. № 1. P. 75–88.
10. Greco T. Paolo Grossi, teorico del diritto orizzontale // Rivista di filosofia del dritto. 2016. № 1. P. 47–88.
11. Marty`shin O.V. Politicheskaya obyazannost` // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 4. S. 5–14.
12. Hirschl R. Towards Juristocracy – The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
13. Itzcovich G. Nobili sogni e incubi. Teorie dell'interpretazione costituzionale e contesto istituzionale // Rivista di filosofia del diritto. 2017. № 1. P. 97–118.
14. La democrazia giudiziaria / Carlo Guarnieri; Patrizia Pederzoli. Bologna: Il mulino, 1997.
15. Pizzorno A. Il potere dei giudici: stato democratico e controllo della virtù. Roma: Bari: Laterza, 1998.
16. Lazarev V.V. Tolkovanie prava: klassika, modern i postmodern // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 8. S. 15–28.
17. Barberis M. Da che parte sta il formalismo? Fra ermeneutica e realismo giuridico // Rivista di filosofia del diritto. 2015. № 2. P. 107–118.
18. Zaccaria G. Comprensione del diritto, non sul diritto // Rivista di filosofia del diritto. 2015. № 1. P. 119–126.
19. Zav`yalov Yu.S. Razmy`shleniya po povodu teoreticheskix suzhdenij o totalitarizme // Lex Russica. 2011. № 4. S. 620–627.
20. Zav`yalov Yu.S. Totalitarizm kak raznovidnost` politicheskogo rezhima // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 5. S. 76–80.
21. Marty`shin O.V. Konstituciya i ideologiya // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 12. S. 34–44.
22. Marty`shin O.V. Ideologiya i formirovanie novoj politicheskoj i pravovoj kul`tury` v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 9. S. 5–15.
23. Marty`shin O.V. Revolyuciya i razvitie rossijskoj gosudarstvennosti // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 1. S. 79–88.
24. Sinyukov V.N. Prioritety` pravovoj politiki v gumanitarnoj oblasti // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie. 1997. № 4. S. 160.
25. Marty`shin O.V. Nacional`naya politicheskaya i pravovaya kul`tura v kontekste globalizacii // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 4. S. 9–17.
26. Marty`shin O.V. O nekotory`x osobennostyax rossijskoj pravovoj i politicheskoj kul`tury` // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 10. S. 24–30.
27. Sinyukov V.N. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshhuyu teoriyu. 2-e izd., dop. M.: NORMA, 2010.

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую

Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Москаленко А.И.

НОТАРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРАВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Цель: Определение природы нотариальной деятельности сквозь призму анализа и взаимодействия частноправового и публично-правового компонентов защиты права.

Методология: Использовались диалектический, формально-логический и догматический методы.

Результаты: В статье нотариальная деятельность рассмотрена в контексте реализации защиты права на общетеоретическом уровне. Установлено, что распределение объемов частного и публичного компонентов в нотариальной деятельности неравномерно. Частноправовой компонент складывается из субъективных интересов участников нотариальных отношений – граждан и юридических лиц, обращающихся за защитой своих прав и законных интересов, «свободы профессии» нотариуса и характерен для частного нотариата, что обусловлено ограничениями его ответственности. Публичный компонент реализуется в силу полномочий нотариусов, делегированных им государством, способностью путем совершения ими нотариальных действий порождать юридические факты и тем самым оказывать воздействие на соответствующие материальные и процессуальные правоотношения. Также в статье решается вопрос о соотношении нотариальной деятельности с функцией по защите права. Делается вывод, что нотариальную деятельность следует рассматривать как метод и основание правозащиты, в связи с чем выделяются два ее уровня – общий и конкретный. На общем уровне правозащита реализуется от имени государства в рамках ст. 2 Конституции РФ; на конкретном уровне – нотариусами в целях реализации субъективных прав и законных интересов граждан и организаций. Нотариальная деятельность, соединяя в себе начала публично-правовых гарантий со стороны государства и гарантий по реализации субъективных прав, является самостоятельным и специфическим правозащитным средством, а значит выступает не только в качестве основания правоотношений, но и в качестве метода осуществления правозащитной функции.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной новизной, а полученные результаты – соответствующей ценностью в связи с тем, что автор одним из первых осуществил попытку объяснения природы нотариата сквозь призму соединения частноправового и публично-правового начал в деятельности нотариуса, распределив их по уровням правозащитной деятельности.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, публично-правовые отношения, частноправовые отношения, ответственность нотариуса, нотариальные правоотношения, объективное право, субъективное право, основание правоотношения, юридический факт.

Moskalenko A.I.

NOTARY ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROTECTION OF RIGHTS: A GENERAL THEORETICAL APPROACH

Purpose: To determine the nature of notarial activity through the prism of analysis and interaction of private law and public law components of the protection of rights.

Methodology: Dialectical, logical and dogmatic methods were used.

Results: The paper considers notarial activity in the context of the implementation of the protection of the right at a general theoretical level. It is established that the distribution of volumes of private and public components in notarial activities is uneven. The private law component is made up of the subjective interests of the participants in the notarial relationship – citizens and legal entities who apply for the protection of their rights and legitimate interests; and the «freedom of profession» of a notary, which is a characteristic of a private notary, due to restrictions on his responsibility. The public component is realized by virtue of the powers of notaries, delegated by the state to them, by the ability of notaries to give rise to legal facts and thereby have an impact on the relevant material and procedural legal relations. The paper also addresses the issue of the relationship between notarial activities and the function to protect the right. It is concluded that notarial activities should be considered as a method and foundation of human rights protection, in connection with which two of its levels are distinguished - general and specific. At the general level, human rights protection is implemented from the state's name under Art. 2 of the Constitution of the Russian Federation; at a particular level - by notaries in order to exercise the subjective rights and legitimate interests of citizens and organizations. Notarial activity, combining the beginnings of public legal guarantees from the state and guarantees of the exercise of subjective rights, is an independent and specific remedy, and therefore acts not only as the basis of legal relations, but also as a method of exercising a human rights function.

Novelty/Originality/Value: The paper has scientific novelty, as the author has conducted one of the first attempts to explain the nature of the notary through the prism of the combination of private law and public law in the activities of the notary, distributing them at the levels of human rights activities.

Keywords: notary, public law relations, private law relations, notary responsibility, notarial relations, objective law, subjective right, basis of legal relationship, legal fact.

Согласно абз. 1 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) нотариат в Российской Федерации «призван обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ и другим законодательством защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации».

В данном нормативном положении законодатель в целом определил концепцию осуществления нотариальной деятельности, основанной на общеправовых принципах законности, равенства, ответственности, корпоративности и т. д. При этом одними из ключевых понятий в названной формуле являются «призвание» (нотариата) и «обеспечение защиты» (нотариатом) прав и законных интересов граждан и организаций. Исследуем данные понятия в целях определения роли и значения нотариальной деятельности в контексте реализации защиты права. Для этого определим, какова правовая природа нотариата, способна ли нотариальная деятельность порождать самостоятельные правоотношения.

1. Правовые начала нотариальной деятельности. Упомянутое понятие «призвание» не вызывает особых проблем с уяснением смысла. Оно означает, что нотариус, исходя из внутренних убеждений, высокого стремления к осуществлению нотариальной деятельности, реализует ее, подчиняясь при этом соответствующим правилам и нормам, устанавливающим единые профессиональные стандарты. Используя указанное понятие, на наш взгляд, законодатель подчеркивает, что, во-первых, статус нотариуса является добровольно избранным видом профессиональной деятельности; во-вторых, волеизъявление стать нотариусом сопряжено с необходимым уровнем профессиональной квалификации, которая является обязательной и строго регламентированной; в-третьих, призвание требует и определенной социальной и юридической ответственности в силу возложенных на нотариуса публично-правовых функций.

Термин «призвание» содержит этическую коннотацию, которая соответствует смыслу свободы профессии, нежели обязанности службы. Например, в ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» мы не найдем никакого упоминания о «призвании», кроме как в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих от 23 декабря 2010 г., в котором, в частности, оговорено, что «государственные (муниципальные) служащие, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, призваны…». Можно было бы не обращать внимания на указанную законодательную формулировку, однако ее наличие вносит в прочтение Основ определенный подтекст, предполагающий режим свободы реализации нотариальных полномочий, выбор средств, объема и механизма осуществления корпоративного и судебного контроля, который в отличие от государственной службы не является столь жестким и почти тотально проникающим в сферу не только трудовой деятельности, но и личной.

Однако не следует полагать, что более свободный режим осуществления нотариусом своей деятельности, в отличие от государственной службы, не налагает ответственности, причем не только моральной, но и правовой. Этот объективный элемент непосредственной правореализации существует как необходимый и обязательный, поскольку связан с осуществлением не частного права, а публичного. Уникальность правового статуса нотариуса в этом и заключается: он является частным лицом, призванным осуществлять защиту прав и законных интересов субъектов соответствующих правоотношений, при этом его функции и задачи носят, по существу, публичный характер, что подчеркивает законодатель, указывая на то, что нотариус основывает свою деятельность исключительно на законе и осуществляет ее от имени Российской Федерации.

На двойственную правовую природу нотариата указывает, например, А. Бегичев, говоря о том, что, с одной стороны, нотариат выполняет свои функции самостоятельно и независимо от органов государственной власти, с другой – является инструментом публичной власти, реализующим полномочия, возложенные на него законом. В этой связи задача государственного регулирования нотариата – создавать и реализовывать юридические механизмы поддержки данного института с одновременным контролем его деятельности [1, с. 31].

Таким образом, механизм деятельности нотариуса основан на единстве частного и публичного, субъективного и объективного правовых компонентов. В силу этого правомочия нотариуса корреспондируют его непосредственным обязанностям перед клиентом, нарушение которых также носит частный или публичный характер. В зависимости от того, каковы фактические обстоятельства нарушенного нотариусом законодательства, каковы последствия и особенности вины, наступает определенный законодательством вид юриди-

ческой ответственности: от гражданско-правовой до уголовной.

Еще одним признаком, указывающим на частноправовой механизм осуществления нотариусом своей деятельности, является отсутствие солидарной или субсидиарной ответственности со стороны государства в случае причинения вреда неправомерными действиями нотариуса (за исключением государственных нотариусов) (абз. 5, 6 ст. 17 Основ). В этом смысле предполагается, что частный нотариус находится в договорных (частных) отношениях с клиентом, и нарушение обязательств может быть урегулировано частноправовыми средствами: путем жалоб в нотариальную палату, суд и т. д.

Вместе с тем делегирование государством части своих полномочий нотариусам, с одной стороны, определяет эту фигуру как самостоятельную (призванную), а с другой – связанную законом (обязанную). В случае нарушения частных интересов (по ошибке, профессиональной неквалифицированности и т. д.) наступают также частноправовые последствия, основанные на гражданско-правовой ответственности, предусматривающей возмещение вреда. В случаях же наступления публичных последствий, которые определены уголовным законодательством через ряд признаков, например существенного вреда как последствия неправомерных действий со стороны нотариуса, наступает уголовно-правовая ответственность. В последнем случае связь публичного аспекта осуществления полномочий нотариусом с публичной уголовной ответственностью определяется уже в названии специально выделенной статьи Уголовного кодекса РФ: «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами».

Следует отметить, что объектом указанного преступления является отнюдь не государственная власть (в противном случае нотариус исполнял бы статус государственного служащего), а интересы службы в коммерческой или иной организации. Этого вполне достаточно, чтобы понять, что делегирование Российской Федерацией публичных полномочий нотариусу отнюдь не предопределяет всецело публичность его правового статуса. Можно сказать, что он имеет двойственный характер: с одной стороны, нотариус выполняет задачи, возложенные за него государством и в интересах личности, общества и государства, с другой – объектом правонарушения с его стороны выступают не публичные, а частные интересы.

Кроме полномочий нотариуса и пределов ответственности публичный компонент в нотариате образуют порождаемые посредством нотариальных действий юридические факты, установление и последствия которых являются общеобязательными. Эти факты не просто гипотетические и, тем самым, по самой природе оспариваемые (как это, например, характерно для адвокатской деятельности, в рамках которой доказательства, добытые защитником по уголовному делу, подлежат обязательной проверке со стороны лица, в чьи обязанности входит доказывание по уголовному делу), а являются фактами реальными для данной конкретной правовой действительности (как это происходит с обеспечительной функцией при доказывании в нотариальной деятельности).

2. Нотариальная деятельность как метод защиты права. Обратимся к немаловажному аспекту указанного положения ст. 1 Основ, согласно которому осуществление нотариальной деятельности связывается с обеспечением защиты прав и законных интересов путем совершения нотариальных действий. Из этого положения не совсем понятно, осуществляет ли нотариус защиту права либо только обеспечивает уже существующую защиту, т. е. поддерживает правовое положение граждан или организаций, реализуя необходимые обеспечительные меры, коими являются нотариальные действия. Еще более выразительным этот вопрос становится, если обратить внимание на положение ч. 1 ст. 16 Основ, где указано, что «нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов…». Исходя из логического толкования, оказание содействия означает, что нотариус напрямую и непосредственно не осуществляет защиту законных интересов, а только оказывает со-защиту. Так кто же в таком случае непосредственно осуществляет защиту, и какова при этом роль нотариуса? Еще более конкретно следует поставить вопрос следующим образом: порождают ли нотариальные действия новые правоотношения, или существенно преобразуют старые, или этого не происходит вовсе?

Взаимосвязь нотариальной деятельности с ее возможностью порождать правоотношения устанавливается нами в связи с теорией юридического факта, согласно которой последний является основанием для изменения, прекращения или возникновения правоотношений. Возьмем для примера право на оформление завещания. Юридической фактичностью обладает как само нотариальное действие по оформлению завещания, так и правовое и имущественное положение обратившегося, которое служит основанием завещания и которое, в связи с этим, можно назвать фактическим

составом завещания. Например, я обращаюсь к нотариусу, поскольку являюсь дееспособным и обладаю имуществом, которое желаю передать по наследству, – это и есть фактический состав завещания. В свою очередь, оформление самого документа посредством нотариального действия закрепляет данный фактический состав, образуя тем самым единый юридический факт – факт завещания и, как следствие, правоотношения по наследованию имущества. При этом юридическом событии материальное законодательство, определяющее права и обязанности сторон по оформлению завещания, выступает объективным основанием деятельности в соответствующем субъективному интересу направлении и непосредственно создает условия для возникновения правоотношений, но само возникновение этих правоотношений связывается исключительно с юридическим фактом завещания. Как пишет И.В. Кутюхин, «…право придает тем или иным связям объективный характер. Предусматривая возникновение и последующее развитие правоотношений вследствие наступления фактических обстоятельств, право устанавливает причинно-следственную связь между фактическими обстоятельствами и правоотношениями» [2, с. 40].

Итак, вернемся к вышеприведенному вопросу о возможности порождения правоотношений посредством нотариальных действий. Положительный ответ на него означал бы, что существуют некие правозащитные нотариальные отношения, и в таком случае будет несомненным, что защита прав и законных интересов со стороны нотариусов является свойственной им функцией, а не просто определенной формой юридического подкрепления права; соответственно отрицательный ответ свидетельствовал бы о том, что нотариат напрямую правозащитную функцию не выполняет, а значит, не порождает никаких самостоятельных правоотношений по поводу защиты права.

Здесь, считаем, уместно провести аналогию с врачебной деятельностью. Поскольку у гражданина существует право на здоровье, то к врачу обращаются за реализацией этого права, что охватывается частноправовой сферой деятельности. Лицо, если не желает лечиться, может не обращаться к врачам. Но публичный компонент, связанный с обеспечением реализации права на здоровье, состоит в том, что государство гарантирует каждому защиту его прав и свобод. Таким образом, обращаясь к врачу за реализацией права на здоровье, пациент уже находится в ситуации защиты своего права, поскольку неправомерный отказ от врачебной помощи или ее недоброкачественное оказание влечет последствия для самого врача или лечебного учреждения. То есть реализация права осуществляется только тогда, когда имеет место корреспондирующая этому праву обязанность иного субъекта правоотношения выполнить свои обязательства в надлежащем качестве и на необходимом уровне профессионализма. Обращаясь к нотариусу, лицо, которое вступает в нотариальные правоотношения (подчеркиваем, что понятие нотариальные правоотношения мы используем только в контексте частноправового волеизъявления на обращение к нотариусу как субъекту права), реализует свое право на такое обращение, что указывает на частноправовой случай или субъективное право на обращение. Не существует обязанности обращения к нотариусу. Вместе с тем в ряде случаев обращение лица к нотариусу является необходимым для реализации определенных прав, что прямо устанавливает законодатель (например, обязательному нотариальному удостоверению подлежат брачный договор (ч. 2 ст. 41 СК РФ), договор залога доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ч. 2 ст. 22 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), оформление завещания (ч. 1 ст. 1124 ГК РФ и пр.)), в отличие от пациента, для которого осуществление его права ничем не обусловлено, кроме организационно-технических моментов (прикрепление к поликлинике, оформление полиса обязательного медицинского страхования и т. п.). То есть желание реализовать право на здоровье не является, в конечном счете, обусловленным выполнением каких-либо юридически значимых действий, да и фигура врача для реализации права на здоровье также не является обязательной. Гражданин в случае факта заболевания может не обращаться к врачу, а заняться самолечением или обратиться за помощью к традиционной медицине и т. д. То есть реализация права на здоровье не есть предмет сугубо медицинской профессиональной помощи, и, тем не менее, пациент его способен реализовывать. И тогда защита права на здоровье со стороны государства будет иметь отношение к тем способам и средствам, которые заболевший выбирает для излечения.

В нотариате же невозможна альтернатива по конкретным видам реализации прав, чтобы осуществить эти права помимо деятельности нотариуса. То есть государство в этом смысле не может обеспечивать полностью защиту права, поскольку такая защита исходит лишь из факта уже реализуемого права. Например, каким образом государство способно защитить право

наследников на получение имущества, если не будет реализовано право на наследование, где непосредственной фигурой является нотариус, одним из непосредственных полномочий которого является составление и удостоверение завещания. Таким образом, наследственные правоотношения реализуются, а правовой режим и статусы наследодателя и наследников устанавливаются путем совершения соответствующего нотариального действия.

Но следует также обратить внимание еще на один момент. Дело в том, что конституционная обязанность государства защищать права и интересы гражданина является первичной по отношению к любым формам правореализации и существует до них и помимо них. Так, реализуя право на наследство, при желании стать наследодателем лицо вступает в нотариальные правоотношения. Однако здесь же необходимо помнить, что субъективное право на такое обращение исходит из объективного права на свободу распоряжения своей собственностью и гарантий со стороны государства на защиту такого права (ст. 35 Конституции РФ). Если, например, нотариус неправомерно откажет гражданину в осуществлении права на распоряжение своим имуществом, это может означать возможность обращения гражданина за судебной защитой. Так, например, согласно ч. 2 ст. 17 Основ «нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за реальный ущерб, причиненный неправомерным отказом в совершении нотариального действия».

В таком случае можно сказать, что существует как минимум два взаимосвязанных уровня защиты права лица по распоряжению своим имуществом. Если исходить из классической классификации, характеризующей отношение общего к частному, то можно определить эти уровни как общий уровень правозащитной деятельности по обеспечению права собственника по распоряжению имуществом и конкретный уровень, когда право собственности реализуется в отношении завещаемого имущества. В таком случае защита осуществляется как на общем (в силу публично-правовой функции государства, обеспечивающей права и интересы граждан и организаций), так и на конкретном уровне (в силу исполнения нотариусом соответствующих нотариальных действий).

Следовательно, механизм правореализации, непосредственным участником которого является нотариус, состоит из: 1) фактически осуществляемого режима защиты права собственности, гарантом которого выступает государство; 2) субъективного права гражданина на распоряжение своим имуществом, включающего выбор средств и способов такого распоряжения; 3) процедуры нотариального действия, без которой невозможно реализовать статус наследодателя по завещанию и, соответственно, наследника.

Отметим, что защита прав и законных интересов исходит из публично-правовой функции и является неотъемлемой гарантией со стороны государства практически в любой сфере правореализации. Однако субъективное право, исходной основой для которого выступают законные интерес и воля гражданина, может быть реализовано на конкретном уровне через процедуры, являющиеся необходимыми для целей воплощения законного интереса. В этом состоит взаимосвязь публичного участия в реализации права граждан и частноправовой сферы: без наличия государственных гарантий невозможно реализовать частный интерес. Так, если для лица не гарантируется право на здоровье, то реализовать субъективное право становится фактически невозможно, или действия по такой реализации не будут обеспечены с точки зрения гарантии полноценного и объективного исполнения. Так же и в нотариате. Отсутствие гарантий на свободное и беспрепятственное распоряжение имуществом фактически делает нотариат в функциональном смысле беспомощным и бесполезным. Так, каждый нотариус сможет под каким-то предлогом отказать в проведении процедуры завещания, и более того, вне сферы публично-правовых гарантий все нотариальные действия окажутся лишь пустой тратой времени и средств.

Нотариус не является первоначальным источником защиты права, но в его деятельности соединяются общий и конкретный уровни правореализации, благодаря чему он обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий. Именно на конкретном уровне, в процессе реализации субъективного права, обращение к нотариусу служит необходимым условием определяемых законом правоотношений, поэтому нотариальная деятельность порождает внутри существующих публичных правоотношений более конкретные – частно-публичные правоотношения, которые служат дополнительной гарантией к основной государственной обязанности по защите права собственности и в рамках которых устанавливается особый правовой режим нотариальной защиты.

Подведем итог. Правовой статус нотариуса характеризуется двойственной нормативной

природой, которую образует сочетание частноправового и публично-правового компонентов. Частноправовой компонент реализуется из субъективных интересов участников нотариальных отношений: граждан и юридических лиц, обращающихся за защитой своих прав и законных интересов; «свободы профессии» нотариуса, ограниченного характера его ответственности. При этом важно подчеркнуть, что более выраженный характер частноправовой компонент приобретает в деятельности частных нотариусов, что обусловлено ограниченной степенью их ответственности (государство не отвечает за вред, причиненный нотариусами в ходе осуществления ими профессиональной деятельности). Публичный компонент реализуется в силу полномочий нотариусов, делегированных им государством, способностью путем совершения ими нотариальных действий порождать юридические факты и тем самым оказывать воздействие на соответствующие материальные и процессуальные правоотношения. Нотариальные действия, соединяя в себе начала публично-правовых гарантий со стороны государства и гарантий по реализации субъективных прав, являются самостоятельным и специфическим правозащитным средством, без которого невозможно осуществление законных интересов лиц. А значит нотариальная деятельность выступает не только в качестве основания правоотношений, но и в качестве метода осуществления правозащитной функции. В качестве метода правозащиты нотариальные действия выступают на общем уровне правореализации, т. е. они (нотариальные действия) являются одним из множества способов осуществления публичного права. Основанием же для правозащитной функции нотариальные действия становятся в том случае, когда реализуется субъективный интерес, направленный непосредственно на реализацию отдельных положений законодательства (объективного права).

Пристатейный библиографический список

1. Бегичев А.В. Правозащитная деятельность нотариата в сфере соблюдения прав и законных интересов участников гражданского оборота при обеспечении доказательств: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015.
2. Кутюхин И.В. О связи юридического факта и правоотношения // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 38–41.

References (transliterated)

1. Begichev A.V. Human rights activities of the notary in the field of compliance with the rights and legitimate interests of participants in civil turnover while providing evidence: dis. ... d-ra legal sciences. M., 2015.
2. Kutyukhin I.V. On the relationship of legal fact and legal relations // Leningrad legal journal. 2006. № 2 (6). S. 38–41.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Канатов Т.К.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Цель: Исследовать актуальные проблемные вопросы правового статуса субъектов авторского права и смежных прав в странах ЕАЭС.

Методология: При написании статьи были применены системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы.

Результаты: Предложения и выводы, полученные в результате проведенного анализа, основаны на международном законодательстве, а также нормативно-правовых актах стран ЕАЭС, действующих на данный момент. Высокая актуальность и практическая значимость данной статьи обусловлены проведением анализа правового статуса субъектов авторского права и смежных прав в странах ЕАЭС.

Особая значимость данного исследования заключается в том, что выработанные теоретические положения в будущем могут быть использованы при изучении и рассмотрении проблем правового статуса субъектов авторского права и смежных прав в странах ЕАЭС. Проведенное исследование вносит весомый вклад в теоретическую часть гражданского права.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотрения актуальных проблемных вопросов правового статуса субъектов авторского права и смежных прав в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, исключительное право, евразийский, экономический.

Kanatov T.K.

FEATURES OF LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

Purpose: To analyze the current issues of the legal status of subjects of copyright and related rights in the EAEU countries.

Methodology: System, legalistic, historical, comparative and statistical methods were used.

Results: The proposals and conclusions are based on the analysis of international law, as well as the regulatory legal acts of the Eurasian Economic Union countries in force at the moment. The relevance and practical significance of this article is high due to analyzing the legal status of subjects of copyright and related rights in the EEU countries.

The special significance of this study lies in the fact that the developed theoretical principles of this work can be used in the future for the purpose of further studying and considering issues and problems of the legal status of copyright and related rights in the EEU countries. Therefore, by the research the author contributes significantly to the theoretical part of civil law.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, since it is one of the first attempts to consider topical problematic issues of the legal status of subjects of copyright and related rights in the EEU countries.

Keywords: copyright, related rights, exclusive right, Eurasian, economic.

В юридической науке авторское право традиционно понимают в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле оно представляет собой совокупность норм гражданского права, регулирующих отношения по признанию авторства произведений. В субъективном смысле – это личные имущественные и неимущественные права, которые принадлежат лицу или лицам, создавшим произведение.

Субъективное авторское право дает возможность автору и иным правообладателям удовлетворить свои имущественные и личные неимущественные (моральные) права, то есть распоряжаться своими правами и законными интересами. Государство, в свою очередь, обеспечивает гарантированную защиту прав и законных интересов субъектов авторского права [10].

На значимость личного права автора впервые обратил внимание Иммануил Кант в работе «О неправомерности переиздания книг» (1785). Мыслитель проводит различие между книгой как произведением механическим, относя ее к области вещного права, и ее содержанием, которое он воспринимает как обращение автора к нации и на которое, по его мнению, распространяется личное право. Переиздание книги без разрешения автора нарушает его личное право, а также наносит ущерб издателю, выступающему в роли «управляющего» автора. В 1844 году эту же мысль развил Иоганн Каспар Блунтшли, определив «право автора» в первую очередь как личное право и лишь во вторую как право имущественное. За ним последовали Георг Безелер (1855), Макс Ланге (1858), Феликс Дан (1871), Карл Гаряйс (1877) и Отто фон

Гирке. То есть именно личностная составляющая авторского права являлась основополагающей. Представители современной немецкой доктрины (Фрайтаг, Геттинг, Земан) придерживаются того же мнения, более того, утверждают, что личностно-правовая защита индивидуума возможна только в контексте переплетения нематериальных и имущественных интересов [10].

Один из виднейших цивилистов дореволюционного периода Д.Н. Мейер указывал на то, что право – это мера свободы лица, живущего в обществе, мера, в пределах которой лицо может совершать известные действия [13]. Ю.С. Гамбаров под правом в субъективном смысле понимал «все то, что нам дается или, тоже, обеспечивается действием того или другого объективного права» [3]. Г.Ф. Шершеневич под правом в смысле субъективном рассматривал обусловленную объективным правом возможность осуществления интереса [26].

Представитель советской цивилистической науки О.С. Иоффе утверждал, что для государства предоставление прав различным субъектам имеет значение постольку, поскольку оно обеспечивает такое поведение обязанных лиц, которое установлено государством в качестве обязательного при данных обстоятельствах. Для управомоченного лица наделение его субъективными правами значимо постольку, поскольку оно обеспечивает такое поведение других лиц, которые необходимо управомоченному при данных условиях [9]. При этом под субъективной обязанностью О.С. Иоффе понимал юридическое средство обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждаются управомоченный и которое государство признает обязательным. По мнению С.Н. Братуся, субъективное право – «это мера возможного поведения, обеспеченная законом и, тем самым, соответствующим поведением обязанных лиц» [1]. М.С. Строгович указывает, что «мера возможного поведения» определяет юридическую форму субъективного права, тогда как «пользование социальным благом» составляет его позитивное содержание [22].

Вместе с тем до сих пор некоторые аспекты понимания субъективного авторского права в правовой доктрине остаются дискуссионными. Так, с точки зрения Е.Я. Мотовиловкера, субъективное право представляет не меру возможного поведения, а определенную законом возможность удовлетворения субъективного интереса. Не каждый интерес сопряжен с юридическим субъективным правом. Но каждое субъективное право в юридическом смысле связано с законным интересом. В ином случае возможность (дозволение), которую субъективное право открывает, становится бессодержательной, бессмысленной [14].

По мнению С.В. Коростелевой, независимо от особенностей национального законодательства субъективные авторские права признаются имеющими двуцелевое назначение, это своего рода «двойственная реальность»: с одной стороны, содействие защите прав лиц, занятых в сфере создания произведений литературы и искусства, с другой – удовлетворение общественной потребности путем максимально возможной доступности произведений, охраняемых авторскими правами [11]. При этом следует соблюсти тонкий баланс между интересами автора (его произведение не должно стать источником дохода третьих лиц или объектом плагиата), а также чрезмерным ограничением доступа к авторским произведениям, в том числе экономического характера, это тормозит развитие общества, сдерживает экономическое развитие страны, что не всегда в интересах государства и самого автора.

Под субъективными авторскими правами понимают также совокупность предоставленных автору прав (правомочий), необходимых для охраны его интересов, возникающих в связи с созданием произведения и использованием его обществом [12].

Учитывая вариативность мнений, Л.К. Рафиева предложила классифицировать подходы различных авторов к определению субъективного авторского права следующим образом:

1) авторы, рассматривающие субъективное право как притязание;

2) авторы, рассматривающие это право как средство обеспечения определенного поведения обязанных лиц;

3) авторы, которые видят в субъективном праве меру возможного или дозволенного поведения управомоченного лица;

4) авторы, которые включают в него и дозволенность собственных действий управомоченного, и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц [21].

С нашей точки зрения, субъективное авторское право возникает только при наличии факта создания творческим трудом конкретного лица произведения литературы, науки или искусства, что определяет и дозволенность действий автора, и его возможность требовать правомерное поведение от обязанных лиц.

По законодательству стран ЕАЭС, автором произведения признается только физическое лицо. При этом возраст, пол, раса (националь-

ность), гражданство (или его отсутствие) не имеют значения для признания лица автором. Главные условия, установленные законом, – наличие произведения, созданного творческим трудом, и его выражение в объективной форме. В соответствии с нормами российского права автором произведения признается физическое лицо, своим творческим трудом создавшее произведение, о чем прямо говорится в ст. 1257 ГК РФ и дополнительно разъяснено в ст. 1228 ГК РФ: «Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие лично творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ».

Соавторство возникает при одновременном наличии минимум двух условий:

1) участие соавторов носит творческий характер;

2) произведение, итогом которого явилось единство формы и содержания.

В теории выделяют три концепции соавторства:

1. «Ограничительная концепция» – соавторство возможно только в том случае, когда соавторы, работая вместе над единым произведением, создали такой объект, в котором невозможно выделить части, созданные конкретным автором (нераздельное соавторство);

2. «Расширительная концепция» – соавторство означает любое совместное произведение, если авторы, сплотив свои усилия, внесли каждый свою лепту в единое произведение, объединив свои части общим замыслом (раздельное соавторство);

3. «Сборное соавторство» – авторы аудиовизуального произведения являются «сборными авторами» – некий противовес соавторству [7].

При этом российское право следует расширительной концепции соавторства. Соавтором российский закон признает граждан, создавших произведение совместным творческим трудом, причем они признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение (п. 1 ст. 1258 ГК РФ). Опять-таки имеется уточнение, что «лица, непосредственно не участвовавшие в творческом процессе, не признаются соавторами, даже если они оказывали автору техническое, организационное, материальное или иное содействие, не являющееся творческой деятельностью» (п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

По нашему мнению, при соавторстве необходимо заключать специальные соглашения, но данная норма в законе отсутствует, хотя она необходима, к примеру, для распределения сумм доходов между соавторами. Данные нормы существовали в законодательстве СССР [20]. Необходимость в данных соглашениях признается и в юридической литературе [23]. Э.П. Гаврилов такие соглашения относит к договорам о совместной деятельности [4]. Аналогичного мнения придерживаются М.К. Сулейменов и Н.С. Гаева, утверждающие, что соглашение – это один из элементов возникновения соавторства. При этом под соглашением надо понимать взаимное волеизъявление авторов, направленное на совместную творческую работу над произведением. Оно может быть выражено в любой форме и на любой стадии работы над произведением. Более того, предметом соглашения может быть доработка уже законченного произведения, если возникает необходимость внести в него изменения и дополнения творческого характера. Важно лишь, чтобы соавторство было добровольным и не нарушало ничьих охраняемых законом авторских прав [24].

Понятия «автор» и «соавторство» в законодательстве стран ЕАЭС практически идентичны (табл. 1).

Правообладателем в авторском праве стран ЕАЭС в широком смысле признаются автор (его наследники), а также иные физические или юридические лица, получившие исключительные права на использование произведения по договору или на ином законном основании. Когда законодатель употребляет слово «автор», то имеет в виду и правопреемников. Данный подход является традиционным.

Право распоряжаться авторскими правами тесно связно с понятиями правоспособности и дееспособности. Но законодатели по-разному подходят к определению правоспособности автора. В Республике Казахстан авторское право возникает в силу факта создания произведения науки, литературы и искусства (п. 5 ст. 7 ГК РК; ст. 9 Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 г. № 6-1 ЗРК). В гражданском законодательстве Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения и Кыргызской Республики авторская правоспособность возникает в результате создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных ре-

Таблица 1

Сравнение определений понятий автора произведений и соавторства в законодательстве стран ЕАЭС

Страна	Определение	Источник
Понятие автора произведения		
Армения	«Автором признается физическое лицо, создавшее произведение»	ст. 6 Закона РА «Об авторском праве и смежных правах» от 4 июля 2006 г. ЗР-142
Беларусь	«Автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение»	ст. 4 Закон РБ «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З
Казахстан	«Автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы, искусства»	п. 1 ст. 2 Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 г. № 6
Кыргызстан	«Автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано»	п. 1 ст. 9 Закона КР «Об авторском праве и смежных правах» от 14 января 1998 года № 6
Россия	«Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с пунктом 1 статьи 1300 настоящего Кодекса, считается его автором, если не доказано иное»	ст. 1257 ГК РФ
Понятие соавторства		
Армения	«Авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух или более лиц, принадлежит соавторам совместно независимо от структуры произведения»	п. 1 ст. 7 Закона РА «Об авторском праве и смежных правах» от 4 июля 2006 г. ЗР-142
Беларусь	«Авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух либо более лиц (соавторство), принадлежит соавторам совместно независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение»	п. 1 ст. 9 Закона РБ «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З
Казахстан	«Авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух или более лиц (соавторство), принадлежит соавторам совместно, независимо от того, образует ли такое произведение одно неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет также и самостоятельное значение»	п. 1 ст. 10 Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 г. № 6-1 ЗРК
Кыргызстан	«Авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух или более граждан, принадлежит соавторам совместно независимо от того, образует ли такое произведение одно неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет также самостоятельное значение»	п. 1 ст. 10 Закона КР «Об авторском праве и смежных правах» от 14 января 1998 года № 6
Россия	«Граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение»	п. 1 ст. 1258 ГК РФ

Источник: составлено автором.

зультатов интеллектуальной деятельности (п. 5 ст. 8 ГК РК; п. 5 ст. 7 ГК РБ; п. 5 ст. 10 ГК РА; п. 5 ст. 7 ГК КР).

По нормам гражданского законодательства Беларуси, в соответствии с пп. 2 п. 2 ст. 25 ГК РБ права автора на произведения науки, литературы или искусства могут осуществлять несовершеннолетние, достигшие возраста 14 лет, без согласия родителей, усыновителей и попечителя. Таким образом, авторская дееспособность наступает в этой стране с достижением автором возраста 14 лет. По российским законам гражданская дееспособность лица наступает по достижении 18 лет (п. 1 ст. 21 ГК РФ), но с 14 до 18 лет несовершеннолетний вправе осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности (п. 2 ст. 26 ГК РФ). В соответствии с п. 1 ст. 28 ГК РФ за несовершеннолетних, не достигших 14 лет (малолетних), сделки, за исключением мелких бытовых, могут совершать от их имени только родители, усыновители или опекуны. Аналогичные нормы содержит законодательство Казахстана, Армении и Кыргызстана.

В нормах закона стран ЕАЭС выделяется два вида личных авторских прав: неимущественные и имущественные. Личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы. Авторство и имя автора охраняются бессрочно (п. 2 ст. 1228 и 1267 ГК РФ).

Личные неимущественные права охватывают творческие интересы автора, связанные с общественной оценкой произведения, и не имеют имущественного содержания. Имущественные права, напротив, имеют экономическую ценность и подлежат денежной оценке. Они могут быть переданы другим лицам на основании авторских договоров. Эти права в юридической литературе получили название исключительных [2]. Однако содержание данного понятия вызывало и продолжает вызывать споры в научной литературе.

Важный признак личных неимущественных авторских прав – их направленность на выявление и развитие индивидуальности автора как личности. Институт личных неимущественных прав позволяет отличить одного субъекта права от другого, охраняет его самобытность и своеобразие. Безусловно, каждый гражданин обладает и собственным комплексом имущественных прав, которые также позволяют «отделить» его от других, но все же неимущественные права имеют приоритет при индивидуализации [5].

По содержанию личные неимущественные права являются абсолютными. Иными словами, носителю личного неимущественного права про-

тивостоит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от каких бы то ни было нарушений его личных неимущественных прав. Но имущественные и неимущественные права существуют не изолированно, а тесно переплетаясь друг с другом. Так, неуказание имени одного из соавторов может привести к тому, что он лишится прав на получение вознаграждения за использование произведения (например, переделка повествовательного произведения в драматическое и наоборот) [6].

По нашему мнению, субъективное авторское право носит характер исключительности в расширительном толковании в том смысле, что охватывает как личные имущественные права, так и личные неимущественные права. Даже если автор передаст все свои имущественные права, он все равно остается автором, сохраняя за собой личные неимущественные права. Но есть и противники данной теории, в частности, представитель российской правовой науки И.В. Попова считает, что личные неимущественные права не являются исключительными в связи с тем, что они не могут переходить от автора к иному правообладателю в силу их неотчуждаемости от личности автора [20].

По логике закона понятно, что субъектами авторского права являются авторы всех произведений, представленных в соответствующих нормах об авторском праве и смежных правах. Однако обладателями субъективных авторских прав могут являться также наследники авторов и правопреемники. К их числу относятся как физические, так и юридические лица, а также национальное или иностранное государство, международные организации и другие субъекты.

В соответствии с доктриной российского авторского права и других стран ЕАЭС юридические лица не могут создавать произведения и приобретать личные неимущественные права. Однако этот вопрос является в правовой науке дискуссионным. Труд большого коллектива часто не может быть персонифицирован, в связи с этим предлагается конструкция «юридическое лицо – автор». В рассматриваемых странах отсутствует опыт применения понятия юридического лица как автора, хотя по факту в СССР юридические лица выступали в качестве авторов. В законе термин «юридическое лицо» отсутствовал, но киностудии, фотостудии, научно-исследовательские институты выступали в качестве правообладателей.

Сегодня нередко можно встретить на сайтах в интернете информацию, что правообладателем является коммерческая (общество с ограниченной ответственностью, товарищество с ограниченной ответственностью и т. п.) или некоммерческая организация. Личные неимущественные права на составление базы данных тоже могут иметь не только граждане, но и организации, так как в ГК РФ употребляется формулировка «лицо».

В соответствии со ст. 48 ГК РФ юридическим лицом (ЮЛ) признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Правоспособность ЮЛ возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении (п. 3 ст. 49 ГК РФ).

Четвертая часть ГК РФ содержит специальные нормы об организациях по управлению правами на коллективной основе. Так, ст. 1242 ГК РФ установлено, что основанием правомочий такой организации является договор о передаче полномочий по управлению правами, заключаемый организацией с правообладателем в письменной форме. Закон предусматривает государственную аккредитацию организаций по управлению правами на коллективной основе (ст. 1244 ГК РФ) и создание Наблюдательного совета (ст. 1244.1 ГК РФ), правительством утвержден Типовой устав аккредитованной организации [18].

К числу ЮЛ может относиться также наниматель (работодатель) автора служебного произведения. Служебное произведение – это произведение, которое создано работником в связи с трудовыми отношениями. Наличие трудовых функций подтверждается при спорах служебными инструкциями, трудовым договором, коллективным договором, содержанием приказов и распоряжений по организации [15]. К числу служебных относятся произведения, создаваемые штатными сотрудниками научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений; сотрудниками редакций газет, журналов, киностудий, телерадиокомпаний; произведения декоративно-прикладного, сценографического искусства, пантомимы и хореографические произведения, создаваемые художниками, оформителями и другими сотрудниками театрально-зрелищных организаций и учреждений; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, создаваемые архитекторами и дизайнерами; фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными

фотографии, создаваемые штатными фотографами, и многие другие произведения.

По общему правилу исключительным правом на служебное произведение обладает работодатель. И это логично, так как работник выполняет задание, его рабочее место и заработная плата сохраняются за ним, расходы по созданию несет организация. Кто финансирует, тот и получает исключительные права [19]. Вместе с тем «если работодатель в течение трех лет со дня, когда служебное произведение было предоставлено в его распоряжение, не начнет использование этого произведения, не передаст исключительное право на него другому лицу или не сообщит автору о сохранении произведения в тайне, исключительное право на служебное произведение возвращается автору» (п. 2 ст. 1295 ГК РФ).

Следует иметь в виду, что по законодательству стран ЕАЭС юридическое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, скажем, за нарушение авторских прав и причинение крупного ущерба автору или иному правообладателю. Подпунктом «г» п. 3 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации, к примеру, предусмотрена лишь уголовная ответственность лица с использованием служебного положения. Между тем на практике нередко происходит нарушение авторских прав со стороны именно юридических лиц.

Интересен международный опыт по данному вопросу. Например, в соответствии со ст. 121-2 Уголовного кодекса Франции юридические лица, за исключением государства, могут быть привлечены к уголовной ответственности за преступления, совершенные работниками, входящими в их управленческие органы, или иными компетентными представителями в их интересах [25].

Государство является одним из наиболее активных участников авторских правоотношений. Помимо широкого набора различных функций, включая охрану и защиту авторских и смежных прав, государство может являться нанимателем исполнителя служебного произведения, исполнителя (коллектива исполнителей) по государственному (или муниципальному) контракту (ст. 1298 ГК РФ), может стать наследником автора.

Проблематика государства как субъекта авторского и смежных прав слабо освещена в литературе. Но о сущности государства как субъекта права имеется широкий спектр мнений. Одни авторы, среди которых О. Конт, Л. Дюги, И.А. Покровский, И.А. Ильин, Г. Еллинек и многие другие, отстаивают идею государства как правовой корпорации. В современных исследованиях на эту тему выделяют двухуровневое устройство государства: первичный и вторичный уровни. «На первом уровне государство представляет собой правовую корпорацию граждан – ее участников, определяющих не только государственное устройство, но и саму волю государства. Второй уровень образуют производные от граждан лица – субъекты федераций, государственно-правовые автономии, муниципальные образования, иные субъекты территориально-правового устройства государства. На втором уровне государство представляет собой «корпорацию корпораций» [16]. Другие авторы понимают государство с точки зрения его классовой сущности (марксизм), третьи считают, что государство призвано действовать в интересах нации, религии и т. д.

В законодательстве стран ЕАЭС государство является особым субъектом гражданских правоотношений, так как участвует в гражданском обороте не в своих частных интересах, а в интересах всего общества; государство принимает законы, которые должны исполнять все субъекты гражданского оборота, обладает суверенитетом и иммунитетом и т. д. Соответственно, относительно положения государства как субъекта авторского права и смежных прав преобладает точка зрения, что оно является скорее исключением из общего правила. Так. В.А. Дозорцев, анализируя проблему авторских прав на кинофильмы, создававшиеся на государственных киностудиях, указывал на принципиальную невозможность принадлежности государству первоначальных авторских прав [8]. Хотя, например, по английскому Закону об авторском праве 1988 года обладателем авторского права на произведение, созданное или впервые опубликованное правительством либо под его руководством, является правительство Великобритании [10].

Следует учитывать, что, согласно п. 3 ст. 125 ГК РФ, в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством, от имени государства по его специальному поручению могут выступать любые лица – государственные, муниципальные органы, юридические и физические лица. На практике любое из «уполномоченных» государством лиц может стать нарушителем авторских или смежных прав. По общему правилу государство в определенных случаях становится наследником автора. Специально уполномоченный орган исполнительной власти может осуществлять охрану авторских прав умершего автора в течение срока их действия при отсутствии наследников (абз. 2 п. 2 ст. 27, ч. 3 ст. 29 Закона РФ об авторском праве и смежных правах).

Кроме государства, в законах стран ЕАЭС присутствуют еще две специфические категории субъектов авторского права и смежных прав: публика и публикатор. В соответствии со ст. 4 Закона Республики Армении об авторских и смежных правах «публика – это множество лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи или близких, независимо от того, присутствуют ли они одновременно в одном месте или в разное время в разных местах». При этом российский закон, не определяя понятие «публика», закрепил в Гражданском кодексе нормы о публикаторе. Согласно ст. 1337 ГК РФ «публикатором признается гражданин, который правомерно обнародовал или организовал обнародование произведения науки, литературы или искусства, ранее не обнародованного и перешедшего в общественное достояние (ст. 1282) либо находящегося в общественном достоянии в силу того, что оно не охранялось авторским правом».

В заключение хотелось бы отметить, что субъектный состав авторских правоотношений в законодательстве стран ЕАЭС достаточно широк и неоднороден, в отношении некоторых субъектов существует неопределенность. Прежде всего, требует уточнения статус таких субъектов, как юридическое лицо и государство.

Пристатейный библиографический список

1. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 32– 33.
2. Близнец И., Леонтьев К. Интеллектуальная собственность и исключительные права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 6. С. 2–18.
3. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 380.
4. Гаврилов Э.П. Комментарий Закона «Об авторском праве и смежных правах». М.: Правовая культура, 1996. С. 59.
5. Гаджиев Г. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 24.
6. Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность: учеб. пособ. М.: Юрист, 2004. С. 57.
7. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2003. С. 144–179.
8. Дозорцев В.А. Право на фильм как сложное многослойное произведение // Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М., 2003. С. 159.
9. Иоффе О.С. Избранные труды: Правоотношение по советскому гражданскому праву: в 4 т. Т. 1. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 216.
10. Канатов Т.К. Понятие авторских прав в странах Евразийского экономического союза // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20).
11. Коростелева С.В. Личные неимущественные права авторов и особенности их реализации в Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 38.
12. Корнеева И.Л. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. пособ. М.: Юристъ, 2006. С. 92.
13. Мейер Д.Н. Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей: С приложением биографий и портретов Д.И. Мейера и А.И. Вицына и 3-х указателей / под ред. А.И. Вицына, испр. и доп. А.Х. Гольмстен. 10-е изд., испр. и доп. Петроград, 1915. С. 117.
14. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / науч. ред. О.Я. Баев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 43– 49.
15. Моргунова Е. Природа и правовой режим служебных произведений // Интеллектуальная собственность. 1998. № 1. С. 50–59.
16. Мусатов Ф.В. Государство как субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 13.
17. О применении судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из авторских правоотношений: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 апр. 1986 г. № 8.
18. О Типовом уставе аккредитованной организации по управлению правами на коллективной основе: Приказ Минкультуры России от 19 фев. 2008 г. № 30 (ред. от 03.12.2015).
19. Судариков С.А. Основы авторского права. Минск: Амалфея, 2000. С. 137–139.
20. Попова И.В. Программа для ЭВМ в системе объектов авторского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1999. С. 13.
21. Рафиева Л.К. Честь и достоинство как правовая категория // Правоведение. 1996. № 2. С. 58.
22. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 168.
23. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2003. С. 176–177.
24. Сулейменов М.К. Защита гражданских прав: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию КазГЮУ / отв. ред. Н.С. Гаева. Алматы, 2004. С. 333.
25. Холкина Ю.А. Введение уголовной ответственности юридических лиц в РФ: проблемы субъективного вменения // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 592–595.
26. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. М.: Спарк, 1995. С. 58.

References (transliterated)

1. Bratus` S.N. O sootnoshenii grazhdanskoj pravosposobnosti i sub``ektivny`x prav // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1949. № 8. S. 32– 33.
2. Bliznecz I., Leont`ev K. Intellektual`naya sobstvennost` i isklyuchitel`ny`e prava // Intellektual`naya sobstvennost`. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava. 2002. № 6. S. 2–18.

3. Gambarov Yu.S. Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast` / pod red. V.A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2003. S. 380.
4. Gavrilov E`.P. Kommentarij Zakona «Ob avtorskom prave i smezhny`x pravax». M.: Pravovaya kul`tura, 1996. S. 59.
5. Gadzhiev G. Neposredstvennoe primenenie sudami konstitucionny`x norm // Rossijskaya yusticiya. 1995. № 12. S. 24.
6. Grishaev S.P. Intellektual`naya sobstvennost`: ucheb. posob. M.: Yurist, 2004. S. 57.
7. Dozorcev V.A. Intellektual`ny`e prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: sbornik statej. M.: Statut, 2003. S. 144–179.
8. Dozorcev V.A. Pravo na fil`m kak slozhnoe mnogoslojnoe proizvedenie // Intellektual`ny`e prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: sbornik statej. M., 2003. S. 159.
9. Ioffe O.S. Izbranny`e trudy`: Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu: v 4 t. T. 1. SPb.: Yurid. centr Press, 2003. S. 216.
10. Kanatov T.K. Ponyatie avtorskix prav v stranax Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 1 (20).
11. Korosteleva S.V. Lichny`e neimushhestvenny`e prava avtorov i osobennosti ix realizacii v Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. S. 38.
12. Korneeva I.L. Pravo intellektual`noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: ucheb. posob. M.: Yurist``, 2006. S. 92.
13. Mejer D.N. Russkoe grazhdanskoe pravo. Chteniya, izdanny`e po zapiskam slushatelej: S prilozheniem biografij i portretov D.I. Mejera i A.I. Vicyna i 3-x ukazatelej / pod red. A.I. Vicyna, ispr. i dop. A.X. Gol`msten. 10-e izd., ispr. i dop. Petrograd, 1915. S. 117.
14. Motovilovker E.Ya. Teoriya regulyativnogo i oxranitel`nogo prava / nauch. red. O.Ya. Baev. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1990. S. 43– 49.
15. Morgunova E. Priroda i pravovoj rezhim sluzhebny`x proizvedenij // Intellektual`naya sobstvennost`. 1998. № 1. S. 50–59.
16. Musatov F.V. Gosudarstvo kak sub``ekt prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2016. S. 13.
17. O primenenii sudami zakonodatel`stva pri rassmotrenii sporov, voznikayushhix iz avtorskix pravootnoshenij: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda SSSR ot 18 apr. 1986 g. № 8.
18. O Tipovom ustave akkreditovannoj organizacii po upravleniyu pravami na kollektivnoj osnove: Prikaz Minkul`tury` Rossii ot 19 fev. 2008 g. № 30 (red. ot 03.12.2015).
19. Sudarikov S.A. Osnovy` avtorskogo prava. Minsk: Amalfeya, 2000. S. 137–139.
20. Popova I.V. Programma dlya E`VM v sisteme ob``ektov avtorskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 1999. S. 13.
21. Rafieva L.K. Chest` i dostoinstvo kak pravovaya kategoriya // Pravovedenie. 1996. № 2. S. 58.
22. Strogovich M.S. Osnovny`e voprosy` sovetskoj socialisticheskoj zakonnosti. M.: Nauka, 1966. S. 168.
23. Sergeev A.P. Pravo intellektual`noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, 2003. S. 176–177.
24. Sulejmenov M.K. Zashhita grazhdanskix prav: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 10-letiyu KazGYuU / otv. red. N.S. Gaeva. Almaty`, 2004. S. 333.
25. Xolkina Yu.A. Vvedenie ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz v RF: problemy` sub``ektivnogo vmeneniya // Molodoj ucheny`j. 2016. № 4. S. 592–595.
26. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. Po izdaniyu 1907 g. M.: Spark, 1995. S. 58.

Проведем оценку имущества для любых целей:
✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования
Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером
Выполнение с учетом требований законодательства
Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *
*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)
Платинум
группа компаний
м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Мочалова В.А.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАСЛЕДНИКОВ ПО ДОЛГАМ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА

Цель: Выявить актуальные проблемы института ответственности наследников по долгам наследодателя и предложить перспективы его развития с учетом опыта германского законодателя.

Методология: Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, диалектические методы.

Результаты: Анализ гражданско-правового регулирования и практики применения норм об ответственности наследников за долги наследодателя свидетельствует, что установленное в Российском праве ограничение ответственности наследников пределами стоимости перешедшего к ним имущества вряд ли можно назвать бесспорно верным, поскольку такое ограничение лишает кредитора гарантий получить удовлетворение на случай смерти должника, ведет к удорожанию кредита и, в итоге, к нестабильности гражданского оборота. В этой связи возможные пути реформирования института ответственности наследников по долгам наследодателя: а) могут быть связаны с отказом от принципа ограничения ответственности наследников размерами наследственной массы и введением особых случаев и условий, ограничивающих такую ответственность; б) либо в условиях сохранения императивного ограничения ответственности наследников следует признать целесообразным дальнейшее реформирование института ответственности в наследственном праве и ввести конструкции, позволяющие обеспечить баланс интересов кредиторов наследодателя и наследников, в частности, институты моратория на удовлетворение требований кредиторов наследодателя, составления описи наследства, сепарации имущества наследника и наследуемой имущественной массы, давно применяемые в германском праве, ввести случаи неограниченной ответственности наследников.

Новизна/оригинальность/ценность: Научная ценность исследования обусловлена тем фактом, что складывающаяся практика требует совершенствования института ответственности наследников по долгам наследодателя. Сформулированные в работе предложения, по мнению автора, могут способствовать повышению эффективности правового регулирования в указанной сфере.

Ключевые слова: наследодатель, наследник, наследство, наследственная масса, ответственность наследников, правопреемство.

Mochalova V.A.

RESPONSIBILITY OF THE HEIRS TO THE TESTATOR'S DEBTS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT

Purpose: To identify the current problems of the concept of responsibility of heirs for the debts of the testator and to offer prospects for its development, taking into account the experience of the German legislator.

Methodology: Legalistic, comparative, historical and dialectical methods are used.

Results: Analysis of the civil law regulation and practice of applying the rules on the responsibility of heirs for the debts of the testator indicates that the limitation of the liability of heirs established to the limits of the property transferred to them, as established in Russian law, can hardly be called undoubtedly correct, since such a restriction deprives the lender of guarantees of satisfaction in case of the debtor's death, leads to a rise in the cost of the loan and in the end – to instability of civil life. In this regard, possible ways of reforming the institution of responsibility of heirs for the debts of the testator: a) may be associated with the rejection of the principle of limiting the liability of heirs to the size of the hereditary mass and the introduction of special causae and conditions limiting such liability; b) or, to preserve the imperative limitation of liability of heirs, it is necessary to recognize expedient further reforming of the institution of responsibility in inheritance law and introduce constructions allowing to ensure a balance of interests of the inheritor's creditors and heirs, in particular, institutions of the moratorium on satisfying the requirements of the deceased's creditors and inherited property assets, long used in German law, and to introduce the limited liability of heirs.

Novelty/originality/value: The scientific value of the research is due to the fact that the emerging practice requires the improvement of the institution of responsibility of heirs for the debts of the testator. The proposals formulated in the work, in the opinion of the author can contribute to increasing the effectiveness of legal regulation in this area.

Keywords: testator, heir, inheritance, inheritance, responsibility of heirs, succession.

Российское наследственное право под наследованием понимает универсальное правопреемство. Предметом универсального правопреемства, как указывает Б.Б. Черепахин [7, с. 73], является вся совокупность прав и обязанностей правопредшественника, переходящая к его правопреемнику (правопреемникам). Именно этот фундаментальный принцип лежит в основе правовой природы института наследования, целью которого является обеспечение перехода прав и обязанностей в

установленном законом порядке от умершего к его наследникам. В этой связи невозможно согласиться с мнением В.И. Серебровского, утверждавшего, что ответственность наследника по долгам наследодателя вытекает не из сущности универсального наследственного преемства, а устанавливается специальным законом [6, с. 219]. Данное мнение противоречит законам логики: либо мы рассматриваем наследование как универсальное правопреемство, и тогда наследнику переходит вся имущественная масса, включая пассивы и активы, либо мы рассматриваем наследование не как универсальное правопреемство и создаем какую-то другую конструкцию. При этом необходимо учитывать, что ограничение ответственности наследников по долгам наследодателя не противоречит универсальному характеру наследования, так как наследник принимает наследственную массу целиком, и лишь затем начинает работать институт ограничения ответственности.

Исходя из классического взгляда на наследование, отечественный законодатель установил, что имущество умершего переходит к другим лицам в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент (ст. 1110 ГК РФ), однако есть некоторые исключения, возникающие в основном при наследовании бизнеса, а также в случае наследственной трансмиссии. В связи с этим в российском наследственном праве существует институт ответственности наследников по долгам наследодателя, урегулированный, в отличие от германского законодательства, более лаконично: положения о данном институте закреплены в ст. 1174–1175 ГК РФ, тогда как в ГГУ ответственность наследников регламентируется § 1967–2017 книги пятой «Наследственное право». В пункте 1 ст. 1175 ГК РФ установлено, что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Помимо этого, положения, регулирующие данный институт, содержатся в п. 60 постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», который, по сути, продублировал правила п. 1 ст. 1175 ГК РФ, правда, иными словами: «При отсутствии или недостаточности наследственного имущества требования кредиторов по обязательствам наследодателя не подлежат удовлетворению за счет имущества наследников, и обязательства по долгам наследодателя прекращаются невозможностью исполнения полностью или в недостающей части наследственного имущества» [4]. Таким образом, в российском наследственном праве ответственность наследников по долгам наследодателя изначально ограничена императивной нормой закона. Но является ли такое решение бесспорно правильным? По всей видимости нет, и дискуссии, ведущиеся в профессиональном сообществе, яркое тому подтверждение.

В п. 1 ст. 1175 ГК РФ указывается, что ответственность по долгам наследодателя устанавливается в пределах стоимости перешедшего наследнику имущества. Такое формулирование нормы имеет важнейшее значение: российскому наследственному праву, за исключением введенного 1 октября 2015 года института банкротства наследства, неизвестна конструкция сепарации имущества наследника и наследуемой имущественной массы, а также конструкция составления инвентарной описи, присущие наследственному праву Германии (§ 1975, § 1993 ГГУ). Такое положение дел приводит к конкретным последствиям, которые связаны с отсутствием гарантий удовлетворения требований кредиторов, что ведет к удорожанию кредитования, чрезмерному распространению залоговых обеспечений, а также некоторым иным негативным последствиям. В условиях императивного ограничения ответственности и отсутствия необходимости составления инвентарной описи наследственной массы во избежание неограниченной ответственности наследники, как верно отмечает Е.Ю. Петров [2], очень часто руководствуются следующими соображениями: «Пусть выявляют истинный состав наследства, а там посмотрим, может, кому-то заплачу; если остальным не хватит, то и ладно». Следствием этого является желание кредиторов обезопасить себя всеми возможными способами, что ведет к нестабильности гражданского оборота. Несмотря на то, что такое нововведение в отечественное наследственное право помогло бы решить многие существующие проблемы, можно наблюдать лишь его отсутствие, что является ярким примером неполноты проведенной реформы наследственного права.

Объяснить данный феномен можно лишь низкой юридической грамотностью населения и связанной с ней боязнью законодателя усложнять наследственные правоотношения для наследников, но отсутствие любого из возможных векторов развития в любом случае не приведет к решению назревших проблем. Различные правопорядки предусматривают иные правовые институты ограничения ответственности наследников по долгам наследодателя, которая при этом изначально является неограниченной. Такие институты можно

найти в правовых системах разных стран континентальной Европы. Казалось бы, с таким положением дел отечественные наследники должны находиться в практически идеальном положении, но это не так. В российском наследственном праве отсутствуют некоторые институты, обеспечивающие интересы наследников. Например, нашему правопорядку чужд институт моратория, который в Германии является одним из видов относительных средств ограничения ответственности наследников по долгам наследства. Как известно, его суть заключается в возможности наследника отказывать в удовлетворении требований кредиторов определенный период времени после принятия наследства (§ 2014 ГГУ). Согласно п. 3 ст. 1175 ГК РФ «До принятия наследства требования кредиторов могут быть предъявлены к исполнителю завещания или к наследственному имуществу. В последнем случае суд приостанавливает рассмотрение дела до принятия наследства наследниками или перехода выморочного имущества в соответствии со статьей 1151 настоящего Кодекса к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию». В настоящее время суды в подавляющем большинстве случаев прибегают к расширительному толкованию данной нормы, откладывая до момента принятия наследства наследниками возможность кредиторов предъявлять свои требования.

Во-первых, нет никаких гарантий того, что в скором времени судебная практика не изменит своих позиций. Российский правоприменитель нередко занимает диаметрально противоположные позиции в отношении своих предыдущих решений.

Во-вторых, исходя из целей института моратория, главная из которых заключается в установлении настоящих кредиторов наследодателя, следует вывод: в России наследнику необходимо сделать своеобразный «due diligence» наследственной массы и лишь затем ее принимать, заранее установив настоящих кредиторов; с другой стороны, как указывалось выше, подавляющие большинство наследников не делает этого, так как ничем не рискует. Необходимо отметить, что такое состояние невыгодно гражданскому обороту в целом, а также добросовестным наследникам.

Как было отмечено выше, 1 октября 2015 года в России получил законодательное оформление институт банкротства наследственной массы. Рассмотрим его более подробно. Своеобразным историческим моментом можно считать Постановление Президиума ВАС РФ от 04.06.2013 № 17530/12 [5], основная мысль которого заключается в недопустимости прекращения производства по делу о несостоятельности физического лица в случае смерти должника. Статья 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)», несмотря на свое название «Условия и порядок банкротства гражданина в случае его смерти» и отсутствие в нем прямого указания на то, что здесь идет речь о фактическом банкротстве наследства, а не гражданина в случае его смерти, предусматривает два вида банкротства наследственной массы.

Во-первых, это ситуация, когда процесс банкротства в отношении физического лица был начат еще при его жизни. В данном случае арбитражный суд выносит по ходатайству лица, участвующего в деле о банкротстве, или по собственной инициативе определение о применении при банкротстве гражданина правил § 4 главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Во-вторых, это ситуация, когда процесс банкротства в отношении гражданина возбужден после его смерти или объявления его умершим по заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа, а также иных лиц, указанных в законе. Во втором случае как наиболее интересном возникает закономерный вопрос: в отношении кого подавать заявление о банкротстве, ведь гражданин уже умер, а значит правоспособность его прекратилась? Единственным логически верным решением, по мнению Е.А. Останиной [1], является подача заявления в отношении имущества, то есть наследственной массы.

Также нерешенным остается вопрос, вправе ли кредитор наследодателя инициировать банкротство наследника? С одной стороны, да, так как наследственная масса и имущество наследника сливаются в единое целое, а с другой – нет, так как основная идея банкротства наследственной массы заключается в сепарации имущества. В настоящее время отсутствуют решения данной проблемы на уровне Верховного Суда РФ, однако решения судов более низкого уровня существуют. Например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.08.2017 № Ф09-4002/17, основной мыслью которого является необходимость сначала банкротить наследственную массу и только в том случае, когда действия наследника по выводу наследственного имущества являются недобросовестными, приступать к процедуре банкротства в отношении наследника [3]. Таким образом, введение института банкротства наследственной массы в условиях ее слияния с имуществом наследника

может иногда приводить к банкротству самого наследника в случае, если кредитором будет доказана его неплатежеспособность, недобросовестность, а также объективная невозможность сепарации наследственного имущества.

Подводя итог сказанному, отметим следующее:

1. Установленное законодателем ограничение ответственности наследников пределами стоимости перешедшего к ним имущества вряд ли можно назвать бесспорно верным, поскольку такое ограничение лишает кредитора гарантий получить удовлетворение на случай смерти должника, ведет к удорожанию кредита и в итоге – к нестабильности гражданского оборота. В зарубежных правопорядках, напротив, действует презумпция неограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя наряду с правовыми институтами, позволяющими ограничить размер ответственности наследников.

2. В этой связи возможные пути реформирования института ответственности наследников по долгам наследодателя: а) могут быть связаны с отказом от принципа ограничения ответственности наследников размерами наследственной массы и введением особых случаев и условий, ограничивающих такую ответственность; б) либо в условиях сохранения императивного ограничения ответственности наследников следует признать целесообразным дальнейшее реформирование института ответственности в наследственном праве и ввести конструкции, позволяющие обеспечить баланс интересов кредиторов наследодателя и наследников, в частности, институты моратория на удовлетворение требований кредиторов наследодателя, составления описи наследства, сепарации имущества наследника и наследуемой имущественной массы, давно применяемые в германском праве, ввести случаи неограниченной ответственности наследников.

3. В современных условиях потребности практики вынуждают законодателя предпринимать некоторые шаги по модернизации института ответственности наследников за долги наследодателя и вводить в специальное законодательство конструкции, обеспечивающие защиту интересов кредиторов в условиях смерти должника (например, институт банкротства наследственной массы), однако принципиально ситуацию это не меняет, что свидетельствует о необходимости пересмотра действующих подходов к правовому регулированию института ответственности наследников в отечественном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Останина Е.А. Банкротство наследственной массы: анализ изменений законодательства // Наследственное право. 2015. № 4. С. 33–38.
2. Петров Е.Ю. Ответственность наследников по долгам наследства [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/1/otvetstvennost_naslednikov_po_dolgam_nasledstva.
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.08.2017 № Ф09-4002/17 по делу № А60-25086/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.06.2013 № 17530/12 по делу № А60-14066/2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003.
7. Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962.

References (transliterated)

1. Ostanina E.A. Bankrotstvo nasledstvennoj massy`: analiz izmenenij zakonodatel`stva // Nasledstvennoe pravo. 2015. № 4. S. 33–38.
2. Petrov E.Yu. Otvetstvennost` naslednikov po dolgam nasledstva [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/1/otvetstvennost_naslednikov_po_dolgam_nasledstva.
3. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural`skogo okruga ot 08.08.2017 № F09-4002/17 po delu № A60-25086/2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 29.05.2012 № 9 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
5. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 04.06.2013 № 17530/12 po delu № A60-14066/2009. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
6. Serebrovskij V.I. Izbranny`e trudy` po nasledstvennomu i straxovomu pravu. 2-e izd., ispr. M.: Statut, 2003.
7. Cherepaxin B.B. Pravopreemstvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1962.

Ходусов А.А.

О КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Цель: В данной статье представлены понятия социального государства, социальности рыночной экономики и социальной справедливости.

Методология: Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, диалектические методы.

Результаты: Указаны условия регулирования экономики в интересах определенных общественных групп. Обосновано, что невозможно построить такое государство и общество, в котором абсолютно все будут жить одинаково. Определяется роль государства в становлении социального равновесия; охарактеризованы конституционные модели, которые регулируют социальный порядок в целом.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает определенной научной ценностью и практической значимостью.

Ключевые слова: конституционная модель, социальность, рыночная экономика, социальная справедливость, социальное равновесие, социальная ответственность, социальные нормы.

Khodusov A. A.

ON THE CONSTITUTIONAL MODEL OF WELFARE STATE IN A MARKET ECONOMY

Purpose: This paper presents the concepts of welfare state, sociality of market economy, and social justice.

Methodology: Legalistic, comparative, historical and dialectical methods are used.

Results: The conditions of economic regulation in the interests of certain social groups are established. It is proven by the author that it is impossible to build such a state and a society in which absolutely everyone will live the same way. The role of the state in the formation of social justice is established. Different constitutional models that govern social order in general are analyzed as well.

Novelty / originality / value: The paper has a certain scientific value and practical significance.

Keywords: constitutional model, sociality, market economy, social justice, social equilibrium, social responsibility, social norms.

Социальность рыночной экономики означает ее всеобщесть, а также ее ориентированность на наиболее социально слабые и уязвимые слои населения, однако такой подход противоречит природе рыночных отношений. Рыночные отношения и рыночная экономика предполагает одним из главных принципов наличие конкуренции, которая развивается в свободных условиях и не ограничивается в разумных пределах государством [5, с. 220]. Конкуренция предполагает наличие конкурентной борьбы между субъектами свободного рынка, в которой первенство одерживает тот из конкурентов, кто способен обеспечить лучшие условия, лучшее качество товаров или услуг, а также адекватную подходящую стоимость. Конкуренция на рынке, в свою очередь, порождает сильных и слабых игроков, каждый из которых занимает свою определенную нишу на рынке, равно как и в обществе, занимает определенную социальную ячейку. Таким образом, свободный рынок предоставляет неоднородную продукцию, которая не может быть одинаковой в силу наличия конкурентной борьбы.

М.В. Баглай полагает социальным такое государство, которое проявляет заботу о благополучии, социальной справедливости, социальной защищенности своих граждан [1]. Вмешательство в общественную жизнь осуществляется путем позитивного и негативного правового регулирования, то есть путем административно-правовых механизмов. При этом тот факт, что вмешательство происходит в сферы гражданского правоприменения (семейную, экономическую, социальную, трудовую и проч.), подтверждает наше высказывание о том, что необходим баланс административно-правовых мер, конституционных прав, свобод и обязанностей граждан, а также норм гражданского и делового оборота.

Иными словами, «социальность» каждого социального государства может являться разной с учетом этнических, культурных и религиозных традиций и норм его развития, однако закрепление на международном уровне таких социальных норм и требование включения таких норм в основные законы государств является подтверждением политики приверженности высоким стандартам мирового права. С этой точки зрения значение Европейской социальной хартии невозможно переоценить. К примеру, «социальность» государства мусульманского толка далека от «социальности» государства светского и просвещенного, при этом законодательное закрепление понятия

«необходимого уровня социального обеспечения для достойной жизни» является очень важным, поскольку единый уровень благосостояния для двух таких разных стран не может быть одинаков.

Понятие социальной справедливости действительно является одним из ключевых понятий социального государства, однако сущность и определение этого понятия не выработаны с большой степенью точности ни наукой, ни практикой.

Понятие социальной справедливости, отделимой от сфер общественной жизни как таковой, в массовом восприятии не существует. Оно наполняется экономическим, моральным, политическим и правовым содержанием в зависимости от ситуации. Как правило, в большинстве случаев социальная справедливость в массовом сознании связана с распределением материальных благ, доходов, а также с вопросами правоприменения. Данный подход основан на советском наследии, когда социальная справедливость понималась как государственная политика примерно равномерного распределения благ среди всех социально-учетных групп. Таким образом, в сознании советского, а впоследствии и российского гражданина социальная справедливость была связана исключительно с материалистическим мировоззрением, материальными благами и их распределением. Такой подход представляется однобоким, примитивным и не учитывающим множество нематериальных аспектов. Как указывает в своей работе О.Э. Васькина, социальная справедливость в указанном смысле была невозможна без принадлежности человека к определенной социально-учетной группе, однако любое выделение социальной группы означало дифференциацию по каким-либо отличительным признакам, что предполагало наличие таких дифференцирующих признаков, которые, в конечном счете, и становились причиной социального неравенства и, как следствие, нарушения принципа социальной справедливости, когда различные социально-учетные группы получали различное количество материальных благ [2, с. 23].

Таким образом, социальная справедливость и ее достижение также ставится под вопрос, а сама идея социальной справедливости может восприниматься как фикция.

Следует очень аккуратно подходить к вопросу определения понятий «социальная справедливость», «социальное государство», а также «государственное регулирование экономики в интересах определенных общественных групп».

Так, к примеру, социальная справедливость в понимании беднейших слоев населения заключается в том, чтобы приблизиться по уровню жизни к самым богатым, которых насчитывается не так уж много. Однако это невозможно, и утопичность такого ограниченного понимания «справедливости» совершенно очевидно показала революция 1917 г., когда подобное перераспределение фактически привело к открытому грабежу наиболее обеспеченных, отмиранию института частной собственности и полному уничтожению гражданского права и гражданского оборота. Помимо чисто юридических последствий, которые оказывают сильнейшее влияние на всю гражданскую сферу и по сей день, все закончилось миллионными жертвами, поэтому подобное мышление и такая «социальная справедливость» не только недопустимы – о них просто не может быть и речи. Основная концепция построения социального государства заключается, на наш взгляд, в разумном ограничении непомерно «раздутых» потребностей, возникших именно в связи с социальной «завистью» наиболее бедных к наиболее богатым.

Наш концепт заключается в том, что невозможно построить такое государство и общество, в котором абсолютно все будут жить одинаково. Это невозможно ни закрепить, ни реализовать ни в какой конституции, поскольку это противоречит самой природе человеческого общества. Поскольку все не могут жить одинаково, основное назначение социального государства состоит в сглаживании и уменьшении социального неравенства, что, прежде всего, требует определенного подхода к регулированию потребностей. Предлагаемый концепт строится на установлении определенного социального равновесия в обществе, что должно получить свое развитие и закрепление в рамках данной работы.

Существенную роль в становлении социального равновесия играет бизнес – крупный, средний и мелкий, который является локомотивом развития экономики и позволяет не только развивать гражданский оборот, но и реализовать на практике принцип социальной справедливости, когда в условиях свободной рыночной экономики гражданин способен эффективно действовать в своих интересах и в интересах общества, получая справедливое вознаграждение за труд.

Социальная ответственность бизнеса означает, что бизнес несет ответственность перед определенными группами и слоями общества, однако институт социальной ответственности не является юридической ответственностью и не нормирован законодательством. Социальная ответственность бизнеса при определенных условиях может быть трансформирована в юридическую

ответственность, однако юридическая ответственность означает индивидуальную ответственность конкретного субъекта предпринимательской деятельности перед конкретным потребителем товаров или услуг, социальная же ответственность по своей природе не является индивидуальной, а является всеобщей, поэтому юридическая и социальная ответственость – разные виды ответственности перед обществом. Социальная, т. е. коллективная, ответственность является менее эффективной, чем индивидуальная юридическая ответственность, при этом устанавливается она более сложно, поскольку в ее формировании участвует несколько субъектов с различными волеизъявлениями, не ограниченными никакими юридическими нормами.

Таким образом, социальная ответственность бизнеса также может оказаться фикцией, которая не только неэффективна, бесполезна, но и более сложна в установлении, чем юридическая ответственность.

Особый интерес представляет исследование конституционных моделей, существующих как в теории конституционного права, так и на практике. Реализация той или иной конституционной модели заключается в закреплении определенного конституционно значимого общественного института в действующей Конституции. Как указывает С.М. Шахрай, российская Конституция содержит в себе несколько конституционных моделей, которые регулируют в целом весь социальный порядок. Среди этих конституционных моделей исследователь отмечает модель отношений государства и общества, модель государственного устройства (модель российского федерализма), модель организации верховной государственной власти (форма правления), модель политической системы, модель экономического порядка, модель общественного контроля и др. Автором отмечается, что многие из указанных моделей не имеют специальных разделов в Конституции РФ, в которых были бы закреплены их положения, однако анализ положений Конституции РФ в целом позволяет однозначно определить наличие таких конституционных институтов. Так, к примеру, конституционная модель экономического порядка состоит из принципов экономического суверенитета России и его экономической безопасности, единства денежно-кредитной системы страны, многообразия форм собственности, рыночной экономики, возможности государственного регулирования экономической деятельности, свободы предпринимательской деятельности, свободы иных видов экономической деятельности, трудовых прав и свобод, свободной конкуренции, экономического и бюджетного федерализма и т. д.

Особенно значимым для реализации конституционного принципа социального государства представляется сочетание свободы предпринимательской и иной экономической деятельности с возможностью государственного регулирования экономики. Данные принципы являются противостоящими друг другу, и в то же время они взаимно дополняются.

Так, очевидно, что регулирование экономики со стороны государства носит административный характер и заключается в определенном ограничении свободы экономической деятельности теми или иными юридическими и нормативными способами – установление налогов, пошлин, сборов, введение административных, финансовых и иных барьеров. При этом, с точки зрения концепта социального государства, подобные ограничения вводятся в интересах каких-либо социальных групп. Таким образом, свобода предпринимательской и иной экономической деятельности подлежит ограничению в социально значимых общественных интересах. С точки зрения конституционной модели важно, чтобы такие интересы являлись конституционно значимыми. К примеру, право на жилище, закрепленное в Конституции РФ, требует обеспечения малоимущих, нуждающихся в жилище, жильем из государственного или муниципального фонда за доступную плату.

Тем не менее, на настоящий момент окончательно не определена концепция доктрины устройства социальной сферы России. Наработки же концепции социального государства в социальной доктрине РФ, сфере социального страхования пока носят лишь приблизительный характер и не являются приоритетными в сфере исполнительной и законодательной политики [4, с. 29].

С точки зрения Э.В. Габреляна, целью и основной задачей существования социального государства является «изъятие и перераспределение материальных благ одних групп населения в пользу других (богатых в пользу бедных, социально сильных в пользу слабых), обеспечение социальных прав одних за счет других» [3, с. 34]. Подобная оценка деятельности социального государства является достаточно односторонней и не может не быть подвергнута критике, поскольку она вновь нацелена только на материальную сторону социальной сферы. Социальное государство не может состоять только из объектов материального права, обеспечивающих материальное благополучие и благосостояние. Кроме того, изъять у

социально сильного гораздо более сложная задача, чем изъятие у слабого, поэтому зачастую под подобными лозунгами скрывается именно изъятие у социально слабых членов общества и обращение изъятого в собственность государства с дальнейшим перераспределением в соответствии с существующими потребностями государства. Принцип «изъять и поделить» – наиболее порочный в формировании социального государства, и возврата к нему быть не может.

При этом стоит учитывать, что подобные механизмы все же существуют в государственном устройстве России, при этом распределение осуществляется не по принципу социальной справедливости, но в соответствии с «государственными интересами и нуждами». Под таким понятием скрывается не социальная справедливость в широком смысле, но интересы узких групп лоббистов в верховных эшелонах власти. Очевидно, что такая немногочисленная прослойка не может принадлежать к социально уязвимым слоям общества, а потому не может учитывать их интересы. Скорее такие лоббисты принадлежат к наиболее обеспеченным слоям и представляют их интересы, поэтому на практике распределение получается с точностью до наоборот – изъятие у бедных и социально слабых и перераспределение в пользу сильных и наиболее обеспеченных.

Сущность нашего метода в том, чтобы противопоставить административно-правовому влиянию сферу конституционных прав, что позволит уравновесить их и поможет достигнуть действительного, а не декларируемого социального равновесия. Социальная справедливость должна, с одной стороны, ограничиваться административно-правовым воздействием в том, что касается потребностей населения, а с другой – являться закрепленной на конституционном уровне в конституционных правах и обязанностях. Баланс таких правовых средств и способов является одним из методов достижения социального равновесия и справедливости без дополнительного нормативно-правового регулирования понятия справедливости.

Тем не менее, следует указать и критические позиции в отношении социального государства, которые также достаточно сильны в настоящее время в социологии и юридической науке. Социальное государство предполагает постоянное расширение социальной сферы, когда каждому члену общества обеспечивается предоставление тех или иных государственных гарантий, пособий, льгот и т. д., когда средний уровень благосостояния обеспечивается каждому члену данного общества, однако такое возможно лишь до определенного предела, за которым начинается кризис института социального государства, а социальные обязательства способствуют патернализму и социальному иждивенчеству. С определенной пороговой критической точки численности населения социальное государство начинает испытывать нехватку ресурсов, за счет которых покрываются социальные обязательства, взятые на себя в прежние годы. Нечто подобное наблюдается сейчас в России, когда «легкие» деньги от продажи нефтепродуктов и дешевые западные кредиты исчерпаны, а социальные обязательства, исчерпывающе и многообещающе раздаваемые в прежние годы, в том числе и до выборов, нужно выполнять. При этом такие прежние обязательства ложатся тяжким бременем на бюджет государства и составляют большую долю расходной части. А социальная прослойка, получающая адресную социальную поддержку, не относится к экономически активной части населения. Более того, привыкнув получать в прежние годы аналогичную социальную поддержку, такая прослойка населения питает большие социальные надежды и ожидания даже на увеличение социального содержания. Непопулярные меры в виде сокращения по социальным обязательствам, принятым на себя в прошлые годы, наносят существенный урон концепции социального государства, однако они помогают уменьшить дефицит бюджета.

Негативными социальными болезнями, очень распространенными в подобной модели социального государства, являются социальное иждивенчество и социальный паразитизм, который, как показало исследование, унаследован еще с советского времени, когда безвольные и пассивные граждане привыкли во всем полностью полагаться на государство.

Итак, исходя из вышеизложенного, мы можем сказать, что предприняты определенные шаги, в настоящее время осуществляются и будут осуществляться меры, направленные на реализацию норм, заложенных в Конституции Российской Федерации, провозгласивших нашу страну социальным государством.

Социальное государство должно регулировать в определенной степени хозяйственные и экономические сферы общественной жизни, однако должно иметься определенное соотношение между степенью вмешательства государства в экономику и свободой предпринимательской деятельности. В ряде стран с авторитарной моделью управления государство чрезмерно регулирует рыночные отношения, вводя государствен-

ное планирование, что приводит к отмиранию свободных рыночных отношений и бизнеса в целом. Здоровая социальная рыночная экономика не может развиваться в условиях тотального государственного монопольного вмешательства, поскольку бизнес и предпринимательская активность предполагают предоставление существенной свободы участникам рынка. Само по себе понятие социальной рыночной экономики может оказаться несостоятельным и показать свою полную нежизнеспособность.

Пристатейный библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2007.
2. Васькина О.Э. Социальная справедливость в массовом сознании советского общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 22–26.
3. Габрелян Э.В. О правовом социальном государстве // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 32–34.
4. Кручинин В.Н. Социальное государство и его функции в условиях современной России // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 1. С. 15–30.
5. Пашенцев Д.А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Право и жизнь. 2012. № 167. С. 214–225.

References (transliterated)

1. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. M.: Norma, 2007.
2. Vas`kina O.E`. Social`naya spravedlivost` v massovom soznanii sovetskogo obshhestva // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 8. S. 22–26.
3. Gabrelyan E`.V. O pravovom social`nom gosudarstve // Rossijskaya yusticiya. 2011. № 5. S. 32–34.
4. Kruchinin V.N. Social`noe gosudarstvo i ego funkcii v usloviyax sovremennoj Rossii // Nauchno-issledovatel`skie publikacii. 2013. № 1. S. 15–30.
5. Pashencev D.A. Konstitucionnaya model` social`noj ry`nochnoj e`konomiki Rossii // Pravo i zhizn`. 2012. № 167. S. 214–225.

Проведем оценку имущества для любых целей:

✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером
Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рэнкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Волкова Т.Б.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Цель: Анализ актуальных вопросов миграционной политики России и тенденций ее развития.

Методология: Использовались формально-юридический и системный методы.

Результаты: В статье представлены авторское понятие «миграционная политика», ее социальная обусловленность, цели и задачи.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает определенной научной и практической ценностью, поскольку в ней рассмотрены проблемы правового регулирования миграционной политики, ее содержание и особенности.

Ключевые слова: анализ, безопасность, гражданство, законодательство, миграция, нарушение, преступность, ответственность.

Volkova T.B.

MIGRATION POLICY AND TRENDS OF ITS DEVELOPMENT

Purpose: To analyze topical issues of migration policy of Russia and trends of its development.

Methodology: Legalistic and system approaches were used.

Results: The author's concept of «migration policy», its social conditionality, the purposes and tasks are presented in the paper.

Novelty/originality/value: Article has a certain scientific and practical value as it attempts to analyze the problems of legal regulation of migration policy, as well as ts contents and features.

Keywords: analysis, safety, nationality, legislation, migration, violation, crime, responsibility.

При анализе миграционной политики мы исходим из общепризнанного положения о том, что политика – это концентрированное выражение экономики. Экономические отношения составляют основу базиса [4], играют ключевую роль в миграционных процессах, являются их движущей силой. Миграция (от лат. migratio, migro перехожу, переселяюсь) означает перемещение, переселение людей со сменой места жительства [6].

Превращение миграционных потоков в глобальное явление обусловило значительное усиление интереса к вопросам международной миграции со стороны ученых, государственных и политических деятелей, международных общественных организаций, широких слоев общественности [1].

Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622 утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. В ней указано, что современные тенденции в сфере миграции в Российской Федерации обусловлены в основном экономическими и социальными факторами. Миграционная политика обладает определенной самостоятельностью, имеет свои цели, задачи, правовую базу [2].

Тенденции развития миграционной политики отражаются в присущих ей целях и задачах. Целью миграционной политики является, во-первых, создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны; во-вторых, повышение качества жизни ее населения, обеспечение безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, в-третьих, защита и сохранение русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода, и др.

Задачами миграционной политики являются, прежде всего, совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих миграционные процессы. Это касается добровольного переселения в РФ на постоянное место жительства как соотечественников, проживающих за рубежом, так и иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество.

Остро стоит задача въезда в РФ и пребывания на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи.

Этому способствует задача создания условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в РФ иностранных граждан, создания благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов.

Миграционный процесс – множество событий, влекущих за собой смену места жительства [5]. Такие процессы должны быть контролируемыми, чему способствует задача создания условий для снижения диспропорции в размещении населения и пространственного развития страны.

Выделяется также задача дальнейшего развития механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства РФ и коррупционных нарушений в сфере миграции. Она реализуется путем совершенствования мер ответственности за нарушение названного законодательства и законодательства РФ о противодействии коррупции.

Цели и задачи миграционной политики касаются, прежде всего, иностранных граждан и лиц без гражданства, правовой статус которых законодательно определен. Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» под иностранным гражданином понимается физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства; лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) другого государства.

Миграционная политика основана на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, нормативно-правовых актах, регулирующих миграционную сферу деятельности в пределах своей компетенции. Конституция РФ является основополагающим нормативным актом, провозглашающим основные идеи, на которых основаны все отрасли права, в соответствии с которыми осуществляют свою деятельность органы государственной власти.

Согласно ч. 3 ст. 80 Конституции РФ Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Он же разрешает вопросы гражданства РФ и предоставления политического убежища (п. а ст. 89 Конституции РФ). В то же время все граждане обязаны соблюдать Конституцию РФ и принятые на ее основе законы.

Правовой базой миграционной политики и формой ее закрепления является федеральное законодательство. В зависимости от предмета правового регулирования данное законодательство целесообразно классифицировать на два вида: законы, регулирующие внутреннюю (Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ»; Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-I «О вынужденных переселенцах» и др.) и внешнюю миграцию (Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах»; Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»; Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ»; Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» и др.). Реализация политики в данных сферах осуществляется путем применения указанных законов. К примеру, предметом регулирования Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» являются принципы гражданства РФ и правила, регулирующие отношения, связанные с данным гражданством. Им же определены основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства РФ. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-I «О вынужденных переселенцах» определяет понятие «вынужденный переселенец» и «члены семьи вынужденного переселенца», называет основания признания их таковыми и др.

При этом, наряду с правами (получение единовременного денежного пособия на каждого члена семьи, проживание в центре временного размещения вынужденных переселенцев, получение питания, пользование коммунальными услугами и др.), закреплены и обязанности. В их числе прохождение обязательного медицинского осмотра, сообщение достоверных сведений, необходимых для принятия решения о предоставлении им статуса вынужденного переселенца. Таким образом, основой миграционной политики являются нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс внешней и внутренней миграции [3].

Миграционная политика является составной частью внутренней и внешней политики государства. В рамках внутренней политики РФ решаются вопросы правового положения мигрантов, порядка их нахождения на территории страны, объемов приглашенных мигрантов, их социализации и обеспечения необходимых условий проживания, медицинского и других видов обслуживания. Это касается, в том числе, противодействия преступности, юридической базой которой является уголовное законодательство (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Одним из ее направлений является деятельность государства по противодействию организации незаконной миграции. Внешнеполитические аспекты миграционной политики связаны с меж-

государственными проблемами, определением и формированием потоков эмигрантов из зарубежных стран, намеривающихся прибыть в РФ, организацией обучения языку общения на территории, ознакомлением с историей и потребностями в трудовых ресурсах в РФ.

Основу уголовной миграционной политики с присущими ей целями и задачами составляют осуществляемый государством миграционный контроль и противодействие преступности. При этом важно определить ее место в правовом механизме государства, формы и методы ее реализации. Важным критерием эффективности проводимой политики в отношении мигрантов является соблюдение ими норм права, общепризнанных норм поведения и общения.

Незаконная миграция, питающая рабочей силой теневой сектор экономики, является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения РФ [2]. От этого зависит восприятие их обществом.

С увеличением количества мигрантов растет и преступность данной категории лиц. Данная корреляционная зависимость должна учитываться при реализации стратегии миграционной политики. При этом приоритетным направлением, по нашему мнению, должно быть уменьшение пребывания лиц, скрывающихся от правосудия. Это лица, совершившие на территории РФ правонарушения и уехавшие к месту предыдущего жительства, в другой регион или государство, чему способствует прозрачность государственной границы РФ со странами СНГ.

Миграционные проблемы нельзя решить только ужесточением наказания в этой сфере. Акцент должен быть перемещен на исполнение принятых законодательных актов в миграционной сфере и ассимиляцию находящихся на территории РФ иностранных граждан. Увеличение трудовых ресурсов за счет мигрантов не должно осложнять ситуацию на рынке труда по отношению к постоянно проживающим гражданам или соотечественникам из других регионов. Решение вопросов с трудоустройством должно осуществляться на конкурсной основе с учетом знания языка, норм и правил проживания, основ права и трудовой квалификации. При этом основной аспект должен быть смещен на процесс подготовки будущих мигрантов в стране их проживания.

Представляется недопустимым образование рабочих анклавов по национальному или религиозному признаку. Их закрытый образ жизни не способствует адаптации в новых условиях, приводит к возникновению конфликтов на этой почве.

Миграционная политика, таким образом, – это основанная на Конституции РФ и нормативно-правовых актах деятельность государства по регулированию внешней и внутренней миграции, включая прием, транзит и водворение иностранных граждан и лиц без гражданства, направленная на обеспечение национальной безопасности РФ, защищенность, комфортность и благополучие ее населения.

Пристатейный библиографический список

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 75–87.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утверждена Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru.
3. Костюк М.Ф. Уголовная политика по правовому регулированию и противодействию организации незаконной миграции // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 131–135.
4. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. С. 6–7.
5. Прудникова Т.А. Теоретико-методологические и правовые основы регулирования миграционных процессов (На примере России и государств – членов Европейского Союза): монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016.
6. Универсальный энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.

References (transliterated)

1. Aleshkovskij I.A., Ioncev V.A. Upravlenie mezhdunarodnoj migraciej v usloviyax globalizacii // Vek globalizacii. 2015. № 1. S. 75–87.
2. Koncepciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody` (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.pravo.gov.ru.
3. Kostyuk M.F. Ugolovnaya politika po pravovomu regulirovaniyu i protivodejstviyu organizacii nezakonnoj migracii // Problemy` v rossijskom zakonodatel`stve. 2013. № 2. S. 131–135.
4. Marks K. K kritike politicheskoj e`konomii. Predislovie // Marks K., E`ngel`s F. Soch. 2-e izd. S. 6–7.
5. Prudnikova T.A. Teoretiko-metodologicheskie i pravovy`e osnovy` regulirovaniya migracionny`x processov (Na primere Rossii i gosudarstv – chlenov Evropejskogo Soyuza): monografiya. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2016.
6. Universal`ny`j e`nciklopedicheskij slovar`. M.: Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya, 1999.

Сведения об авторах

АВДЕЕВА Екатерина Вадимовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

АКСЁНОВ Алексей Николаевич – адвокат Адвокатской палаты города Москвы, 121069, Российская Федерация, г. Москва, Новинский бульвар, д. 31.

БАГИШЕВ Олег Алексеевич – кандидат юридических наук, преподаватель Московского финансово-промышленного университета «Синергия», 125190, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80.

БЫКАДОРОВА Елена Владимировна – преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

ВОЛКОВА Татьяна Борисовна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. академика Волгина, д. 12.

ГОРОБЦОВА Юлия Олеговна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. академика Волгина, д. 12.

ГРИБ Денис Вячеславович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. академика Волгина, д. 12.

ДУДОРОВ Тимофей Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, 394006, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95.

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Международного научно-образовательного Центра сравнительного правоведения Московского отделения Ассоциации юристов России, заместитель председателя исполнительного комитета МО АЮР, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

КАЛЮЖНЫЙ Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны России, 302015, Российская Федерация, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

КАНАТОВ Танат Канатович – доктор PhD, докторант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, представитель ЕврАзНИИПП в Республике Казахстан, 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Бейбитшилик, д. 71.

КАРПУШКИН Олег Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны России, 302015, Российская Федерация, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

КОРОТКОВА Полина Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

КРАЙНОВА Надежда Александровна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 194000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21.

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, тренер адвокатов и профессиональных медиаторов, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

МОСКАЛЕНКО Анастасия Игоревна – член коллегии адвокатов «Московский юридический центр», 105120, Россия, г. Москва, пер. Малый Полуярославский, д. 3/5, стр. 1.

МОЧАЛОВА Вера Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, 115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 52/45, каб. 108.

НАТАРОВ Алексей Алексеевич – заместитель главного врача по организационно-методической работе Воронежской городской клинической больницы скорой медицинской помощи № 1, 394065, Российская Федерация, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 23.

ПАСТУХОВ Михаил Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры теории и истории государства и права Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения», 220096, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Октябрьская, д. 5.

ПОСТАНЮК Владимир Дмитриевич – адвокат, 117105, Российская Федерация, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 1, стр. 6, офис А422.

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, старший вице-президент Русско-Азиатской Ассоциации Юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. академика Волгина, д. 12.

СВИРИДОВ Роман Владимирович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. академика Волгина, д. 12.

ТАМАЕВ Руслан Сугаипович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата, 105077, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

ТРУБИН Евгений Михайлович – первый заместитель руководителя подразделения по нормотворчеству и стратегическому развитию СРО Союза операторов железнодорожного транспорта, 105005, Российская Федерация, г. Москва, Плетешковский пер., д. 3, стр. 2.

ХОДУСОВ Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, 127427, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.

ЧАШИН Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-восточного государственного университета, председатель Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная», 685000, Российская Федерация, г. Магадан, пр-т Ленина, д. 3, оф. 448.

AKSENOV Alexey Nikolayevich – advocate of the Moscow Bar, 121069, Russian Federation, Moscow, Novinsky Boulevard, 31.

AVDEEVA Ekaterina Vadimovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 664074, Russian Federation, Irkutsk, Lermontova St., 110.

BAGISHEV Oleg Alekseevich – Candidate of Juridical Sciences, Lecturer of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», 125190, Russian Federation, Moscow, Leningradsky Prospect, 80.

BYKADOROVA Elena Vladimirovna – Lecturer of Department of Preliminary Inquiry, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 198206, Russian Federation, St. Petersburg, Letchika Pilyutova St., d. 1.

CHASHIN Alexander Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of North-Eastern State University, Chairman of the «Far Eastern» Bar of Magadan Region, 685000, Russian Federation, Magadan, Lenin Ave., 3, Office 448.

DUDOROV Timofey Dmitrievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State Judiciary University, 394006, Russian Federation, Voronezh, Dvadtstailetiya Oktyabrya St., 95.

EGOROVA Maria Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Competition Law Department, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the International Scientific and Educational Center for Comparative Law of the Moscow Branch of the Russian Association of Lawyers, Vice-Chairman of the Moscow Branch of the Russian Association of Lawyers, 125993, Russian Federation, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9.

GOROBTSOVA Yuliya Olegovna – adjunct of the Faculty of Training of Teaching and Research Personnel, V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 117437, Russian Federation, Moscow, Akademika Volgina St., 12.

GRIB Denis Vyacheslavovich – adjunct of the Faculty of Training of Teaching and Research Personnel, V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 117437, Russian Federation, Moscow, Akademika Volgina St., 12.

HODUSOV Alexey Aleksandrovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the International Legal Institute, 127427, Russian Federation, Moscow, Kashenkin Lug, 4.

KALYUZHNYI Alexander Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Academy of the Federal Protective Service of Russia, 302015, Russian Federation, Orel, Priborostroitelnaya St., 35.

KANATOV Tanat Kanatovich – Candidate of Juridical Sciences, doctoral student of the Russian State Academy of Intellectual Property, Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law Representative in the Republic of Kazakhstan, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Beybitshilik St., 71.

KARPUSHKIN Oleg Sergeevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, employee of the Academy of the Federal Guard Service of Russia, 302015, Russian Federation, Orel, Priborostroitelnaya St., 35.

KOROTKOVA Polina Evgenievna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Advocacy of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 125993, Russian Federation, Moscow, Sadovo-Kudrinskaya St., 9.

KRAYNOVA Nadezhda Aleksandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of St. Petersburg State University of Economics, 194000, Russian Federation, St. Petersburg, Sadovaya St., 21.

MELNICHENKO Roman Grigorievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, trainer of lawyers and professional mediators, 400131, Russian Federation, Volgograd, Gagarina St., 8.

MOCHALOVA Vera Alekseevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the A.N. Kosygin Russian State University, 115035, Russian Federation, Moscow, Sadovnicheskaya St, 52/45, Room 108.

MOSKALENKO Anastasia Igorevna – Advocate of the «Moscow Law Center» Bar; 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, bld. 1.

NATAROV Alexey Alekseevich – Deputy Chief Physician for organizational and methodological work of the Voronezh City Clinical Emergency Hospital № 1, 394065, Russian Federation, Voronezh, Patriotov Prospect, 23.

PASTUKHOV Mikhail Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Private Educational Institution «BIP-Institute for Jurisprudence», 220096, Republic of Belarus, Minsk, ul. October, 5.

POSTANIUK Vladimir Dmitrievich – advocate, 117105, Russian Federation, Moscow, Varshavskoe highway, 1, bld. 6, office A422.

RAGULIN Andrey Viktorovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, advocate of the Moscow Bar, Senior Vice President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Professor of the Criminal Law Department of the V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 117437, Russian Federation, Moscow, Akademika Volgina St., 12.

SVIRIDOV Roman Vladimirovich – adjunct of the Faculty of Training of Teaching and Research Personnel, V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 117437, Russian Federation, Moscow, Akademika Volgina St., 12.

TRUBIN Evgeny Mikhailovich – First Deputy Head of the Unit for Rulemaking and Strategic Development, Russian Union of Railway Transport Operators, 105005, Russian Federation, Moscow, Pleteshkovsky Pereulok, 3/2.

TAMAEV Ruslan Sugaipovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, 105077, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5, Office 1.

VOLKOVA Tatyana Borisovna – adjunct of the Faculty of Training of Teaching and Research Personnel, V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 117437, Russian Federation, Moscow, Akademika Volgina St., 12.